

Дарная песнь Уробороса

Песня старик

Амурский Агамемнон

Позитивная установка Амурск Мусора

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

Д. Адамидов «Долгая песнь Уробороса. Петины сказки.
Подлинная история Алисы Лидделл».
Сборник стихотворений и прозы. 2019
Издан при финансовой поддержке Союза Литераторов РФ
Не предназначен для продажи и иного коммерческого
использования

При написании текста использовались литературные
произведения и онлайн-дневники Марии Райтер
и Нателлы Сперанской.

ISBN 978-5-6042592-0-7

© Д. Адамидов, 1997-2019

© М. Райтер, стихи, иллюстрации (обложка) 2018

© Д. Копанс, дизайн, 2019

ISBN 978-5-6042592-0-7

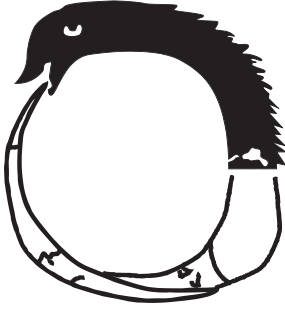
9 785604 259207

Долгая песнь Уробороса

1997-2018

№1 Первое письмо к Марии Райтер. Буратино

Привет. У нас тут как обычно суета. Мы за чем-то пишем ненужные буквы в нелогичном порядке: все это почему-то называются репортаж или отчет. Ещё на днях ожидается приезд какого-то американца: он то ли снял сериал «Х-файлы», то ли написал сценарий, то ли не успел снять своё имя, потому что был в запое – но факт в том, что теперь он читает лекции и все внимают ему как новому Мессии.

Новый Мессия говорит, что люди, что громоздят друг на друга камни, забиваются в щели между ними и ненавидят соседей (это ещё называется город) ... но все равно они подчиняются Музыке. Вернее, одному странному и порой отвратительному мотиву, который можно услышать либо ранним утром, либо во время грозы, выйдя на любую мало-мальски открытую площадь.

Музыка меж тем пронизывает все вокруг, хотя большинство из нас её не слышат. Вероятно, не та частота. Но даже если присмотреться – легко увидеть, что и пассажиры подземки, устало дремлющие в вагонах во всякое время суток, и свет на платформах и в тоннелях, и даже сами поезда и прочие технические сооружения – их всех хоть немного, но ведёт мелодия, ритм, мотив или как там это правильно называется.

Что уж говорит о бедном сумасшедшем (почему-то хочется сказать – дервише) который пляшет посередине платформы станции «Чистые пруды», изображая гитариста и напевая какую-то бессмыслицу неизвестно на каком языке. Не знаю, что ему сказал доктор, но для меня очевидно – он подошел слишком близко к Музыке, слишком прикоснулся и не выдержал соседства с ней.

Такое уже случалось не раз и еще случится: вспомни Вертинского, Высоцкого, или Кобейна. Но это всё, к сожалению, обросло массой вранья и домыслов, как и положено легенде. Я же хочу рассказать тебе о том, что никогда не станет легендой и поводом для какого-нибудь непотребства под названием репортаж или мемуары.

Итак, знаешь ли ты настоящий финал истории про Буратино?

После того, как открыли волшебный театр, счастье было недолгим: куклы поссорились и не смогли поделить свой новый дом. В итоге Буратино запищал их обратно в сундук и запер на ключ. Не спрашивай, чего ему это стоило. Они, возможно, и теперь пылятся там, в надежде, что кто-то снова придет и подарит им сказку. Но, вообще говоря, сделать это некому – сам Карабас-Барабас давно умер, также, кстати, как и папа Карло. Буратино давно остался один.

Дерево не может умереть, может только сгнить, сгореть, либо превратиться в камень. Но сухой климат тех мест способствовал скорее последнему, и Буратино год от года становился всё твёрже и твёрже. Мягким оставалось только его фанерное сердце, медленно истирившееся о твердую грудную клетку.

Что сказать? Тут нет никакого сюжета. Просто он уже всё сделал, для чего был создан – дальше в полном смысле слова тишина. Слышно только как сверчок за печкой хронически не попадает в ноты. Возможно, раньше это не было так заметно, а может просто восприятие тоже постарело и стерлось. Знаешь, это как с каким-нибудь фильмом, который однажды изменил тебя. У меня это была «АССА». Когда я посмотрел её в первый раз, то после сеанса минут двадцать сидел в освещённом зале и не мог пошевелиться. Но потом с годами и каждым новым просмотром шок все больше проходил, и становились заметны очевидные недостатки и «милые косяки», так свойственные отечественному кинематографу.

И вот однажды я поймал себя на мысли, что с удовольствием смотрел только на сцену на канатной дороге, и на «сон мальчика Бананана №2». Но совсем скоро наступит тот день, когда и канатная дорога перестанет что-то значить, и останутся одни только сны. Видимо, нечто подобное случилось и здесь.

Надо сказать, что Буратино тоже до самого последнего дня видел сны, наверное, потому что Папа Карло сделал сердце на совесть. Обычное сердце гоняет кровь, но в данном случае в этом не было необходимости, и потому фанерное сердце тихонько роняло опилки, источаясь от печальной песни сверчка, которая звучит уже много столетий и которая вполне возможно суть голос камня, а сверчок – это только способ передать её человеку. Это не похоже на фанфары, звучащие на площади в дни проезда какого-нибудь Принца Лимона. Разумеется, это также не похоже ни на какие танцы: ни на менуэт, ни на рок, ни даже на фри-джаз. Тем не

менее, именно в такт этому сверчку уже тысячи лет незаметно колышет-ся вся Италия. Буратино был не исключение.

Но удивительно то, что только он (казалось бы – деревяшка) лучше всех кукол, и, наверное, лучше многих людей смог постичь суть этой Музыки. Возможно потому, что ему некуда и незачем было спешить: за все эти годы он только и сделал по дому, что повесил на старое место заново нарисованный очаг, да похоронил крысу Шушеру, с которой успел, кста-ти говоря, сдружиться. Он сидел и слушал сверчка. Когда ты сливаешься со звуками, окружающий мир перестает существовать и тело перестает слушаться. И наплевать на то, что сверчок и вправду под старость стал тугоух и то, что он на самом деле играл, уже носило совсем уж невнят-ный характер. «Чарующие звуки водобочкового инструмента» - как это назвали в одном кукольном спектакле времён моего детства.

Так или иначе, в тот день Буратино как обычно слушал, а сверчок играл и пел. Им казалось, что так продолжалось бесконечно долго, хотя часы свидетельствовали о том, что прошло не более четверти часа, мак-симум минут двадцать. Но тебя не должно это удивлять. Время течет неровно, как ни крути, и еще петляет как заяц, убегающий не то от охот-ников, не то от собственной тени. За эти пятнадцать-двадцать минут Бу-ратино и сверчок прожили, наверное, не одну сотню лет, стали бездонно мудры и еще более состарились. До полного высыхания и тлена. Мелодия выпила их до дна, и ни в одном, ни в другом не осталось ни капли влаги. Известно, чем обычно это заканчивается.

Сверчок неловко повернулся и его ссохшиеся в пыль крылья родили в пространстве искру, от которой моментально вспыхнул сухой воздух, старая мебель, и конечно сам сверчок и Буратино.

«Статическое электричество» – проворчал с небес Бог, которому сегодня захотелось нарядиться в костюм Никола Теслы – «увлажнять надо воздух, потому что! Сколько можно говорить. Учишь их, учишь, а все без толку»

Но Буратино уже не слышал этого. Его пожирал огонь. Дереву вооб-ще-то очень больно гореть, во много раз больнее, нежели человеку или животному. Но, вопреки опасениям, Буратино ничего не чувствовал. Лишь его фанерное сердце продолжало плакать, но не от боли, а от мело-дии сверчка, которую подхватил огонь и теперь методично разносил по всему городу. И жители, тушившие новость откуда взявшийся пожар, и коты, в панике сбившиеся на крыше, и птицы, не понимавшие, из-за чего

внизу поднялась такая суета – все слышали Музыку. Услышал её и Бог, которому уже надоело играть в Никола Теслу, и который всё еще никак не мог решить, чем ему теперь заняться.

«Как интересно» - подумал Бог – «Ничего себе погорельцы насочиняли. Надо бы запись сохранить, в памяти потомков, так сказать. Кто у нас тут есть подходящий из новорожденных композиторов?

Бог пошарил рукой под Небесным тронем и извлек оттуда порядком запыленную Книгу Судеб.

«Так, посмотрим ... 1881 год от рождества Христова. Ну-ка, ну-ка ... кто у нас тут по плану?

Будущий папа Римский, Кемаль Ататюрк, Александр Керенский. Почему он, интересно, в женском платье нарисован? Артист что ли? Да нет вроде бы премьер-министр. Опять всё в редакции перепутали?!

Григорий Котовский ... кавалерист какой-то. Пабло Пикассо, Фернан Леже – нет, это художники. Писатели ... Аркадий Аверченко, Стефан Цвейг ...

А вот они композиторы-музыканты! Что-то негусто, прямо скажем. Николай Мясковский, Николай Рославец – педагог и скрипач. Пожалуй, тут надо что-то другое, не классическое. А кто по очереди на следующий год. Кирилл Стеценко, Игорь Стравинский ... Так, а что с 1883 годом? Александр Александров - автор гимна. Тойво Кулла - финн. И точка. Прекрасно!! А что он напишет то, финн ваш?! Что за болваны!»

Бог несколько раздраженный отложил Книгу Судеб и на секунду-другую задумался.

«Вот что! С музыкантами решим после, пусть пока итальянец этот, как его, Лоренцини – хотя бы историю запишет. А я пока займусь редакцией – распоясались совсем: министр у них в женском платье, композитор – финн. Дождутся они Гнева Господня!»

Бог спрятал Книгу Судеб на прежнее место, решительно воспарил над Небесным тронем и двинулся в сторону редакции вершить скорый, но справедливый суд.

В это же самое время сеньор Карло Лоренцини, известный тосканской публике под псевдонимом Коллоди, пробудился от тревожного сна. Было уже позднее утро и в доме воцарилась непривычная тишина: все ушли за покупками. Сеньор Карло, наскоро совершив утренний туалет и перехватив что-то на завтрак, уже битый час стоял у окна, пытаясь со

всех сторон осмыслить и проанализировать свои недавние сновидения. Он давно хотел написать историю про ожившую деревянную игрушку, но всё что-то не складывалось. Но сегодняшний сон неожиданно все расставил на свои места. Тревожило только две вещи: непривычная законченность сюжета – как будто кто-то его надиктовал ему. И второе – непередаваемый трагизм, который совершенно не вязался с первоначальным замыслом. И еще эта мелодия, раздражающая и манящая одновременно.

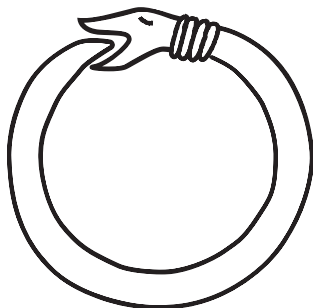
После некоторых раздумий сеньор Карло решил, что произведение писать, безусловно, надо. Ибо очевидно, что сон – это был знак Божий, благословляющий на свершения. Но сюжет придется переработать. Публика и издатели иначе не поймут: надо придать истории необходимое нравственное содержание, убрать все эти неясные намеки, и особенно трагическую Музыку. Привести к формату *del arte* – словом сделать так, как он прекрасно умеет.

Что было далее, все хорошо знают. Сеньор Лоренцини написал, по правде говоря, невесть что, да и у остальных кто потом переделывал, получилось красиво, но вряд ли правдиво. Бог, глядя на это, в очередной раз грустно вздохнул, но менять уже ничего не стал.

«Как хотят. Vabene».

Почти Маяковский (Маяковский почти)

№2

Счастье — это когда
нет ни черных дыр,
ни космических дур.

Это когда рифмовать не надо
в катрене
«амур» и «гламур»

Счастье — это когда
твои глаза, и небо в них,
и ещё бесконечный чай!

Это когда совсем
не спешить никуда.
И только «здравствуй».
и никаких «прощай»!

№3 *Евангелие от Папаши Фрикаделя*

Свертывая пространство - закрепи свободный край - только и успел сказать мудрый Михат-улла. И тут его долбануло как раз этим не закрепленным краем, и он вмиг стал седой и глупый. Теперь он поучает всех и по любому поводу, но несет такую ерунду, которая слишком даже для ересиарха. Он приходит в себя только тогда, когда ему показываешь старую фотографию его собственного дома, который он покинул ради призрачной мечты перейти море. Тогда он просветляется, плачет и говорит всего два слова: «свободный край» и слеза течет по его седой и редкой щетине, которая размякает, и на мгновение становится легче гусиного пуха. Хоть пуховик строчи.

- Бывает - сказала Сашка - Я видела коттеджные поселки, где живут жены богатеев. Там все на импортных антидепрессантах и все постоянно пьяны. Чтобы их не похитили с целью выкупа, к ним приставлена охрана. Чтобы они не содержали любовников, им не дают наличных денег. И наконец, чтобы они не раздражали миллионеров к ним почти никто не ездит. Я не могу их осуждать, но жить в этом зоопарке невозможно.

- Где ты прочла эту ерунду? - спросил Макс

- Оммммм - сказал Папаша Фрикадель

- Ампер - возразил старик Глушановский. И в следующую секунду везде погас свет.

- Давным-давно - начал Папаша Фрикадель, и даже в темноте я понял, что это и есть Евангелие - в одном чёрном-чёрном городе, стояла чёрная-чёрная школа.

- Два восемь семь? - спросила Сашка

- Да - сказал Папаша Фрикадель - не перебивай

- Ура - запищала Сашка — это про наших!

И от избытка чувств стукнула кулаком по Макс. Она вообще-то хотела попасть в меня, но ведь было темно. Макс от неожиданности повернулся и двинул локтем старика Глушановского. Тот в свою очередь уронил что-то тяжелое мне на ногу. Я решил прервать эту цепь бессмысленного насилия и ничего не ответил.

- Так вот – продолжал гундеть гипнотическим голосом Папаша Фрикадель - в чёрной-чёрной школе жила учительница пения. Ее звали Ольга Георгиевна.

- А когда будет про женщину-педофила? - капризно спросил Макс.

- Надоед ты уже - сказал я - каждый день пристаешь со своей женщиной-педофилом.

- Ольга Георгиевна была просветленной. Махатмой - продолжал Папаша Фрикадель - или Римпоче - я точно не помню. Словом, она говорит, что просветления может достичь каждый. Для этого надо лишь расширить свое сознание.

- Не думала, что она принимает запрещенные законом препараты!?

- удивилась Сашка

- Кстати говоря - сказал уже откуда-то из коридора старик Глушановский - для расширения сознания можно использовать вполне легальные средства. Например, слабительное. С дозировкой только не ошибиться.

Все заржали.

- Так вот кто мне подбросил на день рождения геморроидальные свечи - вспылел Макс - ну погоди, я до тебя доберусь!

Он, конечно, не мог никуда добраться, потому что, как уже было сказано, пала темнота. А вообще-то, это был наш общий подарок. Мы не знали, как его половчее вручить, потому и подбросили. С поздравительной открыткой. Всем было ужасно смешно, но Макс обиделся.

- Заткнетесь вы или нет? - бесстрастно спросил Папаша Фрикадель. На удивление все действительно замолчали. - Так вот, для расширения сознания она рекомендовала специальные упражнения. Самое основное — это говорить десять минут о любом объекте.

- Как это? - спросил я

- Очень просто – ответил Папаша Фрикадель - ты должен выбрать себе объект и рассказать о нем. Импровизация. Но не менее десяти ми-

нут. Например, ну вот идешь мимо помойки. Надо остановиться и говорить о помойке. Идешь мимо поликлиники – о поликлинике. Мимо гаражей - о гаражах. И рано или поздно тебе снизойдет просветление.

- А кому говорить то, кому? – не понял Макс

- Собеседнику, кому же еще. Либо сам с собой, если нет собеседника.

В этот момент вспыхнул свет. Через мгновение все узрели в дверном проеме старика Глушановского.

- Всего-навсего пробки вышибло – сказал он - А насчет собеседника – я бы лично рисковать не стал. Через пять минут по морде получишь. Кстати говоря, может снизойти и просветление. Но не факт.

- То-то я смотрю, она все время на больничном – сказала Сашка

- Она не по этой причине - возразил Папаша Фрикадель - Просто её духовное служение требует больших затрат сил.

- Она просто долбанутая на всю голову – сказал Макс – как, впрочем, и вы все тут собравшиеся, подло подкинувшие мне свечи. Я помню: она как придет в класс, не поёт, а несёт какую-то ересь . Про фильм «Покаяние» или еще что-то в этом роде. А урок, между прочим пения. Надо бы петь и играть.

- Поёт она плохо – согласилась Сашка. Вы бы слышали, как поют настоящие педагоги! Вот у нас в хоре есть Алла Саватьна и Михал Саныч. Оба уже еле ходят, но каковы их голоса. И диалоги.

Сашка села за рояль.

- К примеру, приходит она такая вся мятая с утра. А он ей – Алла Саватьна, спойте «Душечку». А она – Ах, нет Михал Саныч, я не в голосе! И ногой при этом эдак вот, ручкой так вот. А он такой напористый – нет Алла Саватьна, не делайте меня несчастным! - Сашка закатила глаза, видимо подражая мимике Михал Саныча

- А она такая вся смягчается, руку на место, ногу на место, и поет – к моменту, когда Сашка начинает играть и петь, у всех уже снова полным ходом наблюдается истерика.

«Р-р-радость душечка
К-р-р-расна девица
Л-л-лебедь белая ...

Внезапно Сашка обрывает песню и строгим голосом диктора всесоюзного радио объявляет:

- А теперь, мои маленькие друзья, по многочисленным просьбам радиослушателей мы передаем рок-оперу «Крейзи».

- Нам пора – поспешно говорю я, и делаю знаки Папаше Фрикаделю, который опять о чем-то задумался и завис.

- Вы гады и сволочи! – не меняя тона, говорит Сашка – Валите отсюда.

И мы поспешно валим. Потому что лично я уже не могу слушать рок-оперу «Крейзи». Да и вообще, хорошенького понемножку. На выходе из подъезда я спрашиваю папашу Фрикаделя:

- А в чем всё-таки смысл? Зачем говорить о помойке или о трансформаторной будке?

- Конечно не в помойке дело – отвечает Папаша Фрикадель. Это тренировка. Она так готовится.

- К чему?

- К встрече с Уроборосом.

- С кем? С чем?

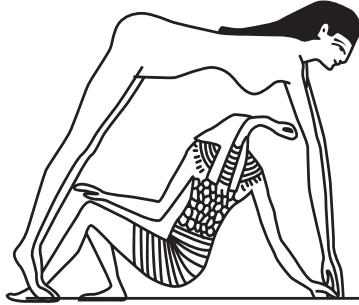
- Со змейёй, жрущей свой хвост. Видел у неё браслет на руке?! Она его никогда не снимает.

- Ну да, что-то такое припоминаю. Ты хочешь сказать, что когда она вдоволь наговорится с помойкой, то будет беседовать с браслетом?

Папаша Фрикадель посмотрел на меня как на полного идиота. Я, правда, ответил ему тем же. Мы в итоге еще постояли, потом молча вздохнули, пожали друг другу руки и пошли в разные стороны.

Погода, к слову сказать, была препротивная - с утра валил мокрый снег, потом пошел дождь, а к вечеру потеплело, и появился то ли туман, то ли просто низкие облака. Во всяком случае, Останкинскую башню было видно меньше, чем наполовину. В такую погоду, думал я, наверное, у всех психов обострение – вот они и несут всякую ересь про говорящие гаражи, трансформаторные будки и Уробороса. Но последующие события показали, что Папаша Фрикадель в тот раз был совершенно прав.

Времена года

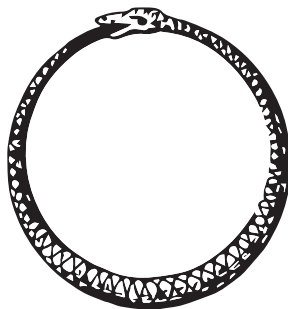
Не оставить от весны камня на камне
Есть первейшая задача всякого лета.
А потом уже жарить, палить и раскрывать ставни
И ночами шелестеть, и «сейшн в Ленсовета»

И прочая невнятная литература,
Которая со временем отольется в гипсе,
Шамоте, бронзе. В песнях группы «Сельпутура»
Надписях на заборе и бессмысленном визге,

Каковой сопровождает приходящую осень.
Хоть Болдинскую, хоть любую другую
Всегда и везде. И лишь зима её скосит
Завьюжит и засыплет, но сохранит живую
До новой ... до весны.

Сказки Иерусалимского беса - 1

№5

Я люблю этот город. Тут хорошо.
Даже в качестве трупа, иль мифа
Присмотришь: везде тени того, что прошло.
Вот Пилат, а вот и Каифа

Но Иисуса увидишь едва ли.
Его не было здесь (как и на мне креста).
А про это много позже наврали.
Одно точно знаю - была голова в кустах

Того самого бедолаги Иуды, который родом из Кириафа
Помершего от простуды, лицом похожего на жирафа.
Кто-то взял её и отрезал, и выбросил в придорожный кювет.
Бог знает зачем. Мало ли идиотов земля рождает на свет!

Чокнутые радиоприемники

домой. Убиваем время,

Вообще говоря, единственное, что твердо помнится – это огни. Хотя, например, днём - какие могут быть огни? Да и с иллюминацией тогда было не то, что нынче. Однако, чего бы дело не касалось, по факту картина одна и та же: мы с Папашей Фрикаделем стоим под какой-то витриной и считаем имеющуюся мелочь. То ли потому, что темно, то ли потому, что неохота идти

одним словом.

Нет, не так. Время нельзя убить. Скорее оно убьет тебя, чем ты его. Но сейчас время никого не стремится убивать, оно просто течёт сквозь нас. И одновременно позволяет увидеть, что происходит на соседней улице, на другом конце города, где-нибудь в чертовой дали, например, в проливе Босфор (ни хрена, к слову, говоря, там интересного: опять затонул танкер или сухогруз, мат стоит в три этажа, все бегают, ищут спасательное судно).

Это практически невозможно рассказать. Просто ты одновременно находишься везде и никуда при этом не торопишься. Ты все можешь увидеть: цвет обоев сквозь стены домов, мысли через черепную коробку и т. д. Но тебя это не волнует. Ты не Великий и Ужасный Гудвин повелитель мира, не Нострадамус или другой ясновидящий, озабоченный в основном стрижкой бабла, ты просто кусок ветра. Ты не можешь ничего изменить, но можешь все увидеть. Тебе никого не жаль, но ты одновременно с этим всех любишь.

Всех любишь, но никого не жалеешь. Наверное, это самое точное определение.

Вокруг, между тем, творился форменный сумасшедший дом. Начать с того, что учительница пения, практиковавшая расширение сознания, вскоре исчезла. То ли её действительно сдали под наблюдение

врачей, то ли просто перешла в другую школу. Но недели через две после описываемых событий, проходя мимо той самой помойки, я увидел валявшийся сломанный браслет в виде змейки. Вполне возможно, что встреча с Уроборосом так или иначе состоялась. И, к сожалению, с большой вероятностью можно предположить её исход.

Вообще, это было время, когда Империя стала саморазрушаться. Как результат, высвободилось колоссальное количество энергии. Так всегда бывает в живой природе, когда происходит процесс горения, гниения, разложения. Только тут «горела» целая страна. А поскольку события развивались очень быстро, энергии было много и сразу.

Человек выходил на улицу и его накрывало. Все куда-то бежали, лихорадочно что-то делали, таращили глаза, читали газеты. Причем едва ли не половина этих действий, если смотреть с рациональной точки зрения, была абсолютно бессмысленна. Но ... теперь есть такое слово «движуха». Раньше слова не было, но само явление, конечно же, существовало. Причем заражались данным безумием и стар, и млад, и волосат, и лыс – все поголовно.

Эту эпоху, весьма, впрочем, короткую, можно назвать «эра чокнутых радиоприемников». Года с 1989-го, когда в Москве собрался особо важный Съезд народных депутатов и его стали транслировать по телевизору и радио. Именно тогда привычной стала картина, когда каждый второй прохожий шел по улице по своим делам, но со включенным приемником. А надо вам сказать, мои маленькие друзья, что в те времена никаких ещё портативных наушников в массовом обиходе не было. Поэтому дурдом, царивший в зале заседаний, выплескивался на улицы: разобрать кто чего говорит, было совершенно невозможно, но, тем не менее, все это слушали и живо обсуждали.

После сеанса единения с радиоприемниками многие шли на митинги. Порой складывалось ощущение, что в городе все, кто мог самостоятельно передвигаться, хотя бы раз или два на них побывали. В некоторых местах, скажем на Арбате, митинг вообще был едва ли не круглосуточный. Папаша Фрикадель обожал его.

В основном там просто тусовались, пока не находился оратор, который внезапно (и главное громко) начинал что-нибудь говорить про политику, экономику, наркотики, презервативы и т. д. И все внимали ему, раскрыв рот. На полном серьезе и вне зависимости от содержания речи. Потом в пяти метрах мог объявиться какой-нибудь чело-

век с гитарой и начать петь сатирические куплеты. Одновременно с этим, третий голосом Брежнева рассказывал анекдоты про самого же Брежнева. И всё это сливалось в какой-то сумасшедший коктейль. И все потреблялось в неограниченных количествах безо всякого удержу и меры. Подобного рода ораторов и сегодня можно без труда найти в достаточном количестве, но вряд ли найдется столько благодарных слушателей. В этом основное отличие.

Папаша Фрикадель погружался в эти звуки и крики и мог часами стоять возле ополоумевших ораторов. При этом, на следующий день он едва ли помнил содержание большинства речей, но видимо это его сильно и не волновало. Мне же быстро надоело, и я старался уйти.

Особенно хорошо было весной, в мае. Ты уходил с шумного Арбата куда-нибудь во дворы и переулки, которые тогда были еще пыльные, обшарпанные, без многочисленных заборов и охранных систем, но абсолютно живые. Это была тоже своего рода музыка и ты погружался в нее, и как правило очнуться удавалось только на пороге собственного дома, или у гаражей в соседнем дворе.

На которых чаще всего сидели одни и те же: Бобёр, Шуша, Корней, Сын Оленевода Бельдыева. Так было и в тот раз. Они слушали магнитофон "Электроника-302". Да-да, тот самый легендарный выкидываш советской электронной промышленности – коричневый и вечно раздолбанный. Теоретически он был предназначен для проигрывания аудио записей, но по факту после месяца эксплуатации превращался в коричневый ящик, в который можно ставить какие угодно кассеты, но звук идет примерно одинаковый: «пр-р-р-р-р-ш-ш-ш-ш-ш-ш» потом опять «пр-р-р-р-р-ша-ла-лу-ла». Сквозь эти хрипы и шум можно по некоторым косвенным признакам угадать слова песен. На самом деле ничего сложного, дело привычки.

Бобёр, хозяин аппарата, предпочитал блатной репертуар, но в тот день он взял то ли пакет не с теми кассетами, то ли еще что, но среди прочего на одной кассете оказался, "Beatles". «Белый альбом», та пластинка, где «When my guitar gently wips» ... или чего-то она там джентли делает.

Надо сказать, что «Beatles» я не сильно люблю. Я люблю «The Doors», но тогда я еще об этом не знал. А остальные и подавно не любили «Beatles». Однако, это не имело решительно никакого значения.

Потому что в тот раз дело было не в исполнителях, а в Музыке. Полагаю, высокое собрание уже согласилось с тем, что она есть внутри каждого. Правда, у большинства из нас до поры до времени дремлет, и даже может так получиться, что в ком-то вообще не просыпается никогда. Но если это всё же случилось, то мир меняется быстро и кардинально.

Мы сидели тихо-тихо, и слушали. Все перестали плевать, курить и материться, даже мятежный Сын Оленевода Бельдыева. Сквозь хрипы выдавшего вида аппарата «Элеткроника-302» мы напряженно вслушивались как Эрик Клэптон выводил соло в этой самой «When my guitar gently weeps» и постепенно растворялись в Музыке. Начинало казаться, что это играет никакая не электрогитара, а весь мир обратился в звук. И ты уже не малолетний оболтус, выкровоивший время чтобы погреться на гаражах, а часть чего-то огромного и важного, что происходит прямо сейчас и что едва ли возможно выразить словами.

Когда песня доиграла, в аппарате тут же сели батарейки, но тишины не наступило. Нас вдруг прорвало: мы стали, перебивая друг друга, молоть всякую чушь, кричали почти одновременно. Я довольно быстро понял: наши голоса просто продолжали колебаться в унисон Музыке, она резонировала в нас.

И тут нарисовался Серёга на мотоцикле. Хотя может быть его звали вовсе не Серега, но теперь об этом уже не у кого спросить. Но мотоцикл был. Я думаю, он изначально явно приехал хвастаться, но вместо этого некоторое время рядом с гаражами и слушал что происходит. Наконец, мы его заметили, и он даже не вступил, а влился в общий разговор. Тогда казалось, что мы вшестером стали ближе и понятнее друг другу, чем самые родные люди. Что мы дышим одинаково, что наши радости удесятерятся, а печали в одну секунду сводятся на нет. Что всё на свете легко и всё подвластно. Что нет преград ни для чего.

- Мы все на пороге больших событий – сказал Бобёр – и скоро нас никто не сможет узнать

- Не пизди – важно возразил Шуша – ничего в мире не меняется настолько, чтобы не быть узнанным

- «Перемен требуют наши сердца» - запел Корней – вы совсем уже ку-ку. Один вскрыл кассу в трамвае и теперь думает, что мир перевернулся. А второй наслушался где-то какой-то ерунды и теперь её повторяет.

- По морде бы тебе настучать, да лень – сказал Бобёр. Он действительно на днях участвовал в ограблении трамвая¹ и очень этим гордился – Настроение у меня сегодня хорошее, так что живи пока.

- Я тоже малолеток не обижаю – важно заявил Серёга, который был на год или полтора старше нас - Вы, чо-то тут совсем как в детском саду! Поеду я, пора мне.

Все забыли про намечавшуюся было потасовку и сползли на край крыши чтобы лучше видеть отъезд мотоцикла. Серегин агрегат завелся раза с пятого, но зато это было впечатляюще – рев и клубы дыма были такими, как будто стартовала как минимум ракета. Должен признать, это производило впечатление.

- Машина зверь – завистливо сказал Сын Оленевода Бельдыева, который, как я знал, очень хотел мотоцикл.

- Ещё бы! – самодовольно ответил Серёга – были бы крылья, точно б полетел.

И с этими словами он умчался за угол издавая немилосердно ревящие звуки. И больше не вернулся. Потому что попал под КАМАЗ, на Яузе в районе Ростокинского моста, да так, что его едва ли не пополам перерезало. Об этом всем рассказал Бобер на следующий день: он узнал от соседа - санитара «Скорой помощи». А на следующую ночь мне приснился сон. В нем было все, как рассказал Бобер, но присутствовала и одна важная дополнительная деталь – перед тем как попасть в аварию Серега пересек какую-то полосу, похожую на водоотводный лоток, какие делают на дорогах, но только очень широкий и странной формы.

Повнимательнее присмотревшись, я понял, что это вовсе никакой не лоток, а ... да-да, именно чешуйчатое тело огромной змеи, Уробороса, чуть выступающее на поверхность из асфальта.

Во сне, конечно, еще и не такое бывает, но мне стало ясно: дело было не в нарушении правил дорожного движения. Мы находились внутри его кольца и змей нас оберегал. В том числе позволил услышать Мухому. Вряд ли специально – ему мало дела до людей вообще и до нас в частности. Просто этот мир всегда делится на две неравные части – та, что внутри кольца Уробороса, и та, что снаружи. И пересекать грани-

¹ Небольшое пояснение для тех, кто не застал – года до 1988 билеты в общественно транспорте в Москве приобретались непосредственно в салоне трамвая или троллейбуса – там стоял кассовый аппарат, куда пассажиры бросали монетку и отрывали билет. Естественно, к концу рейса в кассе скапливался довольно внушительный запас медяков.

цу между ними надо крайне осторожно. Потом я увидел, как создавался затор, приехали милиция, скорая и доставали Серегу вперемешку с останками мотоцикла: прямо как Колобка, замечтавшегося и прозевавшего лису.

Но если возвращаться к той нашей компании, то, правду говоря, остальные с лисой тоже не сильно разминулись. Бобер умер первым от передоза едва дожив до 27 лет, Сын Оленевода Бельдыева – чуть позже, от него же. Шуша, по-моему, последним от СПИДа. Корнея посадили на 10 лет (он в порядке самообороны убил человека, но это оказался сын полковника милиции), но он выжил, и вышел. Назло врагам, на радость маме, как говорится. Разумеется, совсем другим человеком. Разговаривать нам особо не о чем, но при случае здороваемся.

Жаль, конечно, что так всё вышло. Но что действительно сильно изменилось с той поры – теперь ты всех жалеешь, но при этом уже почти никого не любишь.

Старик со старухой

№7

Спортивный старик со старухой
жил у самого синего моря.

Старуха ходила на фитнес,
На жопе била наколки.

Старик же скучал за смузи
И часто мечтал о рыбалке
и бабушкином самогоне.

Старуха была, впрочем, дурой
готовить совсем не умела.

Кораблик царя Салтана

Потерявшие веру и символы дети, собирали их из обломков пионерского быта, выброшенных на свалку электродов и прочих странных предметов. И снов о далёком Эльдорадо, которое бог знает где: в Америке, Африке, Атлантиде.

Но по факту в самом лучшем случае получался либо Маяковский, либо бабкин блатняк, который кто-то находчивый потом переименовал в русский шансон. Хотя какое там ...

В ярости они пытались быть сложнее, играть словами в бисер или в бридж, едва зная при этом правила. Возможно, потому получалось больше похожее на подкидного дурака: раскрась Годара, включи самурая, прикинься скандинавом, возлюби Фасбиндера. Впрочем, гомосексуальности и без этого предостаточно. По итогу иногда получилось вполне фешенебельно, но себя не обманешь: Эльдорадо ближе так и не стало. А стружка от электродов царапается и мешает сохранять лицо. Даже если ты вовсе не самурай.

И повзрослевшие дети, махнув рукой, бредут бог весть куда, но в итоге разными путями попадают на берег моря. Где ветер, волны и белое пятно на горизонте. И это не бельмо на твоём глазу, не ладья фараона, и не призрак Жана Поля Сартра.

Это простой кораблик. Плывущий по своему обычному маршруту: мимо острова Буяна в царство славного Салтана.

Сон пионера

№9

Пионер – он не подведёт!
Пионер – всегда «будь готов»!
Ну а ты вечно что-то жуешь
И никак не свяжешь двух слов.

Валя Котик в разведку ходил
А Казей то, Марат, тот вообще!
Так откуда ж такой ты debil?
Вот и галстук испачкал в борще.

Завтра утром газету сдавать
И монтаж, что еще не готов.
Виктор Хара там будет страдать
За свободу от тяжких оков.

И в конце концов, хватит жрать,
Дорогой ты мой человек!
Надо текст для газеты писать!
Кто тебя направил в «Артек»?

Пионер проснётся в поту
Ему стукнуло сорок один
Он большой начальник в порту
Все же выпив валокордин

Снова ляжет он, но не заснёт
Будет вспоминать до утра
Как осеннее солнце встает
Как сияет Медведь-гора

Когда нет проблем никаких
(Лишь один вожатый дурак)
И на фоне волн штормовых
Вверх взмывает советский флаг

Ну а дальше – не объяснишь
Дальше только волшебный Крым
Пионер, почему ты не спишь?
Ты давно уже не был таким.

Тень старшего лейтенанта

Ты встречаешь его, давным-давно укравшего твою тень,
а теперь не узнающего тебя, да и никого вообще,
Вперившегося безумными глазами во впадающую в метро толпу.

Он лохмат и оборван, хотя
и теперь смотрится вполне фешенебельно
мог бы выдавать себя
на светских приемах за избравшего духовный путь,
Если бы и вправду не сошел с ума.
Видимо чужая тень не принесла счастья.
Это очень жаль, тем более что на самом деле ты сам её отпустил -
это не было кражей, или находкой: обычная подстава.

Между тем он, не оглядываясь, пошел дальше,
шаркая кедами по асфальту.
Хотя ты помнишь времена, когда мог летать.
Да все могли, чего уж там.
А бесхозные тени, его и твоя, продолжают плясать по стенам домов,
стеклам фасадов и подземным коммуникациям.
Не надо быть даже Капитаном Очевидность, чтобы сделать
из этой истории надлежащие выводы.
Тем более что капитана тебе так и не присвоили.

Похмельное. Зимнее. Крымское.

№11

В тот день, когда наперсники разврата
Изгадят все чертоги немоты.
Когда свобода, словно смерть крылата,
Завалится в колючие кусты,

В которых потерялся Братец Кролик,
И в них же где-то стонет Братец Лис.
А может быть сосед мой алкоголик
То плачет, обхвативши кипарис

От жалости к разрушенному миру?
Наверно в феврале добыл чернил,
Сошел в инферно, прогулял квартиру
И стих «под Пастернака» сочинил.

В тот день в едва занявшемся рассвете
Легко писать прощальное письмо
О том, как одиноко жить на свете,
О том, что чувства умерли давно,

О том, что никогда не быть нам вместе
Что жребий брошен и дороги нет!
(Займите мне рублей хотя бы двести.
На водку? Что вы, только на обед!)

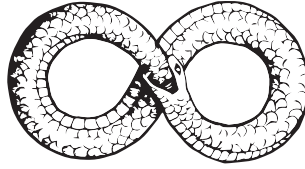
Письмо готово. Нельзя медлить боле!
Пора войти в замерзший Рубикон
На улице сосед мой, алкоголик
Проснулся и кричит. И медный звон

Несется, где его совсем не ждали
Так, впрочем, всё на Родине моей
От века происходит. Прочь печали!
Займите мне четыреста рублей!

№12

Этот февраль

Этот февраль – он ничего не даст.
Будет весна – только не для тебя.
Ты не игрок, ты даже не балласт.
Щурится ночь, мантию теребя.

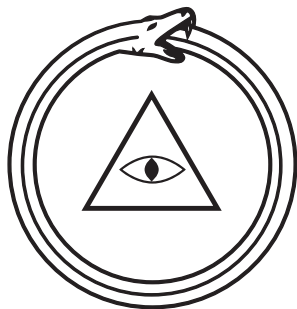
К утру промокнет весь порт пяти морей,
Ты вместе с ним – а почему бы нет?
Он ждет весны: право бы уж скорей!
Небо зальет мягкий янтарный свет,

Воздух взметнется, весело закружит
Пряной надеждой и безотчетным сном,
Снегом и пылью, солнцем задрезжит
Ближе к утру. Но это все потом.

И не с тобой ... ты, извини, никак
Не принимает кадры монтажный стол.
Этот февраль – только лишь серый мрак
Как будто саван: влажен от слез и тяжел.

Зимняя зарисовка

№13

На улице моей который год
Идёт ремонт швейцарского посольства.
И граждан жалкий ропот недовольства
Не скроет шум строительных работ.

Вот особняк снесен уже вполне,
Раскопан сквер у Дома Пионеров.
Таджик в одном строю с миллионером
Среди зимы и по уши в говне.

№14

Второе письмо к Марии Райтер – Вполне обыкновенный концерт.

Когда-то ты сказала: я могу видеть сто миров, и в каждом из них одновременно происходит своя история. Я тогда не особенно поверил, а похоже, зря. Единственная поправка – слово «видеть». Наверное, все же чувствовать. Не берусь судить, сколько точно там у тебя получается миров, но даже я со своей природной глухотой и ленью зачастую был свидетелем подобному.

Так и сегодня, в этом старом и, надо сказать, крайне неудобном блюзовом клубе. Где толком то и посетителей нет, если не считать родственников и знакомых музыкантов. А группа ... группа воистину прекрасна.

Чего стоит только гитарист с лицом усталого гоблина (в быту, кстати, отличный чувак). Или почти полностью деревянный солист с серьезным выражением на лице, в быту, кстати, не пьющий и некурящий (непонятно как его только в блюзмены вязли). Если прибавить еще к этому словно нарочно пьяного в хлам барабанщика и Папашу Фрикаделю, которому своей дури хватает, и который, по обыкновению, маячит на заднем плане, то вполне можно догадаться что шоу таки «в полный рост» и еще вдобавок «must go on», хотя лучше бы ...

Впрочем, лучшее, как обычно, враг хорошего.

Они поют что-то про Jazz me blues, но по-настоящему Музыка звучит, как мне кажется, только в Папаше Фрикаделе. Пусть даже это странная смесь японского колокольчика, Юрия Визбора и Фрэнка Заппы. Ожидая завершения концерта, я смотрю на то, как гримасничает его отражение на неровном, оцинкованном потолке и пишу тебе. Я бы, наверное, позвонил, если бы они так не орала. Впрочем, тогда, наверное, орала бы ты – как никак у тебя, наверное, уже три часа ночи. Одним словом, письмо номер два.

Многие из нас соглашаются с тем, что есть люди и вещи которые ведут тебя, а есть - которых ведешь ты. Причем, это касается едва ли не всего на свете.

Ну, например, белая ночь - следствие того, что солнце никак не может зайти (не протискивается в щель в земной тверди?). Город, сокращённо иногда именуемый СПб - следствие белой ночи. Хотя там были и внешние причины: флот, цари, Достоевский. Но факт остается фактом: ночь ведёт этот город и делает его таким, какой он есть. Ну а жители - с этим вроде бы яснее ясного. Если Москва в последнее время все больше и больше напоминает психбольницу, в которой врачи, куда-то ушли и всем заправляют пациенты, то СПб на удивление стабилен, невзирая на эпохи, режимы и все такое прочее. Это закрытая система, живущая сама в себе: нечто вроде банки с солеными огурцами. Своя атмосфера (рассол?) свои ценности, своя иерархия весьма жесткая, к слову сказать (первый парень на деревне, первый в банке огурец). Кстати, если дело касается чего-то, о чем все знают, говорят «весь Петербург», но при этом «пол-Москвы». Не столько из-за фактических размеров, а просто в психбольнице чего бы дело ни касалось всегда есть половина пациентов, которые решительно не в курсе того, что происходит.

Именно поэтому многие москвичи, ищущие по жизни возможность попасть в параллельные миры, так любят бывать в Питере. Вроде здесь всё также, да не совсем так. Причем для проникновения в этот мир не нужно курить или принимать препараты, изменяющие сознание, заниматься столоверчением или произносить неприличные скороговорки посередине белой ночи. Достаточно просто внимательнее присмотреться.

Вот большой книжный магазин на Невском. Почти пустой под вечер. В нем только охранники и небольшая кучка любителей чтения (даже не буквоедов, буквожоров) в возрасте от 14 до 74, сидящих иногда на полу и читающих все подряд. В том числе и твоего Хольма ван Зайчега. У многих из них, возможно, нет денег на покупку книг. Или они просто не хотят этого делать по каким-то своим причинам. Это не суть важно: люди счастливы и не желают знать ничего кроме литературных героев.

Я так не могу, ибо немного в курсе, как и кем эти самые книги создаются. В этом смысле легче любить мертвых классиков - по крайней мере, не знаком лично. А в кафе при магазине сегодня занято: там ка-

кой-то тренинг. Чувачок учит паству о душевном здоровье, хотя, судя по всему, у него в наличии целый букет психических расстройств и по нему весьма скоро завоюет сирена неотложки. Одним словом, приткнуться некуда, и оттого я пишу это на разложенных по залу книгах, переходя от стеллажа к стеллажу и нигде особенно не задерживаясь. В конце концов, меня занесло в отдел экономической литературы - тут не просто тишина, а густая пыль вьется по полкам и оседает на трудах Рикардо и Шумпетера. Приходится признать, что твой Хольм ван Зайчег не в пример популярнее.

Белая ночь тем временем берет своё и усидеть на месте нет никакой возможности. Кроме того, мне надо нанести визит в один дом. Там всегда идут разговоры о словах и смыслах, а меня давно признали в этом отношении безнадежным. Но я не спорю: во-первых, толку никакого, а во-вторых, потому что любой стих, да и «не-стих» – это отражение душевного строя, твоей внутренней Музыки. А с ней может произойти что угодно. Например, может повеять мертвечиной и тогда вдруг окажется, что тебе внезапно стали невыносимы любые светлые и радостные мотивы. Она может быть настолько ужасна или наоборот прекрасна, что будет распугивать других людей. Наконец, она и вправду может взять, и уйти, оставив только форму, пусть даже безупречную. И тогда всё в единый миг разваливается. Далеко за примерами ходить не надо - сегодня вечером меня занесло в оперетту. По правде сказать, я перепутал и купил билет не в тот театр. Но в этом городе почти все театры по-императорски блистательны, даже если находятся в жутком подвале или в каком-нибудь советской постройке ДК.

Так вот, в действительно хорошем театре с безупречной акустикой и профессиональными исполнителями оперетта оказалась бесконечно унылой, на манер «Сильвы» из все того же фильма АССА, которую «давали» лилипуты под граммофон в зимней Ялте. И в этом мало виноваты актеры - просто всё уже кончилось лет как тридцать или сорок назад. И с этим ничего нельзя поделать. Большую часть зрителей в зале спасало только то, что они помнили прежние спектакли и то, что происходило на сцене для них был всего лишь повод для входа в транс, не более.

Похоже, так рано или поздно случается со всеми. Я сбежал из театра, не досидев до конца и буквально в соседнем квартале наткнулся на уличных артистов, которые играли ДДТ и Чиж. Играли надо сказать плохонько, но на удивление Музыка там жила. Не столь мощная как

раньше, более того, я физически чувствовал, как приближается время, когда она покинет и их. Пусть это случится не сегодня и не завтра, но очень скоро: «вдруг» окажется что пропала целостность, ткань разъехалась на нитки, фразы распалась на звуки. В итоге песня, от которой еще вчера колотило и сердца, и умы становится просто рефреном, потом памятником истории, медийным поводом поставить еще одну запись на ретро-передаче между Кобзоном и «Маршем советских танкистов».

И останется в итоге только пара десятков престарелых радио-нюхателей и аудио-торчков, которые будут по старой привычке вибрировать ногами, да что-то шамкать о своем, искренне не понимая: как это всё так обернулось.

Азиза и Клава

№15

Азиз преследует Азизу
И угрожает ей ножом.
Тут в рифму просится реприза:
Не стоит, Клава, пить Боржом.

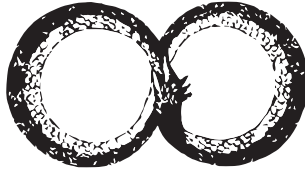
Но Клава пьет, гортань вздымая,
И, очи долу опустив,
С балкона горестно взирает
Как Клавдий свой аперитив

Обратно в муках извергает.
И черный ворон кольца вьёт.
В вечернем небе он летает,
И песни страшные поёт

Про то, как бедная Азиза
Жила-жила, да померла,
А Клава, не снеся сюрприза,
Боржом с балкона пролила.

Рождество Ульрики Майнхоф

Январь ненадежен, вдобавок и зол
Колотит метель о порог.
Ульрика Майнхоф ставит кружку на стол
Трёт сломанный позвонок

- Уже сколько лет, а никак не пройдет ...
Ещё не могу я взять в толк:
Куда подевались все вещи мои
Андреас, ну, где мой платок?

- Зачем тебе он? Ты забыла опять?
Мы тени. Пускай и в раю
- Сегодня же бал-маскарад ровно в пять
Я точно тебе говорю!

- Там будет Шопен, и Штраус, и Бах
И этот придурок Бертольд
Который стучит в барабан всем на страх
Андреас, ну где мой платок?

Там будет Фидель, там будет и Че
И Мао возможно придёт
Мне блузка нужна. И туфли ... Вообще
Ты сам то на бал не пойдешь?

Ты бросишь свою Ульрику Майнхоф?
Да что же так шея болит!
Проклятый Штамхайм! Ты помнишь каков
Был там наш с тобой внешний вид?

Скажи мне Андреас: а вдруг все обман?
А что, если это не рай?
А вдруг прав тот пастор и все-таки нам
Достался билет в другой край?

- Да полно тебе – так Андреас сказал -
Ульрика, приляг отдохни.
Я, если ты хочешь, поеду на бал
Хотя не прельщают огни

И шум разговоров, но все же, изволь!
Я буду с тобой как всегда
Успеем немного сыграть в карамболь
Покуда не вспыхнет звезда

Потом все пойдут Рождество отмечать
Я знаю, что это смешно
Но с некоторых пор тоже стал замечать
Что мне симпатично оно

Когда затихает и ангел и бес
И в Яви, и в Нави покой
И все смотрят в бездну холодных небес
И все так следят за звездой

Как будто наутро ждёт новая жизнь
Без всяких тревог и оков.
Вот, кстати, платок, его крепко держи
Meine Liebe Ульрика Майнхоф

Справка:

Основатели и лидеры первого поколения «Фракции Красной Армии» (RAF): Ульрика Майнхоф, Андреас Баадер, Гудрун Энслин и Ян-Карл Распе были убиты в 1976-1977 годах в тюрьме Штамхайм. Их смерть до сих пор официально считается самоубийством, но в него никто, по понятным причинам, не верит.

№17

Клара вернула кораллы.

Клара обратно вернула кораллы,
Те, что вошли в мировые анналы
Только от это, правда, немного:
Личного счастья по-прежнему нет

И, наревевшись под одеялом,
Карла прокляв, и его мадригалы
Клара печально сидит у порога
В руках сжимая постылый кларнет

№18

Прикладная демонология.

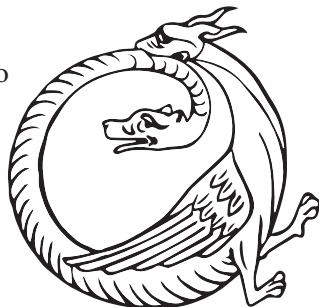
Однажды, почему то решил, что он ангел,
хотя был всего мелким бесом.
Демон второй статьи
четвертого батальона
Малого Стикса.
Тыловое обеспечение, конвой и
пожаротушение.
Не пыльная в целом работа,
но ему хотелось летать,
спасать души и творить всякое прочее,

что написано в глупых сказках
для взрослых,
когда те перестают верить в Золушку
и Питера Пэна (с соплями по колено).
Словом он взметнулся
до самых краев стратосферы,
где вообще-то ужасно холодно и темно.
Но ему дураку после Стикса,
видимо, всё равно

Кого он хотел там спасать?
Кого обогреть – непонятно!
Летать, конечно, очень приятно,
но он не успел даже это понять.
Ведь существует строгий приказ
со времен Икара и Фаятона:
в стратосферу - ни ногой,
сбивают в полтона
в одну шестнадцатую долю секунды.
Трубный глас, бас профундо,
бац! И летят только перья
по земле. Не собрать

Да и, правду сказать,
зачем их ловить по планете?
Местами жаркой, местами вьюжной.
Пускай летят! а те кто внизу
смотрят и говорят: «это ангелы»
и ещё: «бог любит нас!»

Эх, простота! во-первых: кому это нужно
А во-вторых: знали б вы
сколько хлопот там у всех
И я так вам скажу:
они б может и рады, но
ещё минимум тысячу лет
точно им не до вас!

№19

Маленький розенкрейцер

Лысая поэтесса
Громко со сцены кричит.
Поступь стальную прогресса
Данный факт не омрачит.

Город готов к непотребствам,
Город огнями искрит.
Осень на части рвет сердце
И насладится спешит

Тепла последней отметкой
Перед промозглой зимой.
В окне качается ветка,
В комнате мрак и покой.

Лысую поэтессу
Бард волосатый сменил,
Песню о принце с принцессой
Немелодично завыл

Песня на части рвет сердце,
Книги лежат на полу,
Маленький розенкрейцер
Горько рыдает в углу

Что так расстроился, детка?
Тебя никто не побил?
Иль замуж вышла соседка
Та, что ты тайно любил?

Ты получил посвященье,
Мастер признал твой успех,
Позавчера в поздравленьи
Ты был отмечен из всех.

Тайные силы природы,
Вечные мудрости книг
Скоро цари и народы
У ног замолкнут твоих.

Ты воссияешь над миром,
Дух твой взлетит до небес,
И облачившись в порфиру,
Явишь немало чудес.

Роза и крест в том помогут,
Братство поддержит тебя.
Что же ты плачешь? Ей-богу!
Слышишь, как громко трубя,

Там за окном акробаты
Барда сменили, встают
Терцией словно солдаты,
А скоро будет салют!

Только ему не до терций,
Пушек не слышит он гром.
Маленький розенкрейцер
Плачет над мёртвым котом

№20

Луч

*«И сказала я лучу: я тоже двигаться хочу»
(Е. Благинина)*

Ты наел такой вес, что никак не поспеть за лучом.
Скачет он по ковру, окнам, мебели, шкафу с посудой
Всё идёт как всегда, а ты тут совсем не причём
Со своими болячками и непонятной простудой

Просто сядь и смотри: за окном хулиганит зима
Притворяясь весной, симулируя птичье пение.
Говорят, где-то там уже вновь гроыхает война
А в Москве всё как прежде: обычное воскресенье.

Жизнь бурлит и кипит, выпадая осадком в метро,
Притаившись в глухих закутках у последних вагонов
Это кажется с виду, что город устроен хитро
А по правде сказать - он набор очень ясных законов.

Вот актриса с экрана: как с виду чертовски умна!
На поверку же, знаешь, довольно обычная дура.
Кто попал в телевизор - тому голова не нужна
Не вина её в том, это просто гримасы гламура

Луч уже бросил прыгать, сделав вид, что был не причем
И не чтоб устал, просто сумерки, солнце садиться.
Свод жилища невымытый будто жёлтым скреплен сургучом
И печать ночью этой, по правде, весьма пригодится.

Как заснешь, то приснится тебе твой любимый Памир
И безумные яркие краски Пскемской долины.
Там ещё нет войны никакой, только сказочный мир.
В нём прозрачна вода и совсем не опасны стремнины.

И проходит пороги играючи твой крепкий плот
В этом сне ты вообще ничего не боишься
Тебя луч золотой сквозь преграды надёжно ведёт
И блистает вода, и поют в ясном небе жар-птицы

А потом пробуждение: темно, полшестого утра
И фантомные боли на месте бывших переломов
Если диктор не врёт, ожидается в целом жара
Сыплет клей со страниц пожелтевших фотоальбомов

Широко закрытыми глазами

Мир бессонницы временами странен:
Взять хотя бы звезды, тонущие в утреннем смоге,

И забавно перекатывающееся с боку на бок солнце
(кто-кто там я помню от бабушки ушел
и еще, кажется, от дедушки).

Я не то чтобы печален, а скорее пуст: сижу и удивляюсь
То ли тому что всё еще жив, то ли переливам утреннего света,

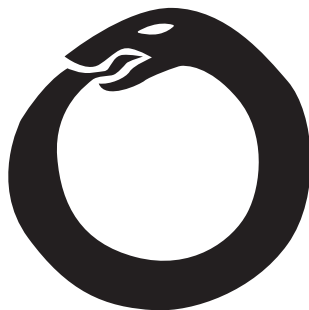
Пытаясь вспомнить чем сердце успокоится и заодно
Как это вообще выглядит – покой.
Но в голову ничего не лезет, кроме звуков улицы
и подозрительных хлюпаній в кухонной трубе
– не то назревает прорыв канализации,
не то просто город просыпается.

Повинуясь давней традиции, я все делаю невпопад
и потому закрываю глаза.
И, разумеется, опять ничего не вижу. Кроме тебя.
Впрочем, ничего другого и не нужно. Ни сегодня, ни вообще.
Одно неудобно – становишься слеп: натыкаешься на предметы,
бьешь, роняешь, и идешь не туда, куда собирался.

Видимо, придется все же научиться жить с закрытыми глазами.
Иначе ведь всё равно не получается ничего.

Лизке или почти Вертинский

№22

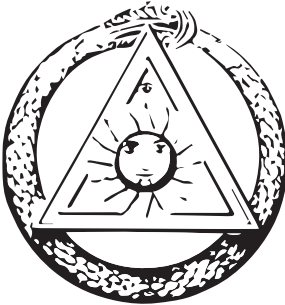

В этом городе пыльном уже не бывает нормальной весны:
То задушит жара, то на лысину валится снег.
Может дело здесь в тех, не сумевших вернуться с войны?
Им и на небесах ни покоя, ни отдыха нет.

Знаешь, Лизка, а снег - он растаял давно.
Не прошло и двух дней, а опять показалась трава.
Снова солнечных зайчиков стая стучится в окно.
На подушке сидят, где лежала твоя голова.

В остальном ... в остальном также сер белый свет
Как до этого был, только стрелка погнулась в часах.
А из ваших не верит никто, что тебя больше нет
Прилетай иногда, там поди скукота в небесах!

История первого исполнения рок-оперы «Крейзи»

- Время — это не кислота, а щелочь - сказал Человек-кремень и тем не менее растворился.

- Время меня убивает! - пожаловался Кощей бессмертный

- А меня унижает — это, видимо, сказал Мальчик-с-пальчик. Но неясно откуда именно.

- Дураки вы все - ответило Время - Меня же не существует.

Сначала сами выдумали меня и теперь сваливаете свои неудачи. С большой головы на здоровую.

- А кто тогда это сказал?

- Кто-кто, конь в пальто!

Было слышно, как в темноте кто-то замотал головой и зашуршал подкладкой.

«Как описать звук хлопка одной ладони?» — обязательно спросят вас дзен-буддисты. Не знаю, и не особенно интересно. Зато я знаю, как описать, как выглядят струны в рояле Беккер 1903 года, если смотреть сквозь деревянную крышку лежа под этим самым роялем.

Ответ: выглядят феерично. Они натянуты как мои нервы и наслаждаются каждым мгновением жизни. я их не вижу, но чувствую прекрасно.

Сашка сидит за роялем и исполняет какую-то как она говорит рок-оперу: в общем вариации на тему «Beatles» «Queen» и чего-то еще. На дворе несколько часов назад наступил 1988 год. Папаша Фрикадель хотя ещё формально стоит на полу, но по факту упал корпусом на рояль, и помирает со смеху. Я заполз под инструмент, предварительно выгнав оттуда какую-то девушку по имени Лиза (видел ее в первый и последний раз в жизни. Впрочем, у Сашки так происходило постоянно).

но), которая перебралась на диван и грустно икает в углу. Перепили шампанского.

Нам совсем мало лет, время полтретьего ночи и по ушам ездит Сашкина рок-опера «Крейзи».

- Крейзи, солнце встает - поёт Сашка

- Йобанорот - подпеваю я не в такт из-под рояля

- Замолчи- шипит Сашка, не переставая петь – у меня сейчас секс с роялем, а ты всё портишь. Папаша Фрикадель пинает меня, чтоб замолчал, я для порядка обижаюсь и минут пять созерцаю как сквозь крышку рояля гудят струны.

- Извинись перед Лизой - не меняя ритма поет Сашка. Хотя, правду говоря, рок-опера больше похожа на какофонию и ритм там гулял, куда ему вздумается.

- Прости меня, о Лиза - пытаюсь изобразить я певца (не слишком удачно). Вообще-то я просто боднул девушку головой в мягкое место, пока заползал под рояль ... мы играли в прятки, Папаша Фрикадель водил. После шипучего алкоголя на неокрепший вестибулярный аппарат эффект был потрясающий – водили минут по двадцать с перерывами на истерическое ржание. Так никто никого и не поймал толком.

- Еще один стакан - Лиза поет гораздо лучше. Ну, конечно, музыкалку поди закончила, слух, голос, сольфеджио всякое.

Опера совсем скоро выдохлась - Сашка забыла слова, или, может быть, кончился секс с роялем. Но вдруг из-за стенки у соседей грянул альбом 1986 года Queen (по-моему песня называется «Times») и мы, наконец, поняли, на что была похожа рок-опера «Крейзи». Сашка возмутилась:

- Меркюри, сука, украл у меня идею. Пошли с горя сожрем всю картошку.

Мы идем за ней и застаем на кухне среди спящих в салате гостей и в меру дееспособного Макса, который повествует какую-то бесконечную историю. Скорее всего, пару часов назад его попросили рассказать что-нибудь интересное, но пока он сосредотачивался и собирался с мыслями все уже незаметно заснули. Но Макс не привык отступать перед мелкими трудностями и потому сейчас декламирует уже спящим гостям и заодно нам, жующим остатки подгорелой и феерически пересоленной жареной картошки (ничего в жизни вкуснее не ел, если честно).

- А ещё расскажу я вам, благородные дамы и кавалеры, а также ответственные товарищи, о возвышении и крахе Чрезвычайной Дирекции Музея первого гвардейского кавалерийского корпуса ...

- А Максютка то наш в лоскуты – сказала с набитым ртом Сашка

- Молчи женщина! – сердито, но все также нараспев, ответил Макс
- Не мешай, когда я держу речь.

- Макс, может не надо! - взмолился я – сколько можно рассказывать про Ашота, который бегал по коридору в простреленной немецкой каске, орал дурниной и бил себя в грудь как Кинг-Конг. Это и в первый раз было не слишком смешно.

- А я такого не слышала – сказала Лиза – и, кстати, кто вообще этот Ашот?

Тут мы всё поняли и смирились с неизбежным. Макс завел волюнку: повествовал долго и обстоятельно, отвлекаясь на некоторые параллельные сюжеты. Кроме того, ему с пьяных глаз понравилась Лиза, и он пытался быть интересным. В общем, я очень скоро перестал слушать, просто стоял и смотрел в окно – оттуда был виден кусок проспекта и угол дома возле метро. Мела метель (на новый год, наконец-то, соизволил выпасть нормальный снег), горело пару фонарей, и было совершенно пусто и тихо – трудно поверить, но тогда еще не были в ходу петарды, ракеты и прочие фейерверки. Летящий снег образовывал какие-то немислимые кольца и узоры – но на них смотреть было как-то не очень приятно.

- Красиво, правда? – Папаша Фрикадель, оказывается, тоже был тут

- Да, но холодно там. Метель ещё эта. Коленца выделяет

- Кольца – поправил папаша Фрикадель – это кольца. Так передвигается змея.

- Какая еще змея?

- Все та же. Только она снежная на этот раз.

Я ничего не ответил. Мне честно сказать, стало несколько обидно, что Папаша Фрикадель увидел змею, а я нет. И вообще он временами бесил своей манерой разговора. Но метель и вправду рисовала узоры, немного напоминающие змеиное тело.

- Если Уроборос зашевелился, значит, будут перемены - глубоко-мысленно изрек Папаша Фрикадель

- Так уже.

Папаша Фрикадель на это ничего не сказал, только поморщился и махнул рукой. Я оставил его считать снежных змей и решил посмотреть, что там творится по нашу сторону реальности. Где всё было вполне предсказуемо: Макс, едва не падая с табурета, в полном одиночестве бормотал какое-то продолжение своей истории, которое, разумеется, было давно уже не про Ашота, и не про Чрезвычайную Дирекцию Музея первого гвардейского кавалерийского корпуса.

В комнате Сашка тем временем опять взялась за рояль. Но на сей раз это было что-то тихое и мелодичное. Может быть даже и «Beatles».

- Где наш Фрикадельчик? – спросила она

- Сейчас придет – сказал я – он там опять змею увидел. Кстати, время полчетвертого. Сейчас будут «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Может там покажут, чего интересное?

- Да ну их в задницу! – сказала Сашка – И потом: я же вам еще не доиграла рок-оперу «Крейзи».

- Действительно – Папаша Фрикадель возник как обычно из ниоткуда, плюс прихватил с собой притихшего Макса, фонтан которого, судя по всему, окончательно пересох – Что там у нас с оперой?

Они все сгрудились у рояля, а я сел на диванчик в другом конце комнаты. Ко мне привалился обессиливший Макс и заснул. Рок-опера «Крейзи», откровенно говоря, меня не сильно беспокоила, поэтому я включил без звука телевизор, и просто сидел и смотрел: то на кривляющихся на экране исполнителей, то своих друзей, то на огни на новогодней елке, то на метель на улице. И через какое-то время отчетливо стал слышен странный, но вместе с тем приятный и даже мелодичный звук. Возможно, это и был хлопок одной ладоши. Или Уроборос, неслышно проползая мимо по своим делам, все же задел за Сашкин балкон.

Новогодняя

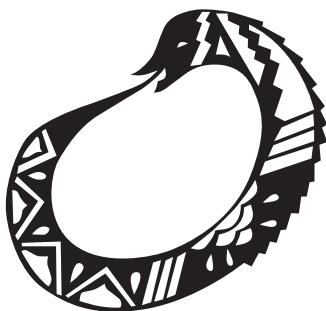
«Однолюб и последний романтик ответит всем позвонившим»
Правда, первым начнет хамить и прервёт разговор. Увы!
С Новым годом, мои друзья, столь бессмысленно наступившим!
Его встретить мечтали не так, не о том шептали волхвы.

Да какие вообще волхвы! Комсомольцы и пионеры,
Что писали письма потомкам, замуравывая их в бетон
И представить себе не могли свои собственные манеры
И слова и дела, что свершат, да и общий эпохи тон.

Где смешались и правда и ложь в новогоднем невкусном салате
Где какой канал ни включи, всё равно один Петросян.
Однолюб и последний романтик лежит дома в драном халате
Он ни умер, ни зол, ни влюблен, а банально как зюзя пьян.

Бабье лето

№25

Один поэт в погожий день осенний,
Сбежавший из палаты номер три,
Всех уверял, что он и есть Есенин:
Талантом, статью, как ни посмотри.

И загнанный к бетонному забору,
Сухой фехтуя веткой как ножом,
Кричал: «к тебе вернусь я, Айседора!»
Но связан был и в койку водружен.

В четвертом боксе тоже беспокойно.
Там в тяжких муках о пережитом
Рыдает павший с крыши Света Воин,
Что вдруг вообразил себя котом.

Но, право, грех стенать: погоды - чудо
Тут впору вскачь пыряться по наве
(В седьмую, говорят, вселился Будда
С пластмассовым ведром на голове)

Тишь и покой в одной шестой палате:
Блюда режим и нравственный закон,
Ко сну отходят Бонапарт в халате
А с ним Иисус и Тулий Цицерон.

Снова утро. Июль. Девяносто девятого года.
Место - бог знает где. Возможно, что город Москва.
Но не точно. С утра неплохая погода.
Петров день промелькнул. Ещё часа три или два,
И пробудится город вечного евроремонта
И таких же бессмысленных, странных понтов.
Загремит, заклокочет, с подвалов и до горизонта.
Но к таким поворотам мой герой абсолютно готов.
Он невысказанно стар: тридцать лет и три года
Он сидит у окна, отрешенно глядит на проспект
Говорю же, сегодня с утра неплохая погода
Уж не то, что вчера, а тем более в прошлый четверг.
Так когда-то давно, перед самым Флоридским десантом
Я сидел и курил: безмятежен и светел был день
Через час выступать, а мы все смеялись с сержантом
Говоря про футбол, и про прочую дребедень.
«Лео Месси пасует на Изекилия Лавесси,
Блин, не вспомню, в каком это было году.
Но красиво звучит. Говорят этот маленький Месси

Настоящий был гений ... да! так точно! иду!»
Встали мы и пошли. Полегло же тогда в этой боине
Девять из десяти. А десятый, как я, без ноги.
Тем не менее, жив! Победили! Дожил и спокойно
Вот сижу у окна, хоть теперь и не вижу не зги.
Мясорубка была. Не сравнить с обороной Гаваны
А Аляска, Сиэтл – так это вообще детский сад.
Сколько лет, а как прежде болят эти раны
Что тут скажешь: привет из Флориды, курсант!
Тот сержант - он был ранен практически сразу
А потом умирал под обстрелом, считай на руках
И почти без сознания, он все повторял эту фразу
Почему она вдруг зацепилась в ослабших мозгах?
«Лео Месси пасует на Изеккиля Лавесси
Аргентина ведет и выходит в полуфинал»
Еще мирная жизнь: безмятежны и грады, и веси
Года два или три, а потом уже грохнет обвал
Война всех против всех черным саваном мир накрывает
Пелось как в старой песне: «война без особых причин»
Но пришлось победить, как у нас это часто бывает
Через море смертей, не считая потерь и морщин

А теперь все в порядке: в Москве, да и на Сулавеси
Я сижу с коньчком как король, чешу новый протез
Одного не пойму: чемпионом ли стал этот Месси?
В том далеком году? Вот такой у меня интерес.

Авторский тренинг

Авторский тренинг: как раскормить кота
Элитная группа, осталось лишь пара мест
Пушай не обманет вас внешняя простота
Наш метод проверен, на три квартала окрест

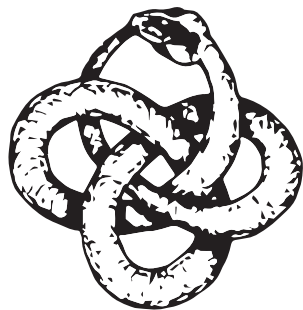
Коты ни один больше не влазят в дверь
И в окна с трудом, мяукая и матерясь
Суют свои морды. И им не сбежать теперь
Хозяева счастливы. Ну а прислуга, смеясь

В зимнем дворе греет огромный роллс-ройс
Который поедет в тот фитнес, где для котов
Специальный кроссфит под музыку Pet Shop Boys
К весне будет котик вновь бодр, и к загулам готов.

Нет это не вам, так, вырвалось, мысли вслух.
Давайте наличные, картой сегодня никак.
И кстати сказать: друзей приведете двух
В подарок купон на стрижку гигантских собак.

Третье письмо к Марии Райтер. Уроборос. №28

Если разобраться, то никто из нас никогда не сходит с внутренне присущего ему мотива. Пишет ли он, играет, рисует или еще что-то делает. Или вообще ничего не делает и сидит как овощ на лавке перед домом. Все равно мотив есть. И чаще всего он неизменен. Временами, конечно, могут проскальзывать истеричные, пофигистичные или любые другие вариации. Но стоит прислушаться к человеку, или позволить говорить ему достаточно долго - он обязательно проявится.

Мой мотив — Уроборос. Да-да, та самая змея, заглотившая свой хвост. Так уж получилось, что я все время хожу вокруг нее. Да и не я один.

Папаша Фрикадель, например, сколько я его помню, исследовал рисунки на ее коже. Там сложный узор и это действительно затягивает. Хотя формально это могло называться как угодно: программирование, ритм-н-блюз, пьянка в песочнице. Все равно где бы он ни был, куда бы ни шел — это всегда было по пути узора на спине змеи. Потому и слышет оригиналом.

Старик Глушановский, напротив, рационален как никто: все время ставит окна, сетки, заборы и прочие ограждения. Но если присмотреться, то окажется, что они повторяют контуры Уробороса: это для вас они окна и сетки, а на самом деле - полоса отчуждения, чтобы змея, шевелясь, случайно не передала того, кого не должна.

Если говорить о Батеньке, то он все время что-то исследовал на ее поверхности. Опускал долу лицо. И слушал. А потом услышал что-то такое, от чего вглухую запил и последние 10 лет ни с кем не разговаривал. Вероятно, что-то ему ответили.

Моя же судьба крайне проста - я ищу место, где у змея голова. Где он, собственно, сожрал свой хвост. Зачем мне это надо - не спрашивай, сам не знаю. Зачем играет Музыка? Играет и все.

Успехи, прямо скажем, невелики. Иногда в сердцах я думаю: можешь ты, сучья дойка, глазом моргнуть или ушами пошевелить!? Но ... Не дает ответа. Только возится и откуда-то сопит. Кстати говоря, сейчас время активности Уробороса. Так что пойду, проверю фото-ловушки.

№29

Гавана

посв. Алексею Игнатову, aka Батенька

Лето как лето. Пыльное очень!
Требует влаги Марьиного роща.
Дождик пойдет достаточно скоро,
Но мы быстрее бутылку допьем

Ты побежишь за второй, чуть хромая
Я же еду к Мишке. (Да знаю я, знаю
Вы поругались и впали в раздоры)
Но из подъезда выйдем вдвоем

Всякую пакость чирикающая важно
Птицы какие-то в небе кружатся
Кончился день, и кончилась сказка
Сразу за ней начинается быль.

Так и запомню: вечное лето
Возле троллейбуса тени ложатся,
Твоя ссутуленная фигура.
Глупые мысли, дождик и пыль

Задним числом вспоминая об этом
Я найду смысл во всяком движеньи
Будто бы было отнюдь не случайно
Слово всё кто-то знал наперед

Песни и сны вылетают дуплетом
И не понятно где чье отраженье
А ты и пьешь, и играешь отчаянно,
Что тут сказать: Бодхисатва, вперед!

Двадцать два года, мгла перехода
Плохо покрашенный склон небосвода
Снова галдящие птицы-синицы
Как и тогда. Сколько лет пронеслось.

Не греет в морге двадцатой больницы
Яркое солнце майской столицы
Ни на секунду. Пришел я проститься
Грустно как свидеться ныне пришлось

Тихо и пусто. Мечты океаны
Больше не плещут, защиты карманы
На пиджаке твоём. Прежние раны
Лишь только ноют, куда тут бежать?

Вышло все глупо, не скроешь изъяны
И потерялись ключи от Нирваны
Но всё равно на углу у «Гаваны»
Порой стою, чтоб тебя подождать.

Примечание:

«Гавана» — это такая старая киношка в Марьиной роще, потом там было казино, а сейчас, по-моему, КВН или какое-то аналогичное безобразие.

№30

Кровавая битва Циолковского и Полугаевского.

В тот день Батенька был в ударе. В прямом смысле этого слова – завтракая, он каким-то образом разбил монитор. Я застал его за выниманием осколков из яичницы. Выхода не было: он зажарил два последних яйца, а есть хотелось. Впрочем, Батенька в глубине души любил безвыходные положения.

- Заходи – сказал он. Я сочинил поэму. Вернее сказать, начало. Первые восемь строк. Вот послушай:

Бились в кровь с зари до зари
Циолковский и Полугаевский
Не смогли поделить пирог «Невский»
Ну и честь чьей-то младшей сестры

Телевизор про них умолчал
Не найдете об этом в тетрадах
Только утки на озера глади
О былом лишь надрывно кричат

- Конгениально! – сказал я.

- Ответ правильный – с удовлетворением отметил Батенька – Вам начисляется пятнадцать очков. Садись. Хочешь яичницу? Она, правда, со стеклами.

- Не, давай лучше в магазин сходим, чего-нибудь купим.
- С рублем и дурак купит.
- Да есть деньги, есть!
- Другое дело! А зачем тогда я тут сижу, стекла ковыряю. Пошли!

Пока мы спускаемся в лифте и шлепаем до магазина, я вам немного расскажу. Итак, жил был Батенька. С отцом своим – звукооператором из Останкино, исправно пьющим, как почти все телевизионщики. Матери у них не было: она сошла с ума, когда Батеньке было 5 лет, её определили в сумасшедший дом. Вообще, эту тему мы во избежание неприятностей не поднимали. А новоиспеченные «мамы» задерживались обычно не слишком надолго, ибо что Батенька, что его папенька характера были весьма беспокойного.

Зато у них было навалом отличной аудио и видео техники, что в те времена приравнялось к пропуску в рай. Кстати, она до сих пор работает, в отличие от более позднего китайского говна. Техника, разумеется, не простаивала практически ни минуты. Во-первых, сам Батенька смотрел и слушал все подряд. Во-вторых, к нему все мы исправно ходили в гости. И при каждом посещении обязательно извлекали звуки из импортной аппаратуры и сочиняли песни. В крайнем случае исполняли чужие. Ну, словом, все было так, как оно и должно быть в 17 или 18 лет.

Уже в магазине Батенька вдруг замер у прилавка и произнес:

- Наконец-то, я её нашел
- Кого?
- Не кого, а что. Рифму. «Твоя грудь указала мне путь».

- Лучше бы ты нашел что-нибудь другое. И потом – ты на прошлой неделе говорил, что это сочинил старик Подушкин по прозвищу Мохнатый Руль.

- Не было никакого старика Подушкина. Я его выдумал. И прозвище Мохнатый руль тоже. Потому что не хотел, чтобы ты чувствовал себя неловко в моем присутствии.

Я посмотрел на Батеньку со всем возможным удивлением, давая как бы тем самым понять, что почувствовать себя неловко я могу от чего угодно, но только не от того, что он опять сочинил какую-то ерунду. Но вообще-то подоплека во всем этом была иная. Ибо грудь действительно имелась в наличии. Она была на примерно на четверть века старше нас и в свободное время от указывания Батеньке пути истинного наслаж-

дения пыталась учить нас английскому языку в школе (откровенно говоря, без особого успеха).

Что до истинного наслаждения, то в случае с Батенькой впервые оно наступило прямо в кинотеатре «Гавана» во время просмотра кинофильма «Большие маневры». Батенька с тех пор при слове «Большие маневры», а также просто «маневры» томно закатывал глаза и говорил: «о-о-о!». Из чего мы со стариком Глушановским заключили, что ему всё понравилось. Но расспрашивать подробности особо не стали. Тем более что он всё равно бы ничего не рассказал. Ведь настоящий педофил отличается от педагога не только тем, что действительно любит детей, но ещё и тем, что умеет выбирать не болтливых.

Так или иначе «Большие маневры» определенно пошли Батеньке на пользу. Они со стариком Глушановским незамедлительно начали писать какие-то песни, строили планы по приобретению барабанной установки и даже пытались заставить Папашу Фрикаделя вспомнить ноты, потому что давно было пора писать дебютный альбом. Ибо настоящая группа, которой уже было присвоено название «Чреватый Пюпитр», не может существовать без альбома.

Об этом мне, собственно, и поведал Батенька на обратном пути из магазина. Наш путь пролегал по тем местам, которые сегодня уже практически не сохранились – это были дворы Марьиной рощи, пускай не «те самые» (последний классический марьинорощинский шалман снесли ещё в 1970-е), но все равно весьма своеобразные. Батенькин голос, по жизни достаточно резкий и противный, в этот раз как-то удачно гармонировал окружающей обстановкой. В общем, его ощущение счастья передалось и мне. По правде говоря, это было очень здорово – показалось, что теперь он выбрался на твердую почву и дальше все пойдет хорошо.

Но радость оказалось преждевременной. Спустя месяц или полтора, зайдя в Батеньке на огонек, я застал его в хлам пьяного, плачущего и бьющего посуду. Вернее сказать, всю посуду, какую смог найти, он уже перебил. Кроме одного стакана, который был накрыт телеграммой, извещавшей о разрыве (да-да, дорогие маленькие друзья тогда в таких случаях вместо sms слали друг другу телеграммы). В общем, грудь вместо того, чтобы действительно указать путь, махнула хвостом и сделала ручкой. А может дело в том, что настоящий педофил никогда не останавливается на достигнутом. Трудно сказать.

Для любого другого это, возможно, ничего бы особенно и не значило, но тут вышло так, что Батеньку серьезно надломило. Не исключено, что он и вправду её полюбил. Иначе мне трудно объяснить, почему он три года подряд держал эту телеграмму с уведомлением о разрыве на видном месте, но обязательно на самом грязном: накрывал ей пиво, подкладывал под кружку с чаем и все в таком же духе. Кроме того, те же самые три года он пил каждый день, и каждый день писал стихи. И еще примерно раз в месяц – пьесы.

Пьесы были, конечно же, глупые. Одну мы с ним состругали за два часа, называлась «Либи́до в Кустах». В процессе изготовления было очень смешно. У меня есть рукописный экземпляр, правда, я его никогда не читаю. Наверное, чтобы не расстраиваться. Приятно ведь думать, что пьеса имела оглушительный успех, хотя бы у самих авторов.

Самая удачная из Батенькиных пьес получилась следующим образом. Как-то раз, откушав, чем бог послал, Батенька заявил, что он страстно желает посетить «Иллюзион» и насладиться иностранной комедией с Пьером Ришаром в главной роли. Мы, разумеется, незамедлительно выехали, и даже попали на нужный сеанс, но на это почему-то ушел весь день. По дороге встретили знакомого, который сменял нам на жёванную кассету со Шварцнегером «Кабаре» Боба Фосса, ночью все это посмотрели поверх идиотизма с участием Пьера Ришара.

А наутро я решил пойти в гости и, разумеется, взял Батеньку с собой. Ибо неудобно вот так взять и бросить человека, у которого столько раз ночевал, тем более что гости намечались весьма перспективные. Это были Бекогиня и Дочь Архиерея. Они обе служили в деканате филологического факультета пединститута на «Бауманской».

Там вообще было очень странное место, не хуже, чем у Льюиса Кэрролла. В ощутимо разваливающемся здании, среди немислимой даже по советским меркам мебели, ютились несколько возвышенных дев, и непрерывно стрекотали на пишущих машинках (да-да, дорогие друзья, это такие механические штуки. Они и тогда уже странновато выглядели, но на компьютеры денег деканату, видимо, не отпускали). В перерывах девы пили чай или, если хватало денег, водку. И вперемижку с бабскими разговорами вещали про первородный грех и чередование согласных у Мережковского.

Я рассудил, что Батенька закисает в одиночестве и его необходимо проветрить. Тем более что на филологическом факультете в те времена были бескорыстно рады любому мужчине. Но ничего путёвого из этого не вышло. Девы хотя и встретили нас с распростертыми объятьями и даже налили водки, но то ли сами были не в настроении, то ли Батенька перенервничал в незнакомом месте, но в итоге он засмутился, ни стихов, ни пьес декламировать не стал и при первой удобной возможности ретировался. Но перед тем, как уйти он вызвал меня на улицу и с серьёзным видом изрек.

- Пьеса будет называться «Волшебная ночь в Толедо». А ключевая фраза в ней «Когда у человека онурез - вся его жизнь сюрприз».

Я икнул и спросил: «Да ну?»

Батенька тяжело вздохнул и сказал: «Ты не романтик и, вдобавок, ничего не понимаешь в больших сигарообразных предметах» и в секунду растворился в толпе, спешащей к метро «Бауманская».

Через три дня он объявился у старика Глушановского совершенно пьяный с исчерканными до синевы листками бумаги. И мы, сидя на кухне у общего друга детства, а потом на еще троллейбусной остановке, а потом еще над телом безвременно задремавшего прямо в коридоре отца-видеооператора с остервенением читали и читали эти листки по нескольку раз. И не могли насытиться. И ржали над каждой репликой. Успокоения не происходило. Дальше жизнь сложилась так, что я много чего пописывал, много чего почитывал, но никогда больше это не было так весело. Возможно, все эмоции выплеснулись именно тогда, когда мы плакали от смеха над дурацкой пьесой «Волшебная ночь в Толедо», в которой действующими лицами были Пьер Ришар, Лайза Минелли, Станиславский, Циолковский, филологические девы, Бельмондо, слуга по имени Пупсик. Пьеса эта также лежит у меня дома, и я даже иногда её открываю. Но никому не показываю. Не покажу и вам тоже. Лучше расскажу, что было дальше.

Примерно неделю мы еще доделывали пьесу и попутно изводили всех её чтением. В итоге от нас стали прятаться все знакомые, включая Папашу Фрикаделя. А потом я честно сказать выпал из процесса – Батенька с таинственным видом заявил, что он договорился о постановке, или о том, чтобы её показать кому-то, кто осуществит эту самую постановку. Я не придал этому значения: трудно вообразить, кому всерьёз могло такое приглянуться.

Прошел еще примерно месяц или может быть два, прежде чем Папаша Фрикадель как-то сказал: «Ты знаешь, я был у Батеньки, он стал невменяем».

Я спросил: «А что с ним?»

- Да ну его - сказал Папаша Фрикадель – Грубит

В общем, я решил проведать товарища. Дверь была, как обычно, не заперта, а Батенька сидел в своем кресле-качалке какой-то остекленелый.

- Как дела? – спросил я – пьесу поставил?

- Нет. И больше не будет никаких пьес – сказал Батенька – будут теперь только белые стихи. Вот такие – он протянул листок, на котором были написаны каракули примерно следующего содержания

Есть вещи, для которых еще не время.

Или для которых уже не время

А есть ты, которая вне времени

И сколько бы я не отмерял

Этого всегда будет мало

Хотя я всегда отдавал, все что имел

И, конечно, отдал бы все, что осталось

Если бы хоть что-то осталось. Но увы ...

Прости

- Зачем ты так нажрался? – спросил я, возможно, не слишком тактично, зато, по существу.

- Она ушла – сказал Батенька

- Кто именно?

Тут он назвал имя своей первой любви, открывшей ему глаза на истинный смысл фильма «Большие маневры». Каковое имя, кстати говоря, он всем долго и упорно запрещал произносить. В этот момент в комнату внезапно ввалился отец-видеооператор и выдал характерную для настоящего телевизионного профессионала матерную тираду. В которой причудливым образом сплелось недовольство существующим общественным строем, безответственность молодого поколения, горечь по поводу сложностей текущей внешнеполитической ситуации и, наконец, порицание неизбывной душевой черствости противоположного пола. После этого папенька заметил, что я тоже нахожусь в комнате, слегка сконфузился и сказал:

- Ой, Дим, привет. Ну, тебя я, разумеется, в виду не имел.

- Да что тут у вас произошло?

Из дальнейших объяснений стало понятно следующее. Батенька и его отец решили покончить с холостяцким бытом и завели себе собаку. Суку. Причем её назвали именем Той, Которую Нельзя Упомянуть Всуе. Но поскольку никто из них толком не знал, как с ней обращаться², собака у них на третий день сбежала. И теперь они обвиняли друг друга в преступной халатности.

Сначала мне очень хотелось заржать. Но, слава богу, я вовремя сообразил, что делать этого не стоило. Батенька ничего не забыл и ничего не пережил. Интрижка с похотливой старой теткой, которую любой другой бы забыл если не на следующий день после разрыва, то через неделю или месяц, надломил его. Можно сказать, что к этому были предпосылки – трудное детство, неполная семья, расшатанная нервная система. Можно сказать, что любовь зла. Но это все будут только объяснения. Факт же состоял в том, что он, может быть, и хотел жить без неё, но не понимал, как это делать. И потому убивался по собаке, нареченной именем Той, Которую Нельзя Упомянуть Всуе. На эту собаку он, подобно старой деве викторианской эпохи, хотел излить неразрешенные чувства. Хотя ни разу не являлся девой, был вполне молод и вообще: где мы, а где королева Виктория.

Я в общем так и не придумал, что со всем этим делать. Побыл еще немного и ушел. Совершенно растерянный от сделанного открытия, и ещё от невозможности что-то исправить.

Кстати сказать, на следующий день собака нашлась. Её привела девушка, которую звали Наташа, и которая каким-то образом знала Батеньку. Батенька с того самого момента перестал со всеми разговаривать, а если и звонил, то в хлам пьяный и нес какую-то бессвязицу. Из того, что я, старик Глушановский и Папаша Фрикадель смогли понять, можно было заключить следующее. Во-первых, собака оказалась дурой и куда-то убежала на следующей неделе, теперь уже окончательно. Во-вторых, Наташа осталась жить у Батеньки. Поначалу все складывалось как нельзя лучше – они по новой где-то договорились поставить

² До этого весь их опыт общения с живой природой ограничился покупкой попугая, который прожил у них полгода и помер, вероятнее всего, от воспаления легких после того как они его зачем-то два раза за день помыли холодной водой.

какую-то из Батенькиных пьес, и даже репетировали. Но потом что-то пошло не так, и пьеса никуда не вышла. В итоге Батенька решил ... хотя, положив руку на сердце, никто не может точно сказать, что он там себе решил.

В следующий раз мы увиделись только в морге – он лежал распухший от постоянного пьянства и с трудом узнаваемый. Прощаться пришлось совсем немного народу, кроме нас с Наташей был ещё его брат и, по-моему, то ли сосед, то ли чей-то родственник. Отец у Батеньки умер еще десять лет назад, а старик Глушановский в тот день где-то в отдаленном Подмосковье вставлял очередное окно и приехать не успел.

Наташа, прощаясь, отдала мне мятые, изрисованные Батенькой листки, на которых в числе прочего был стишок про битву Циолковского и Полугаевского. Он, конечно же, наврал про поэму – больше двух четверостиший и не собирался сочинять. На девять дней мы со стариком Глушановским крепко поддали за помин мятущейся Батенькиной души, долго рассматривали эти выцветшие листки и даже вспомнили пару его песен. Положив руку на сердце у группы «Чреватый пюпитр» не было ни одного шанса стать хоть сколько-нибудь популярной. Но мы в тот момент об этом совсем не думали.

Старик Глушановский предался воспоминаниям и в числе прочего рассказал, как они с Батенькой пытались разводиться хомяков на продажу, как в интересах общего дела чуть было не украли барабанную установку с репетиционной базы. И ещё как торговали книгами, и на вырученные деньги старик Глушановский приобрел старый мотоцикл, что привело к крупной ссоре с Батенькой. После которой перспективный коллектив окончательно распался, а старик Глушановский ушел в другую группу, где спел ставшую впоследствии знаменитой песню про бобра.

Я не мог похвастаться столь бурной биографией: вспоминалось только то самое пыльное и странное лето в Марьиной роще (на самом деле их должно было быть несколько, но сейчас они все практически слились воедино), которое стало волшебным именно благодаря Батеньке и его чудачествам. Да, и проходя мимо его прежнего дома я действительно часто останавливаюсь. И думаю: может быть где-то здесь есть хоть маленькая дырка, в которую можно будет увидеть нас тогда, а не теперь. Теперь-то что на это смотреть ...ничего смотреть. Но дырки пока не нашел. Хотя надежды не теряю: у нас тут чудеса и нарушение законов физики – довольно частое явление.

№31

Вентиляторный завод

Исчезает свежесть лета
На Москву идет жара.
И в мозгу всплывает где-то,
Как привет с другой планеты,
«С вентиляторным заводом
Заключать договора!»

Правда ни пера, ни ручки
И все деньги под отчёт.
Ты прости меня скрипучий,
Но по-прежнему могучий
Вентиляторный завод.

Сказки Иерусалимского беса - 2

№32

Мелкие бесы здесь издревле жили возле Кикар Цион
Хулиганили как обычно, а с тех пор, как пустили трамвай
Повадились ездить снаружи, держась за последний вагон
И класть на рельсы железные пробки, он плющит, ты собирай

А потом у Дамасских ворот всучить их в виде монет,
Заморочив торговцев, иль пользуясь темнотой.
Купить таким образом ягод, сладостей всяких, конфет
И двинуть обратно на Яффо, в какой-нибудь бар крутой.

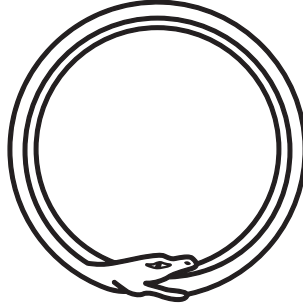
Пробратся с парадного входа, попутно надув фейсконтроль,
Резинку порвать в толкотне кому-то, или украсть башмак.
А лучше всего в телефоне взять и сменить пароль
И пусть теперь позвонит, напыщенный старый дурак!

Нет, с виду там все молодые, только душою стары.
Вы уж не врите бесу про то, что такое душа!
Тем более если не знаете правил этой игры:
Бар этот- специальное место. Где алкоголь, анаша

И прочее все – нужно только, чтоб не так страшен ад
Который не под землю, а здесь, на Кикар Цион.
Рай, кстати, в двух остановках. Чего ж ты путник не рад?
Видишь, трамвай отходит?! Садись во второй вагон.

№33

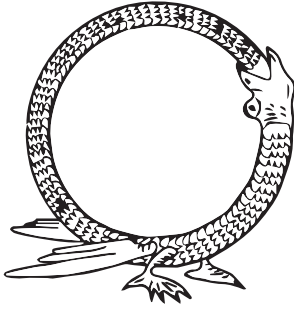
Купидон

Он служил Купидоном в дешевом борделе
С пожилыми блядьми и трухлявой стеной
Дело, впрочем, цвело. И клиенты хмелели
Ведь не скажешь потом, возвращаясь домой:
Мол мне нынче опять недостаточно дали,
Несмотря на вполне себе щедрый аванс.
Опустив очи долу, они что-то ввали
Про шесть взяток на мизере, про преферанс
А потом Купидон вдруг собрал свои вещи
Прихватив сбережения одной из девиц
И безвестно пропал. Только сон был зловещий:
Его череп смотрел на девиц в сто глазниц
Но с тех пор началось. Приходили матросы
И забрали всю мебель, оставив лишь шкаф.
Помещение потом отошло Наркомпросу.
ОСОАВИАХИМ, а за ним ДОСААФ
Заседали в том здании круглые сутки,
Но никак не могли уяснить одного
Почему же мерещатся им проститутки?

А еще по ночам, в довершение всего,
Кто-то часто стонал, скребся, топал в подвале
И железом гремел, как Кощей взаперти.
Коммунист в эти басни поверит едва ли,
Правда, вниз проверять не хотелось идти.
Долго ль, коротко - снова эпоха сменилась
Растворился во мгле и Советский Союз
Вот тогда-то история и приключилась
Только вы не поверите мне, я боюсь.
В один праздник, который из этих, из новых
Из Москвы вдруг приехал плешивый гондон
И взойдя на трибуну в речах бестолковых
Он, попутно клеймя ЦРУ, Пентагон,
МООСАД и каких-то там иллюминантов,
Вдруг сказал, что дома эти скоро снесут
Не осталось мол, больше иных вариантов
В том согласны со мной депутаты и суд.
В завершенье речей к небу руки воздел он
И сказал: «Бог свидетель! Пред вами чист я
Если в чем-то солгал: словом, или же делом
Пусть Господь покарает немедля меня»
В этот самый момент наверху загремело
Мелодичный разнёсся малиновый звон
Потом молния, гром и трибуна сгорела
В один миг. И спустился с небес Купидон.
Он завис над дымящейся кучею пепла
И сказал удивленно разинувшим рты:
«Я надеюсь теперь вера ваша окрепла,
Дороги друзья. Несмотря на цветы,
Луки, стрелы и прочие фишки барокко
Иногда я бываю довольно суров.
Ну а впредь, чтобы не было вам одиноко
Под защиту возьму ваши судьбы и кров.
Поселюсь я как прежде на старом фронте
Вы ж кутите, любите, рожайте детей.
Об одном лишь прошу: кто б ни жил в этом доме
Никогда больше здесь не держите блядей!»

Песня про бобра.

*«Надоело зайцу прыгать
Просто нету большие сил
Научите меня плавать!
Заяц рыбу попросил*

*Рыба умная была
Рыба в море уплыла»*

Верная примета: если при пробуждении ты слышишь какую-то ахи-нею, то в скорее всего это означает, что у тебя дома ночевал папаша Фрикадель. Ну или ты у него, как в данном случае.

И точно – вон он сидит уже бренчит на гитаре. И стишок про зайца, которые то ли приснился, то ли был произнесен наяву, вероятнее всего, только что декламировал

- Доброе утро! Какая сволочь тут мне не дает поспать?

- Привет. Тебе понравился стих?

- ммм ...

- Это, между прочим, последнее стихотворение Блока

- Быть этого не может! Я точно помню, что в прошлый раз последнее стихотворение Блока было про то, как в русских селениях непрерывно идут дожди

- Ну так-то было в прошлый раз. За это время он успел много чего написать.

Наверное, именно в подобных случаях римляне говорили «дело дошло до триариев». У нас тут, конечно, никакой войны не было, но, если у Папаши Фрикаделя дело дошло до сочинений от имени Блока, ясно было одно: поспать уже не дадут. Но хотя бы есть шанс, что дадут поесть.

Мы шлепаем на кухню и встречаем там старика Глушановского, который уже изготовил завтрак: немислимую по размеру яичницу, которую он меланхолично грыз с одного конца.

- Привет, Мишань!

- А, здорово – обрадовался старик Глушановский – присоединяйся! Я тут разбил немного больше яиц чем планировал

- Полтора десятка – мрачно сказал Папаша Фрикадель

- Не надо быть снобом – заявил старик Глушановский – каждый может ошибиться. Ешь давай лучше!

- Ты похоже и весь чай заварил на всякий случай?

- Я говорил ему – сказал Папаша Фрикадель – что чифир делается не так. А он не слушает. Кулинар-теоретик.

- Неправда – возмутился старик Глушановский – я практик до мозга костей. Теоретик не смог бы продать сову и удава, как это сделал я не далее, как на прошлой неделе.

Возразить на это нам было нечего, поэтому все начали дружно есть, и у меня есть возможность сделать некоторые пояснения.

Необходимое пояснение №1:

Если у вас дома живет кошка, не думайте, что вы знаете животный мир. Даже если кошка и собака. Даже если они грызут обувь, воруют сосиски и хулиганят. Это не животный мир. Это так: интеллигентские забавы. Настоящий животный мир – это то, что было в доме у старика Глушановского. В один прекрасный он женился. На женщине-биологе, которая трудилась в виварии. Но буквально по истечении медового месяца началась суровая проза жизни: виварий закрыли на ремонт. И чтобы бедные зверушки не пропали, сердобольные и ответственные сотрудники вивария распределили их между собой по домам.

Поначалу на Мишину долю выпало около пятидесяти птиц в клетках, а также около сотни крыс и хомяков разного размера и волосатости, опять же в клетках. Впоследствии к ним добавились 2 добермана, мальчик и девочка, которых старались держать в разных комнатах, потому что они либо грызлись между собой, либо норовили завести щенков. Кроме того, необходимо упомянуть о 6 хорьках, которые свободно бегали по дому. Чтобы их покормить, им выпускали десяток крыс и хомяков, и они их ло-

вили. Временно в квартире ночевал пингвин, небольшого размера удавы, и прочая живность которая почему-то не вошла в какие-то зверинцы или частные «козлятники», как их любовно называл Миша. Виварий в конце концов отремонтировали. И животных забрали. Однако, за несколько месяцев они успели порядочно расплодиться. К тому же выяснилось, что ими можно довольно выгодно торговать на Птичьем рынке. В общем, старик Глушановский и его жена года три спекулировали живностью: начиная от рыбок и заканчивая удавами и экзотическими попугаями.

- Вообще это довольно утомительно – продолжал старик Глушановский некоторое время спустя – торговля животными. Взять, к примеру удава. Он либо постоянно норовит удрать, либо сожрать соседский товар – мышей каких-нибудь. И линяет не вовремя.

- Я помню выражение твоего лица, когда он у тебя висел на шее.

- Ну это он был уже сытый и сонный. А воздуха да, не хватает. Но не оттого, что он сжал шею, а от запаха. Вонючий сильно.

- Нельзя быть сытым и сонным в наше время! – вдруг сказал Папаша Фрикадель.

Мы посмотрели на него с подозрением. Папаша Фрикадель явно придурился, но глаза его как-то странно блестели.

- А ты говоришь, я чифир делать не умею – сказал старик Глушановский. Меня мужики научили на рынке. Если я ничего не перепутал, конечно – добавил он после некоторой паузы

- Вот Блок никогда не спал! – сказал Папаша Фрикадель со значением. Но мы благоразумно не стали вдаваться в детали.

- Это похоже не чифир – сказал я – но нам от этого не легче. Сейчас будет опять бредить.

- Что пишут то? – спросил старик Глушановский

- Не пишет, диктует – сказал Папаша Фрикадель – песня про зайца

Мы энергично замахали руками

- Не, не, не, уже была! Ты пел!

- Точно?!- спросил Папаша Фрикадель

- Да-да – сказал я – вот Миша не слышал предыдущую

- Да я особо то и не ... - начал было старик Глушановский

- Цыц – сказал Папаша Фрикадель – а то будет ещё и про зайца.

Видимо ему хотелось вспомнить эпическое полотно про русские селенья. Он приосанился, отхлебнул неудавшегося чифира, и с выражением

продекламировал:

В русских селеньях дожди за дождями
Капает ветер по крыше
Выросли лужи и стали морями
Курицы чайками вышли

Все изменилось, бояться не надо
Милостей русской природы
Там, где мычало вчера еще стадо
Нынче гудят теплоходы

Веришь ли? Пьющих мужчин стало меньше
Женщины делись куда-то
В селах остались лишь только поэты
Пишут им письма солдаты

В синих конвертах приходят приветы
Ласковых артиллеристов
В красных конвертах поэты ответы
Шлют со знакомым танкистом

Пишут вояки, что быстро проходит
Жизнь без любви и надежды
Осень кончается, полк переходит
На зимнюю форму одежды.

За окном между тем и вправду пошел дождь. То ли его вызвал хренов колдун Папаша Фрикадель (за ним числилась пара подобных эпизодов), то ли это вправду Александр Блок на небесах решил создать настроение и попросил Небесную Канцелярию включить дождь. Зонта между тем у меня не было. У старика Глушановского видимо тоже, потому что он первым спросил:

- У тебя есть зонд? (это Батенька научил всех говорить слово «зонд» таким образом. Он утверждал, что это придает шарма и таинственности)

- Нэт.

- Придется одевать на голову пакет – старика Глушановского, видимо, переклинило, и он начал разговаривать как иностранец

- Не одеть, а надеть – сказал Папаша Фрикадель – до метро три минуты идти, зачем вам зонт?

- Ну это смотря как идти – сказал я – в прошлый раз, насколько я помню, вы вышли ненадолго к метро купить носки, а в итоге через четыре часа вернулся ты один, в хлам пьяный и с одним носком, причем не новым.

- Все потому, что в этой стране – сказал старик Глушановский - невозможно приобрести самые необходимые вещи

- Конечно, носки в двенадцать ночи – это предмет первой необходимости.

- Носок, кстати, действительно был не мой, а Шумана – сказал Папаша Фрикадель – мы в нем охлаждали напитки.

- Вы мерзавцы – сказал я пить с Шуманом, когда лучшие друзья в этот самый момент томятся без добавки. И вообще может я нервничал и не знал, что думать. Морги обзвонил практически

- Не ври – сказал Папаша Фрикадель – ты дрых без задних ног. Я тебя разбудил.

- Кстати – встрепенулся старик Глушановский – нам же сегодня на репетицию к Шуману?

Необходимое пояснение №2:

В пору, о которой я повествую (а это был год 1993 или 1994), папаша Фрикадель играл в рок-группе «Шанкин Дэн», название которой переводилось как немецкое «данке шон» наоборот. Разумеется, в силу особой оригинальности. Группа «Шанкин Дэн» представляла собой следующее, с позволения сказать, собрание талантов.

Солировал и писал тексты Шуман. Это был высокий, тощий и очень серьезный сабж, который сильно опередил свое время. В том смысле, что сегодня, в эпоху победившего пиара и дизайнера, люди, которые большую часть жизни занимаются созданием и поддержанием собственного имиджа, никакого удивления не вызывают. Тогда же это было в новинку и на Шумана смотрели не то, чтобы косо, но как-то с подозрением, считали его пижоном и, в общем, не очень уважали. В оставшееся от создания и поддержания имиджа время Шуман писал серьезные и настолько же банальные тексты. Но делать было нечего, кроме него всё равно никто ничего путного сочинить не мог.

На гитаре играл Мэлон. Безусловный дамский любимец имел одну фатальную слабость – его подсознательно тянуло исключительно на «подстатейных» барышень. Еще он все время забывал запирать дверь. В этой связи в самый неподходящий момент его периодически заставляли либо конкурирующие барышни, либо их родители. И как следствие устраивали безобразные сцены (дрались при этом, правда, редко), пытались привлечь к уголовной ответственности за совращение малолетних и т. д. Поэтому Мэлон периодически скрывался от разгневанных дам и их родственников, и на репетиции приходил не слишком регулярно. Собственно, в тот день произошел очередной казус, поэтому общим собранием было решено призвать призвали на помощь старика Глушановского.

За барабанами сидел Вовчик. В свободное время он торговал на рынке ширпотребом, челночил и все в таком духе. Надо сказать, что в те времена образ рокера и торговца с рынка были просто несовместимы. Настоящий рокер мог торговать компакт-дисками или инструментами на Горбушке, на худой конец наркотой или краденым, но не турецкими шмотками. Это знали даже дети, и просто никому в голову не приходило, что может быть иначе. Но в Вовчике это странным образом уживалось. Нет правил без исключений.

Наконец был саксофон. И при нем Рубен. При том, что он был неплохо развит физически, так что отнять у него инструмент никак не получалось. Поэтому Рубен играл. Как умел. Кроме того, он в отличии от остальных аккуратно и регулярно вносил деньги в общую кассу, и в этом смысле было выгоднее потерпеть дудящего Рубена, чем в корне подрывать финансовое положение группы.

Ну и само собой Папаша Фрикадель, который играл на всем подряд. У меня даже есть подозрение что он был единственным из всей компании кто знал ноты и при необходимости мог бы их прочесть. Но твёрдо утверждать не берусь.

- Сегодня – сказал Папаша Фрикадель
- Тогда пошли! А том не еще кучу дел надо переделать.
- Ага – сказал я.

И мы пошли. Каждый по своим делам. К Папаше Фрикаделю я заглянул только дня через три или четыре и застал его в несколько странном состоянии. Он сидел за своим пианино и бессмысленно нажимал клавиши.

- «Ты чего?» — спросил я

- Нарушены мистические связи – сказал Папаша Фрикадель – мир никогда не будет прежним

И заржал. Смеялся он обычно долго и беззвучно, мелко трясясь и дергая конечностями. Так было и в этот раз. Отвлечь его от этого занятия при этом не представлялось возможным, поэтому я решил пойти поставить чайник.

- Старик Глушановский – сказал Папаша Фрикадель, когда немного успокоился – спел песню про бобра

- Какого бобра?

- Понимаешь, там пришли девицы. Ну то ли невеста Шумана, то ли еще кто.

- Симпатичные?

- Да не знаю. По-моему, неменяемые какие-то. Но Шуман решил перед ними выпендриться и стал заставлять нас играть то, что мы и не репетировали ещё вовсе. Ну разумеется получилась порнография – никто никуда не попадает, Вова ритм не держит, все вступают абы как. В общем, как обычно в маразме. Рубен еще задудел совсем что-то невообразимое. Но Шуману этого показалось мало – он под конец решил сыграть песню эту, знаешь заунывную такую «Feeeeeelings, nothing more than feeeeeelings»

- Ну да чо-то такое припоминаю – попса какая-то древняя.

- Ага. Ну и вот – Шуман значит выводит это всё истошным голосом, а Миша подошел ко мне и начал смешить. Поет так тихо, чтобы только я слышал: «Фиииилиин, у меня за сеткой филииин». И тут я вспомнил как ты рассказывал про Мишиного туалетного филина

Необходимое пояснение №3:

Если разобраться ничего в этом смешного не было, но я расскажу.

Однажды, Папаша Фрикадель должен был со своей женой идти на какое-то светское мероприятие, но не пошел. Потому что мы его с Мишей успели предварительно напоить и тем самым сорвали все планы. Его жена на нас обиделась и выгнала со словами: «чтобы духу вашего здесь не было, алкоголики». Мы, в свою очередь, обиделись ответно, но делать нечего - пошли домой к старику Глушановскому. Где и заночевали.

Под утро я решил пойти освежиться, но, чтобы никого не будить,

включать свет в туалете не стал. И вот устроившись поудобнее на толчке я поднял глаза к потолку и ... увидел, что на меня смотрят два огромных жёлтых глаза, совершенно при этом не мигая.

Первобытный ужас овладел мною. Я заорал, да так что в доме проснулись все, даже старик Глушановский, которого обычно пушкой не поднимешь. Но в тот раз я, видимо, был громче любой пушки. Когда в сортире включили свет, оказалось, что это был филин. Которого Миша с женой до этого принес с рынка, на что-то выменял. Симпатичный кстати и совсем не страшный при свете. Но так-то при свете!

Я уже набрал воздуха в легкие чтобы дать волю родной речи и высказать всё, что я думаю о старике Глушановском, а особенно о его жене и их увлечении разведением где попало животных, но не успел, ибо меня сразила наповал следующая реплика:

- Это хорошо, что ты сидел, а не стоял

- Почему?

- Он же хищник! Знаешь как его кормят? В виварии берут в руку мышь, и он на нее пикирует. Я, кстати, не знал. В итоге, когда его принесли пошел первый раз пописать – еле увернулся. Вообще надо сетку натянуть – а то не посышь в такой обстановке спокойно. Да и потомки нам этого не простят - резюмировал старик Глушановский и с достоинством отправился досыпать дальше.

- Короче говоря – продолжал Папаша Фрикадель – мы и так-то чёрте что играли, а тут я вообще потерял нити управления. Шуман, конечно, разозлился и решил последним номером сыграть свой шлягер ««Все мне зачем-то желают добра, которого я не хочу»

- Шлягер? У Шумана?

- Ну ты его слышал. Вспомни! Там такие слова в припеве,

«Все мне зачем-то желают добра

Которого я не хочу

И если я сегодня падаю вниз

Мне нравится, как я лечу»

- А, точно было. Ну и?

- Ну и мы играем шлягер. Кстати, сыграли нормально, практически без косяков. Да и девицы вроде стали подпевать – в общем, триумф ка-

кой-никакой. И тут Шуман с Вовой решили уже выступить по полной, чтобы наверняка. И говорят: а вот это Миша, наш сессионный музыкант. Мы типа ещё думаем взять его в группу или нет. Думают они!

- Было б чем!

- Тем не менее. И спрашивают такие: Миша, тебе понравились наши песни?

- А Глушняк чего?

- Не, он молодец. Вежливо так отвечает: «Мне все ваши песни очень понравились. Особенно песня про бобра». «Какого еще бобра?». «Ну как же. Только что играли. Все мне зачем-то желают бобра, которого я не хочу ...»

Дальнейшее я помню смутно. По причине того, что я в голос рыдал, роняя крупные слезы на пианино и Папашу Фрикаделя. Который тоже опять смеялся как подорванный. И тогда, и ещё много раз после.

И вообще песня про бобра оказалась судьбоносной.

Во-первых, она предопределила судьбу «Шанкин Дэн». Нет, группа не распалась в тот же день, и благополучно существовала ещё какое-то время. Говорят, даже дала один из два платных концерта, но к ожидаемой мировой славе это не привело.

Во-вторых, Папаша Фрикадель перестал писать стихи от имени и по поручению Блока. Он перешел на прозу, о чем и поведал мне практически незамедлительно, как только мы немного успокоились и попили чаю. Но это уже совсем другая история.

Повлияло это и на самого старика Глушановского. Через некоторое время он совершенно забросил социальный рок и начал вставлять пластиковые окна. Чем и занимается до сих пор. Правда иногда он продолжает чудить: например, совершенно перепутает размеры или вставит окно обратной стороной. А когда его начинают ругать, то он с совершенно невинным выражением лица стоит посередине всего наделанного, признает вину, со всем соглашается, но явно при этом думает о чем-то постороннем. О бобрах, а может быть о небесной тверди: почему она не падает вниз.

Миражи андеграунда.

№35

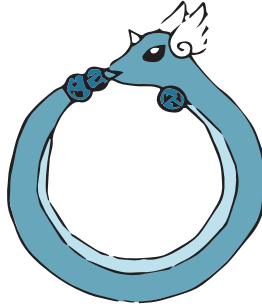
В этом стильном кафе каждый вечер играет живое фоно
И ему подпевает не менее модная женщина с бородой.
А потом наступает счастливый момент, когда гости уже в говно:
Они весело скачут по клавишам и, конечно, трясут ерундой

А напротив через дорогу - обдолбанный магазин
Где в себя не приходят ни клиенты, ни продавцы
Они бродят среди прилавков, тележек или корзин
Что-то ищут, поди алюминиевые огурцы

И виниловые пластинки, которым уже сотня лет
В них поет молодой Мамонов песню про шкуру лося,
Или серого голубя и прочий сумрачный бред,
Андеграунда Слово и Дело в широкие массы неся.

За углом на бульваре призывно шумит трамвай
Но его не догнать, да и не возвратить времена.
Вот какая то сволочь включила «Ласковый май»!
Наважденье долой, с добрым утром родная страна!

Поэт и женщины.

«Интеллигентные женщины вообще-то
Должны просто так полюбить поэта.
И даже доплачивать ему за это,
Потому что денег по обыкновению нету:

Хватит разве что на капустный лист.
Даю честное слово, как старый лауреат,
Номинант, бонвиан, критик и эссеист»
Но женщины терзали комплексный обед,

Едва слушая его и рассеянно глядя вдаль.
Где призывно маячит вывеска «Л' Этуаль».
Есть деньги и даже дисконтная карта.
Словом все готово для низкого старта

Если купить тональник и для бровей карандаш,
То тогда уже точно будет не только «Крым наш»,
Но и прочие международные курорты,
Где перспективы открываются такие, что замирает аорта.

Ну а если грянет беда, и личного счастья всё-таки нет,
То вполне сойдёт и в меру плешивый поэт,
Который уже битый час на ухо бубнит непонятно о чём.
Конечно же, мы его пожалеем, и даже накормим борщом.

Воронка Времени

№37

Подобный шок он испытывал всего лишь несколько раз:
когда вместо бизнес-класса угодил в плацкарту,
или когда подумал, что потерял грин-карту.

Хорошо нашел. И еще, когда какой-то конченный пидарас

попытался его трахнуть пьяного в ночном клубе,
кстати мужском, а потом бы повесил в ю-тюбе.
С него сняли уже штаны, но тогда бог упас.

Но теперь, в известном коктейль-стрип-паласе,
где все как надо, но все же чего то не достает,
он отчаянии полном ковыряет соломкой

в оставшемся виски, наблюдая как тает лед,
думая бессвязно о том, что пассажиры подземки,
а также сидящие попарно в автобусах и прочих вагонах,
скучившиеся в переполненных трамваях или фаэтонах,
за время пути становятся очень похожими друг на друга
как долго вместе проживающие супруги.
Как его мать и его отец. Они оба умерли: один давно
а она неделю назад. Соседи говорят, что
это случилось прямо в кино

на сеансе, в темном зале «Иллюзиона»,
наверняка на фильме какого-нибудь Люка Бессона
или как его там звали? Да не все ли равно!

Если честно, он заходил крайне редко,
не особо хотелось, да и не о чем говорить.
Так что все, что оставалось ей: это синематограф,

глухая соседка, и еще пролетарский джаз
– под него хорошо папиросы курить

Но шок не в этом: его жизнь приучила к ожиданию смерти
как ни кинь: либо уворачиваться, либо другим нести.
Но вчера, разбирая бумаги он нашел записку в конверте

в ней мать написала: «никому тебя не спасти
Ты на пороге у Времени Воронки.
Это много хуже свинца. И даже везучим подонкам

ничего не даст - это точно не своя рука.
Никто из нее ни разу не выбирался пока
твой отец тоже сгинул, хотя мне сказал,
что на минутку в магазин для тебя за медвежонком.

Время, сынок, оно ведь не щадит совсем никого
И вообще не умеет ни жалеть, ни ждать»
Сожрала, одним словом, Воронка и отца, и мать,
и с тобой может быть она делает это прямо сейчас.
Что тут можно еще сказать?!

Занимался рассвет, чадил коктейль-стрип-палас,

город располагался на ночь, хоть уже и под утро
Наш герой прикорнул на тахте, как бывало не раз
но не видел он снов в этот раз почему-то.

А в соседнем кабинете Иван Израилевич Чингачгук,
инфант-терибль азербайджанского бадминтона,
разнюхав что-то, и затем запив из пятилитрового флакона

по ошибке свалился в чужую Воронку
издав при этом вдогонку
характерный неприятный звук.

№38

*Четвертое письмо к Марии Райтер.
Грифон и Горбун.*

Вот еще один, - сказал Грифон, шурша газетой
– желающий любви и излучающий позитив
умер от передоза антидепрессантов.
Или от того, чем он их запивал.

Сколько их таких прошло мимо тебя, Горбун?
Ты сидишь здесь так долго с мрачным видом,
Что кажется, застал основание Асгарда Ирийского,
Или еще какой-то баснословной фигни.
Говоришь, неплохой был город?
Это, наверное, потому что именно там сочинили
эту странную песню про грозный Терек и высокий берег,
Которую ты бормочешь время от времени,
Совершенно не попадая в мотив

№39

Новые приключения колобка

Колобок — это вовсе не хлеб, а хрустальный магический шар!
И уж съесть-то его не могла никакая лиса.
Не катился он по земле, а по небу и в холод, и в жар
Как комета летел. И звучали в нем те голоса,

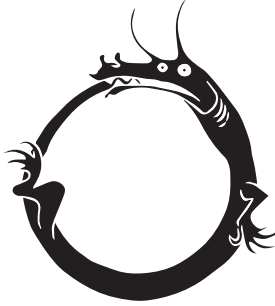
Что услышишь однажды и точно станешь поэт
В крайнем случае - музыкант, если вдруг абсолютный слух.
Но простишься с жизнью спокойной. Вот ты голоден, плохо одет
Весь на нервах и не переносишь на дух

Ни людей ни домов, особенно новосторой,
Всем дерзишь, а потом горько пьяный ревешь по ночам.
Не раскаянья ради, лишь по той причине простой
Что не слышен тебе Глас его, что манил-привечал
Может быть Колобок просто очень теперь далеко?
Или может его изловил страшный зверь Рекуай,
Что железной пастью своей пожирает гору легко,
Разгрызая базальт и гранит, что уж там говорить про хрусталь.
Этот зверь живёт в Андах в огромной полой скале,
На цепи его держат поди Ормузд и Ариман
Велико их могущество было на этой земле
Но потом выпал жребий надолго покинуть Иран ...

Кое-как ты под утро заснешь, а к обеду пора
Сдать заказ на двенадцать катренов (гимн, корпоратив).
НефтегазСпецМонтаж не рифмуется с ПромСибУрал.
Хоть ты тресни! (И что-то там про коллектив)

№40

Запретный город.

Твой запретный город солнечен и тих.
Воздух неподвижен ... нет, ломает стих
Налетевший ветер что из-за реки,
Берега которой странно широки,

Или просто странны. Сон ли, наяву?
Но по ней виденья медленно плывут.
Твой запретный город - сказок полотно
Здесь почти все также, как и дома, но

Тоньше и нежнее, холодней и злей.
Видно среди этих улиц и аллей
Потеряла сердце ты (не ты одна),
Оттого и в небе низком глубина

Оттого и окон старых домино
Миражами бьется. Не запрещено
Попытаться скрыться, сгинуть, убежать,
Но тебе покоя больше не сыскать.

Я об этом знаю лучше, чем любой.
Город твой запретный - он навек с тобой.
Он тебя дождется. Встанешь ты, застыв
Поразившись как он горд и молчалив

Сказки Иерусалимского беса – 3.

№41

Все собаки попадают в рай?! Увы, подтвердить не готов.
 Могу вам сказать, что на самом деле всё будет не так.
 В следующей жизни все счастливые воплотятся в котом,
 А все несчастные – в птиц, лошадей и собак.

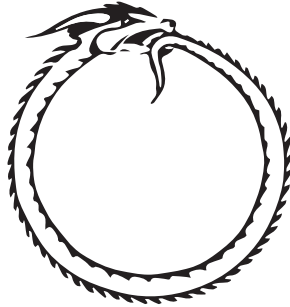
И те, и другие это не вольны выбирать
 Равно как и понять – счастливы ли были они.
 Память – ненадежная вещь, её легко потерять
 Мы наблюдали такое часто и прежде, и в наши дни

Вся штука в том, что человек – не творенья венец,
 А промежуточная станция между этим пределом и тем.
 Поэтому покормите кота! Какой бы он ни был стервец,
 И не бейте собак – у них и без вас по горло проблем.

Ведь очень скоро вам тоже придется в небе летать,
 Или цокать в упряжке по какой-нибудь мостовой.
 И когда возница вам заорет: куда прешь, твою мать!
 Не сердитесь и отвечайте: мне жаль тебя, дорогой.

№42

Случай на фуршете

Номинант на престижную премию «Поэт года»
Ударил больно табуретом своего соседа -
Лауреата конкурса «Купол небосвода»,
С которым он познакомился за званым обедом,

Каковой давал устроитель фестиваля «Дебют»,
Или все же «Кювет», я забыл за потасовкой.
Но точно знаю: победительницу уже ебут
Члены жюри в какой то пыльной подсобке.

Вообще, они хотели сходить посмотреть
Но ссора вышла едва ли не на пустом месте.
Сгоряча заспорили, ставить запятую или нет
В известной фразе «приснись жених невесте».

И вот теперь лауреат возлежит под столом,
Обижен на жизнь и отчего-то трезв как стекло.
А номинант горько плачет на улице за углом,
Понимая, что не стать ему Шодерло де Лакло.

Прикладная демонология -2

№43

Из Яви обратно в Навь
Под песенку Щербакова.
Здесь нет ничего такого
Смотри за дорогой! Правь

Телегою осторожней!
Нектара не расплескай!
И собранный подорожник
На борт аккуратно спускай.

С последними солнца лучами
Поклажу погрузим в ладью,
Помолимся и отчалим,
Как говорится, Adieu

Камрады, ситуаены,
Дамы и господа
Мы свидимся непременно
Не знаю только когда

О нас вы вспомните вряд ли
Да мы не забудем вас!
До встречи! Хотя неприятно
Будет вам в следующий раз,

Но это потом, а пока
Мы вам не желаем плохого.
Так славно журчит река,
И мерно стучат подковы

И словно в такт Щербакову
По небу плывут облака

Попугай и две собаки

В тот раз мы снова сидели у Сашки с Максом.

- Когда-то давно – говорил Макс - точно в такой же день, когда влажная хмарь проникает во все поры и щели, я решил уйти из дома. Взял паспорт, какие-то вещи и все имеющиеся деньги, которых вряд ли бы хватило на билет даже в одну сторону. Впрочем, больше у меня тогда все равно не было. Никакого определенного плана также не существовало: просто хотелось убежать и все.

- Макс врёт – сказала Сашка – он напился и потерял ключи. И потому с утра боялся идти домой.

- Тебя забыли спросить – рассердился Макс – и вообще, помолчи если не знаешь! Так вот – просто хотелось убежать. Однако, почти дойдя до вокзала, я вдруг повернул совершенно в другую сторону, к Сокольнической заставе. Где еще не было никаких гламурно-монструозных уродцев и едва ли не самым высоким зданием была старая пожарная каланча. Шел мелкий дождь, да и туман с утра стоял такой, что его приходилось едва ли не расталкивать, чтобы пройти. Тем не менее, очень скоро я был на площади и зашел в блинную, типичную для того времени: неряшливую и неприветливую с самого своего основания. Свободных мест уже было немного, и я сел напротив немолодого мужчины, то ли командировочного, то ли холостяка.

- Скажи лучше – алкаша! А потом ты привел его домой, и мама жутко ругалась

Сашка, судя по всему, нарочно злила Макса. И одновременно что-то рисовала. Я заглянул ей через плечо и увидел странную картинку: попугая, прилипшего к карамельке, и собаку, у которой было не два, а целых три глаза. Собака получалась вполне сносная, а вот попугай решительно не выходил.

- Всё было не так – сказал Папаша Фрикадель
- Что именно?
- Макс там был, но ни с кем не разговаривал

- А я разве сказал, что я с ним говорил – обиделся Макс – мы по большей части молча ели, уткнувшись каждый в свою тарелку. Но под конец я собрался с духом и посмотрел на него. Его издалека бесформенное коричневое пальто вблизи обернулось каким-то очень старым камзолом. Не ясно какой эпохи, но точно не детищем Московского швейного треста. Он был выбрит, но шрамы на подбородке были слишком глубоки для безопасной бритвы. Он носил обычный с виду портфель, но кожа на нем была слишком уж рельефной и тщательно выделанной. Наконец, тоска в его глазах была совершенно не того свойства, которую ожидаешь от одинокого немолодого мужчины: это точно не была скорбь по утраченной потенции или переживания из-за излишнего веса и поредевшей шевелюры. В его глазах я прочел печаль более глубокою

- Конечно – снова встряла Сашка – с вашей «маклаутовки» не такое привидится

- Это все Глушановский – сказал Макс – он приобрел где-то в Одиново жуткое пойло. Ради этикетки, на которой было написано “Виски «Дункан Маклаут», и нарисован мужик в шотландской юбке, которая спереди топорщилась так, что ни у кого не должно было остаться никаких сомнений, что перед ним именно Дункан Маклаут.

Все засмеялись.

- Старик Глушановский однозначно послан в этот мир, чтобы дарить людям радость – сказал я.

- Радость в этот раз была весьма относительная – возразил Макс - На вкус эта «маклаутовка» оказалась на редкость гадкой, но старик Глушановский настоял, чтобы мы её выпили – вдруг не распробовали. Чтобы уж больше такого не покупать. Потом запивали это клюковкой чтобы отбить запах. А потом еще взяли пива на дорожку.

- Ну в общем все как обычно. А зачем же ты этого таинственного чувачка привел домой?

- Да никого я не приводил – обиделся Макс – Врёт она как обычно!

- Злые вы, уйду я от вас – сказала на это Сашка и пошла на кухню, бросив рисунок.

- Она не врёт, а просто дразнится – сказал Папаша Фрикадель.

Он взял Сашкин рисунок и теперь пытался исправить крыло у попугая, потому что оно было какое-то чешуйчато-перепончатое, больше похожее на запчасть от дракона.

- Не важно – ответил Макс – Короче говоря, я правда думал, что надо бы уехать. Душно мне тут, нехорошо. Сам главное не понимаю почему. И я было уже собрался – пофиг что нет денег, я бы что-нибудь придумал в конце концов. Вписался бы к кому-нибудь и всё такое. Но этот дядечка меня остановил

- Каким образом?

- Сам не знаю. Просто я, глядя на него, понял, что мне ехать некуда. Куда бы я не поехал должен буду вернуться. Вот ты – Макс ткнул перстом в Папашу Фрикаделя – запросто сможешь пересечь океан и даже там жить какое-то время, на другой стороне шарика, где все ходят на головах.

- Да они же не ходят!

- А кто их там знает. Надо ведь самому проверить. А ты – Макс показал на меня – сможешь уезжать в разные места ненадолго, но зато часто. А я обречен здесь сидеть сиднем и выезжать вот только к ней – Макс показал на Сашку, которая вернулась, что-то дожевывая на ходу.

- Он меня замучил вот этой фигней – пожаловалась Сашка – третий день бредит. Я и ехать никуда не собираюсь, и вообще, по-моему, он все это выдумал.

- Не думаю – со значением сказал Папаша Фрикадель

- Ещё один! – возмутилась Сашка – собрались тут неуловимые эзотерики. И кстати, зачем ты испортил мою птичку? – грозно спросила она у Папаши Фрикаделя

- Я не испортил, я улучшил – ответил тот

- Ну, конечно, пририсовал к ней перепончатое крыло, которое тут ни к селу, ни к городу

- Ты просто ничего не понимаешь в искусстве!

- Да где уж мне! – Сашка похоже разозлилась – Вот что: валите-ка вы гулять с собачкой и Макса с собой берите.

В общем мы пошли гулять со старой подслеповатой собакой, которую звали Мишаня. Хотя «Мишанями» Сашкина мама звала решительно всех, кто был ей симпатичен. Собака Мишаня уже еле ходил, да и лет ему было, наверное, больше, чем нам, поэтому прогулка была неспешной и вполне располагала к продолжению разговора.

- Чего она такая злая? — спросил я у Макса

- Фиг знает. Может с женихом какие проблемы, может просто освобождение от физкультуры. Вся семья нервная у нас, вот и буянят время от времени. Не обращай внимания.

- Слушай, а ты правда все это ... как бы это сказать ... Короче, ты точно ничего не перепугал?

- Как ты можешь сомневаться?! – Макс хитро улыбнулся – ты знаешь, что мой прадед был шаманом?

- Макс, вот сейчас ты точно гонишь! – сказал Папаша Фрикадель

- Ага, по-моему, тоже. Ты можешь серьезно говорить?

- Прадед был шаманом – повторил Макс со значением

- Прадед может и был шаманом, но ты то тут причем?

- Не верите? Как хотите, – сказал Макс – сходите туда сами, убедитесь. Я гарантирую – он до сих пор сидит в этой блинной. Каждый день при открытии. И он ответит на все твои вопросы даже не раскрыв рта. Но это может оказаться не тот ответ, который вам понравится. И потом не говорите, что я вас не предупреждал!

С этими словами он пошел домой, волоча за собою собаку, которая совершенно не понимала, куда и зачем так торопиться обратно, если погулять только что вышли.

Папаша Фрикадель между тем сел на лавочку у подъезда, достал порядком мятый листок и начал дорисовывать попугая.

- «Ну и что ты про это все думаешь?» — спросил я

- Ничего – сказал Папаша Фрикадель – я вообще про это сейчас не думаю. Не мешай.

Я вздохнул и пошел по своим делам. Потому что зависший Папаша Фрикадель мог как тот лягушонок-привратник в «Алисе в стране чудес»: сидеть хоть до завтра, хоть до послезавтра.

Но история эта почему-то не шла у меня из головы. Возможно, оттого что она не вязалась с обычным поведением Макса. Так или иначе, через два или три дня я оказался с утра в той самой блинной в Сокольниках, хотя и немного опоздал к открытию. И первым кого я увидел, переступив её порог был, конечно же, Папаша Фрикадель. Никакого мужика с портфелем, естественно, не было: мы для порядка потолклись там полчаса, съели по блину и пошли восвояси. Общее мнение было однозначным: правнуку шамана необходимо настучать по голове. Но когда, движимые праведным гневом, мы явились к нему домой, то реализовать свой план не сумели.

- Мишаня помер – сказал Макс, не впуская нас в квартиру - давайте в другой раз. У меня тут все плачут, маме капли даём.

Мы вышли на улицу не очень понимая, что делать дальше.

- Это снова знак! – сказал Папаша Фрикадель
- Вон на стене дома написано «ТАНГО ..ИМКА» - сказа я – это тоже знак?
- Конечно – сказал Папаша Фрикадель – это просто не нам
- Ты от Макса заразился? Или у тебя прадед тоже был шаманом?
- У нас вообще был общий прадед. Мы братья с Максом. По оружию.
- Какому еще оружию?
- Магическому натурально. Кастанеду почитай, деревенщина.
- По шестой палате вы с ним братья! Внуки пьяного шамана тоже

выискались.

- Одно другому не мешает – Папаша Фрикадель полез зачем-то в карман и извлек оттуда мятый листок, который оказался тем самым рисунком – вот зацени. Я все исправил.

На листке действительно были нарисованы собака с тремя глазами и исправленный попугай.

- Ну как?
- Да отлично, только зачем ты собаку в желтый цвет покрасил?
- А другого фломастера не было все равно
- Получился какой-то мерзкий, ядовитого цвета трехглазый мутант
- Ты такой же глупый как Сашка – сказал на это Папаша Фрикадель –

кстати, отдай ей при случае рисунок

- А ты сам не можешь?
- Я к ним больше не пойду
- Почему?
- Потому что знаки вокруг нас. Не хочу!
- Какие знаки?

- Никакие! – отрезал Папаша Фрикадель, развернулся и пошел прочь.

Самое интересное, что он сдержал обещание. И больше ни разу не переступал порог квартиры Сашки и Макса. Да и я туда попал только лет через семнадцать или двадцать. Сашка вскорости вышла замуж и переехала. А Макс как-то потерялся из виду – мы долгое время не общались. Поэтому, наказ Папаши Фрикаделя исполнить так и не удалось.

Правда тогда я ни о чем таком не подозревал, а просто стоял и рассматривал рисунок. На обратной стороне Папаша Фрикадель посадил пятно, вероятнее всего чаем, но если смотреть на просвет, то начинало казаться, что это Уроборос, выпучивший все свои три глаза внимательно смотрит на тебя сквозь бумагу.

Кстати говоря, а сколько на самом деле глаз у Уробороса?

Грустные мысли Инги Зайонц.

№45

«И на старуху бывает проруха»,
Вздохнув, подумала Инга Зайонц.
И муж, придурок, вечно под мухой,
И ты стала толстая как Бейонс

О том ли мечталось в угаре НЭПа,
Когда читали с ним план ГОЭЛРО?!
А ныне тоска и духовные скрепы,
И мелкий бес, не нашедший ребро,

Привычно царапает угол комода,
Мяучит, повторно прося еды.
А на дворе - вновь плохая погода
И грязная каша талой воды.

№46

Карфаген

«Карфаген разрушен, разрушен, разрушен, разрушен»
Бормотал Катон-старший, подливая в чашу нектар,
«В этом вовсе не стало смысла, дорогой архангел, послушай,
Карфагена давно уже нет. Да и я немислимо стар!

Можно ль мне теперь об ином: звуки музыки, стрёкот цикады
Запах ночи, шорох ветров, плеск волны, или пение птиц?
Я теперь их язык постиг, я узнал про миров миллиарды.
Дорогой архангел, уже не могу, Карфаген течет из глазниц

Ты представить не можешь себе столько муки в таком наказании,
Соглашусь, я был в корне неправ! Да я глуп был, и я был зол!
Признаю все свои грехи, но ужель до конца мироздания
Буду вынужден это твердить, будто дятел или осёл?»

Ангел обреченно вздохнул и ответил спокойно: «послушай,
Объяснял тебе тысячу раз, но изволь, сенатор Катон.
Мир устроен таким, что те, чьи напрасно погублены души,
Получают своё все равно, просто в месте немного другом.

Чтобы было понятно тебе, в отдаленном краю Ойкумены
Там, куда добраться не смог даже сам Марк Ульпий Траян,
Безмятежно стоит Карт-Хадашт, не коснулись его перемены
Полна гавань его парусов, идёт торг, народ весел и пьян.

И пока они вина все не допьют, и последний не догуляет
Жребий твой - возлежать у стола и твердить заклинание своё.
А слова, поверь, не пусты, ведь они их от бед охраняют
Так что ты ещё чуть-чуть потерпи, и не стоит впадать в забытьё.

Очень скоро споеет неслышно труба, но не сможешь её не услышать
Все исполнится и обретёшь ты покой, как того давно ожидал
Встанешь и пойдешь на закат, снова полной грудью задышишь
Будет море, цикады и пение птиц. И хранить тебя будет Баал.

Перед нами старый и страшный обряд, что уже не одно поколение
Будоражит умы и смугу несёт, но привыкли за сто долгих лет.
Вот одну из числа известных актрис наряжают в Анну Каренину.
И команда «Мотор», и дымит паровоз, сцена снята, возврата уж нет.

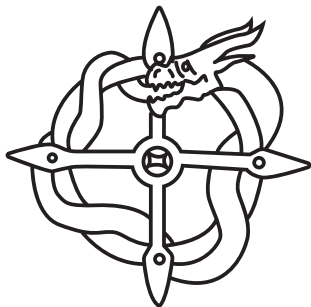
А потом вся тусовка идет в кабак, или просто чадит в интернете
Обсуждая всякий мелкий нюанс, или что бы сказал граф Толстой.
А пресс-служба российских железных дорог говорит: мы тут не в ответе
Машинист свистел, перронный кричал, но финал, как известно, простой

Ну а женщин тех не видит никто, ни на Кипре, и ни на Капри
Хотя ходит слух, что как только они попадают под паровоз,
Переносит волшебник добрый их на невидимом дирижабле
В ту страну, где всегда бушует весна, и нет ни печалей, ни гроз.

Гамлет там спокоен и тих, поливает посадки мимозы
Леди Макбет вовсе не варит яд, а купается мирно в пруду.
Граф Толстой, встречая у самых ворот, говорит им, скрывая слезы:
«Вы простите, девчонки, богом клянусь, я не это имел в виду!»

Запретный город - 2

№48

Ты знаешь, на корабли здесь похожи даже дома!
А жители их, словно болезнью морской
Вечно больны. И едва ли не сходят с ума
Такую погоду ещё зовут петербургской тоской

Довольно тепло, мелкий дождик вместо зимы
С позором в Мурманск бежал Генерал Мороз.
Но праздника нет: перекрестки и скверы немы
И видно лишь женщину в шапке из вязаных роз,

Которая крайне неспешно по тротуару плывет,
Не видя при этом ни зги, но почти не касаясь луж.
С таким лицом уходят в дальний морской поход
А вовсе не в гастроном, где ждет непутевый муж.

№49

После оливье

Мы дальше станем жить без «оливье».
В кошмарах холодец не будет сниться.
И долгожданный снег падет, и две синицы
Нам песнь споют про счастье, что в борьбе

Придет так скоро, как вообще возможно,
Преодолев невзгоды и труды.
А Дед Мороз, ступая осторожно
Пойдёт смотреть «Иронию судьбы»

Пятое письмо к Марии Райтер. Второе пришествие в Гаммельн.

№50

«Средняя» крыса способна: проскакивать сквозь отверстие размером с пятикопеечную монету; взбираться по вертикальной кирпичной стене; проплыть более восьмисот метров; прогрызть свинцовые трубы и шлакобетон; размножаться с такой быстротой, что в течение года потомство одной крысы может достичь 15 тысяч особей. Крысы могут набиться в пятиэтажный дом до такой степени, что здание под их тяжестью рухнет, а сами грызуны разбегутся невредимыми. (Электронная энциклопедия)

В тот вечер город Гаммельн был особенно тих. Но вместе с тем, в воздухе чувствовалась какая-то тревога. Что-то неосознанное на уровне звуков или запахов. Видимо надвигался шторм.

- Хороший знак – со значением произнес Двухвост, в сотый раз пригнувшись. Еще немного постояв, он, кряхтя, спустился обратно в штабную нору, опираясь на лапы и хвосты адъютантов.

Двухвост был очень стар – говорили, что ему более пятисот лет, потому что он однажды попал на Летучий Голландец и проплавал по морям там несколько веков. Все это было, конечно, вранье. Про него вообще болтали много всякого вздора. Например, что он вампир и раз в год пьет кровь молодых курсанток. Или что он продал душу дьяволу и поэтому у него два хвоста.

На деле Двухвост действительно дважды ходил в кругосветку (именно ходил, а не плавал: говно плавает, корабль идёт!), но это был не Летучий Голландец, а обычный зерновоз. Ну а что до татуировки на боку в виде якоря – это же морской флот! У всех настоящих моряков такие есть, почему крысы должны быть исключением? Два хвоста у Двухвоста появилось следующим образом: однажды в порту ему случайно при разгрузке едва не отхватили хвост и рубец прошел таким образом, что хвост на конце стал раздваиваться. Он сначала переживал и даже думал

отгрызть один, но потом обратил внимание, что остальные смотрят на него со страхом и уважением и решил этим воспользоваться. Двухвост не рассказывал никаких басен, а просто держал паузу и многозначительно молчал. Обычно этого хватало.

Однажды зерновоз пришел в Гамбург и Двухвоста вместе грузом, в котором он только-только прогрыз необходимые коммуникации и уютно обосновался, погрузили и отвезли в Нижнюю Саксонию. Поездка на автомобиле оставила у него крайне неприятные впечатления, но в итоге все обернулось к лучшему – он оказался на продовольственном складе достославного города Гаммельна. Где без большого труда возглавил небольшую стаю. Он был крупнее большинства самцов и самое главное – умнее. Гаммельнское крысиное семейство вообще отличалось невысокой сообразительностью, а также склонностью верить во всякую чушь. Первое место в ряду дурацких басен, конечно же, занимала Легенда о Крысолове.

Двухвост прекрасно этим воспользовался, хотя произошло всё немного случайно, можно сказать, что это была импровизация. Первоначально крыс оказался в маленькой захудалой стае, где быстро загрыз престарелого слабеющего вожака и установил своё верховенство. Однако, дальнейшая борьба грозила развернуться с более могущественными кланами, среди которых были Старые Челюсти, 502-я Помойка, Нюхачи и самое главное Бешеные Огурцы – очень сильная и отможенная банда. Новообретенная стая в прямом столкновении выдержала бы минут пятнадцать, от силы двадцать, не более. Поэтому, когда Двухвоста пригласили на Общее Толковище, куда пришли все вожаки кланов и наиболее уважаемые старейшины, он сказал так:

- Друзья! Я не вправе учить вас и не собираюсь этого делать. Но посмотрите вокруг: живем ли мы так как того заслуживаем? Получаем ли мы то, что должно принадлежать нам по справедливости? Нет! Мы прячемся по норам и щелям, боимся малейшего шороха и запаха. Хотя силы наши огромны. И погибшие от людского вероломства и колдовства не отомщены. Недалеко от нас стоит Дом Крысолова. Не мне рассказывать вам о том, что это значит для всех нас, какая это кровотокающая и незаживающая рана. Поэтому я говорю – Мечь! Это все что нам нужно. Повторим Великую Чуму!

Речь Двухвоста имела успех:

- Верно! – завопили Бешеные Огурцы

- Правильно! — сказали Нюхачи и 502-я Помойка

- Согласны! – поддержали остальные

И только один крыс из клана Старых Челюстей спросил:

- Как это сделать? Сейчас иные времена – люди готовы значительно лучше и повторить Великую Чуму очень трудно.

- Верно – ответил Двухвост – но и мы за это время стали умнее. К тому же люди слишком полагаются на свои технологии, а если их вывести из строя, то окажутся также беспомощны, как и прежде. Мой план таков. Создаем несколько штурмовых отрядов. Первый выводит из строя электричество – стоит перегрызть пару кабелей, город без света, без систем охраны, пожаротушения, останавливаются насосы водопровода. Правда ненадолго – на пару часов. Но этого нам хватит для главного – устроить прорыв дамбы. Где можно прогрызем заранее, где нельзя – в момент, когда все будут чинить электричество и запускать очистные сооружения. И когда дамба будет прорвана, то город погрузится под воду. И это будет самая лучшая и самая верная месть, какую можно только придумать. Наши утонувшие братья будут отомщены.

- Погоди, но для этого в реке должно быть много воды – раздался недовольный голос кого-то из Нюхачей - И что будет с нашими гнездами? Мы же первые утонем!

Двухвост осклабился, обнажив желтоватые, но ещё весьма крепкие клыки:

- Разумеется. Но мы же не будем сидеть сложа лапы и подготовимся к этому, верно!? Во-первых, запасные гнезда в безопасном месте. Во-вторых, штурмовые бригады: нужны отважные ребята с крепкими челюстями, готовые пожертвовать собой ради общего дела. В-третьих, продуманный план – дамбу надо начинать грызть уже сегодня. И наконец, мы все ждем большую воду. Нюхаем воздух, наведываемся в бюро прогноза погоды. Подсматриваем, подслушиваем, всё запоминаем. И когда придет большая вода мы действуем. Слаженно, быстро и без внутренней грызни. Что скажете?

- Согласны – сказали Нюхачи

- Согласны – сказала 502-я Орденосная Помойка

- Согласны – сказали Старые Челюсти

- Мы ни хрена не поняли, но тоже согласны – сказали Бешеные Огурцы – пора показать этим людям кто в городе хозяин. А уж бойцов мы выставим, за этим дело не станет!

Работа закипела. Следующие два с половиной года все только и делали что готовились к предстоящей Операции. Куда делись былые распри? Еще вчера враждовавшие между собой кланы самоотверженно трудились бок о бок во имя общей цели. Наконец неделю назад, вторая особая рота Нюхачей, ведущая непрерывное наблюдение за погодой сообщила, что надвигается паводок. Это подтвердил Особый Сводный Разведывательный Взвод, промышлявший в городском бюро прогноза погоды.

Немедленно началась эвакуация гнезд. Причем, чтобы не вызывать подозрений проводилась она по ночам и скрытно. Вчера вечером, Сводная Интендантская Служба, сформированная на базе 502-ой Помойки доложила, что все производящие самки, слабые, больные и дети эвакуированы, запас продовольствия на две недели создан. Одновременно с этим четыре штурмовые бригады укомплектованы, накормлены и рвутся в бой. Руководители бригад ждали Двухвоста в штабной норе. Собственно говоря, оставалось проверить как руководители штурмовых бригад усвоили задание и можно было выдвигаться на позиции.

Последний инструктаж не был длительным. Все уже столько раз было обговорено и обдумано, что отскакивало от зубов в прямом смысле этого слова. Руководитель Первой Бригады (смертников, в задачу которых входило нарушение работы электростанции) предложил пройти по берегу Везера, чтобы еще раз посмотреть на реку. Никто не возражал. Двухвост ещё немного выдержал торжественную паузу и сказал: «Пора». И крысы пошли.

В обычной ситуации передвижение было бы максимально скрытным, но теперь прятаться никто не хотел. Они шли, развернув плечи и гордо подняв головы. Наблюдая как портится погода и мирный в обычные дни Везер превращается едва ли не в бушующее море. Двухвосту, неоднократно переживавшему настоящий шторм, было немножечко смешно видеть нараставшее беспокойство в глазах своих береговых собратьев, но нельзя было не признать, что волнение тянуло уже балов на четыре-пять и ветер продолжал усиливаться: момент начала Операции рассчитали правильно. Штурмовые бригады вышли к небольшой площадке на берегу, откуда их пути должны были разойтись: одна на электростанцию, две на дамбу и одна к городским очистным сооружениям.

Вдруг Двухвост остановился и замер. Происходило что-то странное, он даже не понял сначала что именно. Посереде реки, откуда ни возьмись, появилась огромная змея. Или даже скорее Змей, потому что по

своим размерам он превосходил все живые существа отряда змеиных. Кроме того, Змей на вид был полупрозрачный, как будто сложившейся из ветра и воды, и не издавал никакого запаха, поэтому все заметили её, когда, откровенно говоря, было уже поздно.

Змей какое-то время просто разглядывал крыс, и хотя он не смотрел ни на кого в отдельности, каждый застыл в оцепенении, не в силах ни убежать ни отвести взгляда. Первым опомнился Двухвост. Он хотел подать сигнал тревоги, но вместо этого что-то прохрипел и упал на землю. Горлом пошла кровь и старый крыс понял, что умирает и не может проронить ни звука. Зато Змей открыл рот и издал звук.

Нет не так. Никакого звука Змей не издал, но мир тут же наполнился Музыкой. Загипнотизированные крысы послушно пошли в воду. Причем прекрасные пловцы не отрывали ног от земли и не задерживали дыхание, а просто тонули. А Музыка звучала все громче и громче, переливаясь волшебной трелью и складываясь в Песнь Уробороса. Долгую, страшную и прекрасную одновременно,

Двухвост отлично всё слышал и уже откуда-то то знал, что это именно Уроборос. В его угасающем сознании как-то сам собой сложился вопрос: «Почему? У нас же могло получиться»

И Уроборос как будто ответил старому крысу: «Именно поэтому. Вы бы всё совершили, а этого никак нельзя было допустить».

«А что же дальше?» - с тревогой подумал Двухвост – «Я умираю?»

«Да. Но тебе не будет больно. И дальше станет хорошо. Тебя ждет покой. Больше не придется прятаться по щелям искать пропитание, бояться каждого шороха и драться с чокнутыми сородичами при всяком удобном случае» - сказал ему Уроборос.

И Двухвост действительно закрыл глаза и уснул. Волны Везера окончательно накрыли с головой все четыре штурмовые бригады, а затем всё как-то подозрительно быстро стихло, да так, что наутро в Гаммельне и думать забыли о намечавшемся шторме, не говоря уже о прочих угрожавших городу опасностях.

Хотя одно происшествие все же имело место.

Фрау Бюттнер с утра, как обычно, пошла на прогулку на реку со своей собакой Зельдой и надо же такому случиться, что Зельда принесла в зубах огромных размеров мертвую крысу, да еще с раздвоенным хвостом. Фрау Бюттнер, при виде такого едва не упала в обморок, но все же взяла себя в руки и немедленно предприняла необходимые меры. По тревоге

были подняты глава городской ветеринарной службы, для определения не является ли труп данной крысы опасным с точки зрения инфекций, а также директор местного зоологического музея, с целью выяснить не является ли данный экземпляр ценным с точки зрения зоологии, или же палеонтологии.

Кроме того, о происшествии был уведомлен пастор, перед которым поставили задачу определить: не является ли данная находка свидетельством скорого пришествия Антихриста.

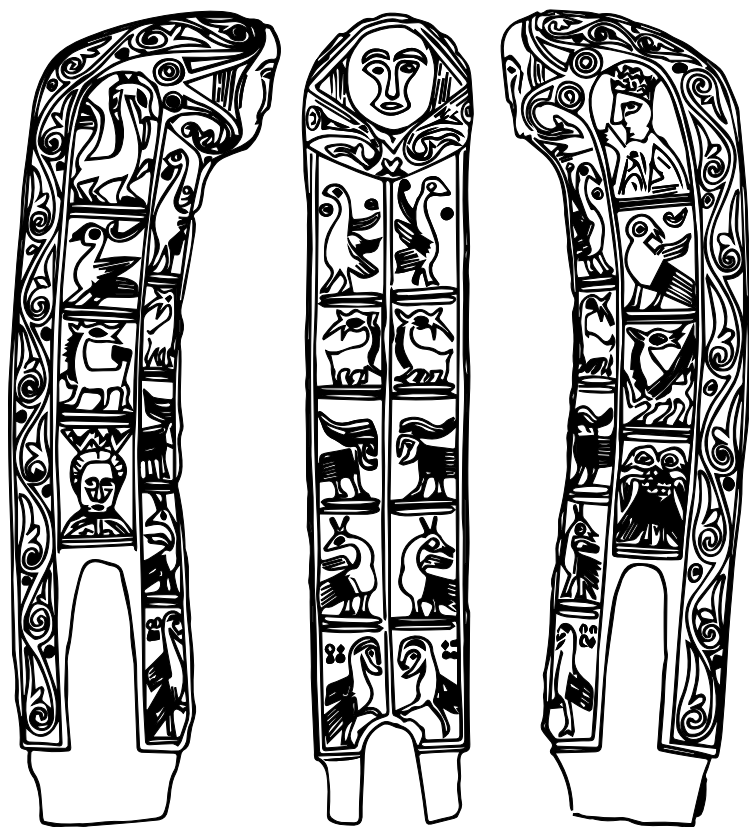
На успокоение фрау Бюттнер и других растревоженных горожан ушел едва ли не целый день. Происшествие активно обсуждалось и вечером: в лучшей пивной собрались лучшие люди города, включая господина директора, господина обер-ветеринара, да и святой отец тоже не отказал себе в удовольствии пропустить стаканчик. По итогам обсуждения общее мнение в пивбаре пришло к следующему.

Во-первых, само по себе существование крупных крыс не является чем-то уникальным.

Во-вторых, раздвоенный возник вследствие механического повреждения и ни о каких необычных мутациях тут речи идти не может.

В-третьих, фрау Бюттнер, безусловно, редкая дура и нечего было поднимать панику на ровном месте.

С другой стороны, пока не стартовали игры группового этапа чемпионата мира по футболу заняться благородным гаммельнцам все равно решительно нечем, поэтому нет ничего страшного в том, что так всё обернулось. Тем более, что крысы всегда играли в истории города особую роль и немало его прославили как в Германии, так и за её пределами.

Петины сказки

Глава первая: Мячик для Буси.

1

Навигатор показывал, что место назначения было где-то рядом. Правда поворота, судя по карте, здесь никакого не было, да и с виду абсолютно ничего не изменилось: вокруг стеной выстроились всё те же ёлки, изредка уступая место полянам, поросшим жёлтой осокою, освещаемые, будто приклеенным к горизонту солнцем, которое всё никак не могло сесть.

Машина катилась по узкой неровной грунтовке. Крупные камни Петя старался пускать под колесо, но получалось это не всегда, и тогда в багажнике что-то неприятно гроыхало. Пете это не нравилось, и он каждый раз болезненно морщился.

- Где-то я читал подобное – подумал он в очередной раз, объезжая яму – кажется у Стругацких.

Петя вообще не особо любил Стругацких, а в нынешнем настроении вспоминать о них было почему-то вдвойне неприятно. Он с самого начала не хотел сюда ехать и, если бы не профессор О'Брайен, ни за что бы не согласился. Перед последним поворотом на заимку обнаружилась особенно большая груда камней. Машина нещадно тряслась и даже запрыгала. Петя, в который уже раз, убедился в том, что решение взять джип напрокат было совершенно правильным.

Хозяин уже ждал у ворот. Это был человек неопределенного возраста, но по виду достаточно крепкий. И хмурый, как большинство местных жителей. Пете казалось, что они рождаются уже с этим серьезным выражением лица, и потом только лишь увеличиваются в размерах.

- Здравствуйте, Степан – сказал Петя – это я!

- Да уж понятно – усмехнулся тот – москвича сразу видать. Здравствуйте.

Заглушив мотор, Петя вышел из машины и огляделся. Все оказалось значительно лучше, чем он предполагал. Дом новый, с удобствами. Да и окружающий пейзаж не разочаровывал. Но, разумеется, было необходимо во всем удостовериться лично. Поэтому следующие четверть часа ушло на осмотр комнат, проверку душа, туалетов уплату аванса и прочую рутину. Степан оказался на редкость терпеливым и стойко сносил все Петины придирки, подробно отвечал на расспросы. И уже когда стало ясно, что всё по пятому разу выяснено, уточнено и перепроверено, просто сказал: «Пойдемте ужинать!».

Ужин оказался простым, но очень вкусным. А хозяйская брусничная настойка окончательно растопила первоначальное отчуждение.

- Вы меня извините – говорил Петя едва ли не с набитым ртом – что я так всё проверял. Просто эти иностранцы всю душу вымотали.

- А когда приедут-то? - спросил Степан

- Должны завтра к вечеру. По воде. Ваше здоровье! – Петя опрокинул еще стопку и видимо сбил дыхание – ух, крепкая она у вас!

- Их визит крайне важен – продолжил он после небольшой паузы - Профессор О’Брайен – крупный специалист по реликтовым животным. Он участвовал в исследованиях на озере Лох-Несс, ездил в Хэнань к доктору Джун Ван Чуну. Слышали о китайском морском драконе?

- Нет.

- Что вы, это очень любопытно! В какой-то далекой глухой деревне в Китае, в провинции Хэнань жители обнаружили на берегу морского дракона. То ли он был болен, то ли просто выполз на берег зачем-то, но в итоге они ничуть не удивились, а забили его до смерти. И недолго думая начали варить из него похлебку, дающую волшебную силу, а кости размалывали в порошок и продавали как снадобья.

- Враки, по-моему.

- Ничуть! Когда местный палеонтолог, доктор Джун Ван Чун провел экспертизу того, что крестьяне не успели съесть, он в прямом смысле поседел, ибо они убили и съели настоящего плезиозавра. Представляете!

- Сложно поверить, если честно.

- Тем не менее. Профессор О’Брайен тоже там был и видел эти останки.

- А к нам он зачем пожаловал?

- Здесь на озере в 1976 году произошел несчастный случай. Пропала группа студентов и аспирантов географического факультета.

- Группа Подберезкина?

- Да-да. Она.

- Говорят, это было совсем рядом с нами – помедлив, сказал Степан

- Потом на двор пойдем, покажу где.

- Ну так вот – увлеченно продолжил Петя, которому хозяйская настойка подняла настроение – профессор О’Брайен отчего-то уверен, что они погибли в результате встречи с плезиозавром или каким-то иным доисторическим ящером. Таким же, какого он искал в Лох-Нессе или таким, какой водится в Черном море возле Кара-Дага

- Карадагский змей – Степан разлил еще по одной – слышал. Это я могу понять хотя бы в теории. Там много рыбы, есть пещеры, где крулый год почти всегда довольно тепло, опять же простор. А тут у нас как? Ну, озеро глубокое, да. Но всё же небольшое и притом холодное.

- Лох-Несс тоже вроде бы не теплый.

- Ну ладно, даже бог с ней с температурой. Я был в Крыму на Кара-Даге, там куча свидетельств: кто видел змея, кто видел дельфинов с характерными ранами и все такое прочее. Есть документы. Типа приказа красноармейцам прочесать берег после того, как на купающихся напали. А на том же Лох-Нессе ничего такого нет. Кроме фотографий, половина из которых как выясняется не настоящие.

- Да, это был знатный скандал – согласился Петя.

- А у нас тут даже и фальшивок никаких нет. С чего он взял что вообще тут кто-то может быть?

- Он воодушевился шаманскими изображениями.

- Так это же в Сибири!

- Ой – у Пети определённо развязался язык, и он говорил такое, чего бы в иных обстоятельствах себе не позволил, тем более, по сути, с малознакомым собеседником – Вы думаете он разницу понимает? Подберезкин опять же. Кроме того, ему перевели научные труды по славянской мифологии, где сказано про изначальный вариант сказки о Садко, где морской царь – это ящер. Плюс ковши и гусли с изображением ящера. А потом он же ирландец – они вполне серьезно верят в эльфов, феениев, форморов и племена богини Дану. Хотя никогда не признаются.

- Понятно – усмехнулся Степан – А с Подберезкиным все, к сожалению, проще. Пошли, покажу. Заодно курнём.

Они вышли на веранду с видом на озеро. Стоял прекрасный вечер, было в меру тепло и полнейший штиль.

- Вон видишь те два островка – Степан закурил и показал рукой чуть левее, где из-под воды еле виднелись два небольших клочка земли – сейчас ветра нет, но он если дует, то они стоят к такому ветру ровно поперёк. При резких порывах между ними часто разгоняет волну в метр, может полтора. Если там вдруг окажется лодка или байдарка и попытается пойти поперёк волны, то точно перевернется. Плюс глубоко и холодно. Это довольно часто здесь бывает. Местные то знают, как себя вести, а горожане, как правило, нет. Так что, скорее всего, они просто заплыли сюда и перевернулись. По крайней мере, сосед мой, Михалыч говорит, что двоих нашли возле острова, а одного выбросила на берег прямо сюда, где мы стоим.

Петю передернуло.

- А вас тогда тут не было?

- Не, мы тут позже обосновались. Здесь тогда вообще ничего не было. Так что приходится верить на слово Михалычу. Хотя, веры ему особо нет. У него показания меняются в зависимости от ... - Степан замолчал на полуслове, потому что сигарета погасла и надо было снова прикурить.

- Количества выпитого?

- Напрямую – Степан засмеялся – Более того, если он выпьет действительно много, то выяснится, что он помнит ледниковый период и сам тут чуть ли не руками останавливал ледник и спасал мамонтов.

- Надо его познакомить с профессором О'Брайеном - Петя тоже развеселился - Правда он отсюда вообще тогда не уедет, пока не истребит всю настойку или не найдет кого-нибудь.

- А тебе-то что с того профессора? – вдруг серьезно спросил Степан – ты, я вижу, не особо веришь в динозавров

- Мне нужно в Ирландию – Петя тоже стал серьезен

- Зачем?

- Да хочу переехать. Как-то здесь не ладится. Не то всё. Там и денег больше и вообще. Кстати говоря, совершенно нет комаров. Тема у меня опять же - кельтская мифология. В общем, всё одно к одному. Но чтобы уехать удачно, надо вот этого профессора какое-то время выгуливать, чтобы он был всем доволен.

- Понятно – сказал Степан – ну с этих проблем не станет. Встретим, напоим, отвезем к Михалычу если надо. Тут недалеко, километров

тридцать, может сорок. Я, кстати, завтра с утра на всякий случай проверю насосы, так что если воды в туалете вдруг не будет, то умывайся на улице. Вот тут – Степан показал на умывальник, стоявший едва ли не у самой воды. А то напугал меня ты со своими интуристами. Не хочется ударить в грязь лицом.

- Хорошо - сказал Петя. Он задумался и смотрел куда-то вдаль, на воду, красиво бликующую в лучах толком не садящегося солнца.

- Спокойной ночи – сказал Степан, уходя в дом.

- Спокойной ночи.

2

Спаслось с настойки исключительно крепко. Петя очнулся только часам к десяти утра, да и то, как говорится, не целиком. Не разлепляя глаз, он дошел до туалета, убедился в том, что Степан всё же перекрыл воду, кое-как влез в джинсы и направился во двор прямой наводкой к умывальнику.

Только начав умываться Петя, вдруг явственно почувствовал, что его кто-то укусил за пятку. Не сильно, но чувствительно. Собака? Вроде бы не было вчера у Степана никакой собаки.

Повернувшись, Петя обомлел. На него смотрел небольшой плезиозавр, скорее всего детёныш. Петя немедленно отскочил в сторону, но мелкий ящер вовсе не собирался его преследовать. Он схватил старый красно-синий резиновый мячик, прокушенный в нескольких местах, на который нечаянно наступил Петя, и с довольным урчанием скатился с ним в воду. С Петей, как в гоголевском «Ревизоре», приключилась немая сцена.

— Это Буся – сказал сзади мужской голос – не бойтесь, она добрая.

Петя повернулся и увидел незнакомого молодого парня в резиновом комбинезоне с надписью «4-я К-Г АРБ», выполненной почему-то славянской вязью. Чуть поодаль у дома возились Степан и ещё два таких же мужика в комбинезонах, и совершенно не обращали внимания на плезиозавров.

- А вы и есть тот самый гость из Москвы? – спросил парень, видя, что Петя не может выйти из ступора.

- Да – наконец выдал из себя Петя
- Меня зовут Тит – мужик протянул руку
- Очень приятно, Петя!
- А это – Тит махнул рукой в сторону – Святополк и Смарагд. У нас тут заматня небольшая приключилась.

Только тут Петя сообразил, что посереде озера на месте едва видневшихся вечером островков высится изрядных размеров конструкция – корабль не корабль, остров не остров, но что-то огромное, торчащее из воды явно не целиком. На берег от него были перекинута раздвижные мостки с перилами. Но более всего Петю поразило, что на мостках стояла девушка во всё той же странной униформе и чем-то кормила плезиозавров, которые собрались под мостками и как могли вытягивали головы из воды. Помимо маленькой Буси там был еще большой ящер. Который в конце концов словно собака вытянул из воды свою страшную морду и положил на мостки рядом с девушкой. У Пети от такого зрелища наступила немая сцена номер два.

- Не бойся, это Бусина мама, Яруга – сказал Тит – Они своих не трогают.

- Ты давай меньше болтай, а больше работай – сказал подошедший Степан – вроде всё что можно приварили, несите теперь монтировать.

Тит отправился помогать, а Петя, немного переведя дух, спросил:

- Степан, это вот что? - и показал рукой в сторону невесть откуда взявшегося острова и динозавров, аппетитно поедающих вкусняшки.

- Да это кум приехал ... - начал было Степан

- Перестань, какой еще кум! На лодке приплыл ещё скажи. Ты же врать не умеешь.

- Не умею – согласился Степан – Да тут и коротко не объяснить

- Отчего же не объяснить? – раздался вдруг звонкий женский голос.

Из-за спины Степана появилась девушка, кормившая ящеров. При её виде у Пети случилась немая сцена номер три, самая глубокая и продолжительная. В голове у него при этом заиграла невесть откуда взявшаяся песня:

И сидит ящер, ладу-ладу,
Орешки лушит, ладу-ладу,
Веретено точит, ладу-ладу,
И жениться хочет, ладу-ладу.

- Китеж-град помните? - спросила девушка

- Вот-вот, Марушка, растолкуй – облегченно сказал Степан – а я помогу ребятам пойду.

С этими словами Степан ретировался, а Петя, обычно не страдавший от недостатка красноречия, всё стоял хлопал глазами, пытаясь рассмотреть девушку. Но кроме огромных сине-голубых глаз ни на чем сосредоточиться не мог.

- А вы же Петр из Москвы, если я правильно поняла? – спросила она
Петя кивнул.

- А я Марушка. Я бывала у вас в Москве, правда, давно.

- И как вам? – к Пете понемногу начала возвращаться речь, но сложные фразы он пока осилить был не в состоянии

- Шумновато если честно. Вы спрашивали у Степана, что это такое – Марушка обернулась и показала рукой туда, где Степан, Тит, Смарагд и Святополк, деловито переругиваясь, прилаживали к куполу кусок обшивки – Это Китеж-град

- Китеж-град?!

- Именно. Вам знакомы эти сказания? В детстве читали?

- И не только в детстве. Но ... как это возможно?

- Хочешь посмотреть? – Марушка вдруг перешла на «ты» и спросила это с какой-то особой теплой интонацией. Не дожидаясь ответа, взяла Петю за руку и повела его за собой на мостки. Рука у нее была нежная, теплая, но вместе с тем твёрдая.

3

То, что Петя первоначально принял за остров, на деле оказалось чем-то вроде шлюзовой камеры, за которой следовал тоннель. Сам город находился глубоко под землей (так, по крайней мере, объяснила Марушка). Внутри все выглядело скорее, как в лавке антиквара, нежели в подводном аппарате: нагромождение каких-то приспособлений, порой весьма старых и пыльных, среди которых сияли неоновым светом два современных монитора. На одном отображалось озеро, на другом – какие-то провода, распределительные кабели и прочие не вполне понятные технические приспособления.

- Садись – сказала Марушка, легонько подтолкнув Петю. Тот плюхнулся на довольно старый и скрипучий деревянный стул, прикрученный к полу перед одним из мониторов. Марушка что-то переключила на пульте управления и на одном экране вместо проводов и железяк появилась картинка. Это и был Китеж. Но не лубочный детинец с церквями, а нечто иное.

Настоящий большой город, в котором древние постройки переплетались с необычными зданиями, которым трудно было найти аналог на земле. Они казались сделанными из хрусталя. Мягкий свет причудливо отражался от крыш, стен, окон и тротуаров и было совершенно непонятно откуда он вообще берется. Но это было восхитительно! У Пети мелькнула мысль, что просто не существует слов, чтобы описать то, что он видит.

А картинка между тем менялась. И вот уже Петя видит людей, населяющих город, услышал мягкую музыку и чей-то рассказ о том, как возник Китеж, как люди ушли от наступающего ледника под землю, как обустроили город, создали на поверхности земли искусственный остров, который сначала был действительно обычным древнерусским детинцем с церковью, а потом его переделали и он принял нынешний вид. Петя также увидел, как воины Батяга пытаются ворваться на остров, но тот просто берёт и уходит под воду.

Каким-то образом Петя узнал про город гораздо больше того, что говорил ему голос. Он знал, что в Китеж-граде за это время сменилось тридцать пять глав, и сейчас работает тридцать шестой. Он знал еще массу других вещей, даже то, что означает странная аббревиатура на комбинезоне у Тита и Марушки (всего-навсего «4-я Китежградская аварийно-ремонтная бригада»).

Да, но как это могло получиться? Ведь с того момента как они зашли сюда прошло не более пяти минут.

- Все очень просто – сказала Марушка — это называется телепатия. Очень экономит время. Иначе бы пришлось тебе все это рассказывать двое суток.

- А вдруг все это обман? – Петя немного удивился собственным словам, но, правду говоря, сомневаться было вполне в его характере.

- Хочешь сам попробовать прочесть мысли? – спросила Марушка, ничуть, по-видимому, не обидевшись.

- Конечно!

Марушка порылась в одном из ящичков и достала основательно тронутый патиной медный обруч. Нечто вроде короны, но всего с двумя зубцами, расположенными напротив друг друга.

- Держи! Надень так, чтобы на лбу был вот этот большой зубец.

Петя с недоверием водрузил обруч себе на голову

- Надо проверить – сказала Марушка – подумай что-нибудь

- Всем чмоке в этом чате – подумал Петя первое что пришло ему в голову

- О, у нас новенький! – вдруг гулко отдалось в мозгу. Но это был не звук, а именно чья-то мысль. Задний зубец у обруча при этом немного нагрелся

- Ага, жертва интернета - подумал кто-то ещё.

- Отлично все работает – сказала Марушка, а затем замолчала, но её мысль услышали все – ребята, давайте переключку, чтобы нашему гостю было проще!

- Тит

- Смарагд

- Степан

- Святополк

- Яrrrrr – заурчал кто-то

- Кто это? – удивился Петя

— Это Яруга - сказала Марушка – мама Буси. Да не надо говорить, все и так все понимают. Привыкнешь быстро.

Вероятно, желая подать пример, Марушка перешла в режим передачи мыслей:

- Привет Яруга! Познакомься – это Петр. Он свой, его не трогай

- Хорррошшо – прошипела Яруга. На экране, транслирующем озеро, было видно, как она проплыла мимо камеры и потом резко нырнула вниз, видимо разглядев на глубине что-то съедобное.

- Я, по-моему, все-таки сошёл с ума – подумал Петя – это мысли плезиозавра?

Все начали смеяться. В режиме телепатии это было похоже на веселое журчание воды.

- Мааааам - вдруг в эфире появился очевидно кто-то маленький – я потеряла мячик

- Это Буся – пояснила Марушка

- Она так хорошо нас понимает?! – удивился Петя

- Яруга понимает не хуже – заметил Тит – просто болтать не любит.
А Буся общительная.

- Маааааа! Ну, где мячик?

- Фрррррр! – Яруга видимо была недовольна, что её отвлекают

- Ну, маааааа!

Тут в эфире кто-то кашлянул. Петя, с детства вырос в твердом убеждении, что кашель не может быть мыслью. Но оказалось - может. Кто-то взял и громко подумал:

- Кхмммммм!

- Буся, прекрати, ты сейчас разбудишь дедушку! – встревожился
Смарагд – он волну поднимет, а мы тут еще не закончили

- Господи, у них еще дедушка есть? – поразился Петя

- Да - сказала Марушка – он действительно огромный, просто дракон настоящий

- А папа?

- Папа в кругосветке – сообщила Буся – он обещал, когда вернется, принести мне новый мячик. А то старый весь порвался, да и потерялся куда-то.

- Папа обычно приплывает только на брачный период – пояснил Смарагд – раз в году. А остальное время в море. Ему в соленой воде лучше.

- У меня в машине был мячик - вспомнил Петя – зачем же ждать пока папа придет из кругосветки. Я сейчас схожу, принесу. Может он тебе подойдет.

Петя встал, и собрался было выйти, но Марушка удержала его.

- Подожди – сказала она – ты должен знать. Ты не сможешь вернуться сюда, если выйдешь

- Почему?

- Ты гость. Но гость может побывать здесь только один раз. А потом сойти на берег и никогда больше не увидеть Китеж-града, и никого из нас.

- Как это?

- Такова система защиты. Иначе не сохранить тайну.

- Но ведь вы сходите на берег. Ты же рассказывала, что была в Москве. А Степан на берегу живет постоянно.

- Мы-то сойти можем – вмешался молчавший доселе Святополк - Только ты нас не увидишь. Не узнаешь. Не вспомнишь.

- Я понимаю – вздохнул Петя – у кельтов есть сказание про Ойсина сына Финна и Страну Юных. «Если хоть один раз коснешься ногой земли, не видать тебе больше Страну Юных»

- Да – сказала Марушка

- Да – подтвердили остальные

- И нет выхода?

- Есть.

- Какой же?

- Ты должен захотеть остаться. Насовсем. Но сам. И это должно идти от твоего сердца. Мы не имеем права тебя удерживать.

Петя замолчал, не зная, что делать далее. Но тут беседу прервал истошный вопль.

- Мамааааааааа!!!!!!! — это закричала Буся. Или подумала. Или все одновременно. Но, по правде говоря, это уже не имело большого значения.

4

Петя и Марушка опрометью выскочили на верхнюю палубу, едва не столкнув в воду уже стоящих там остальных членов аварийной команды. Картина была вполне ясна – недалеко от них стояла новенькая яхта, в которой Петя без труда узнал судно профессора О’Брайена – это была его научная лаборатория. Без бинокля было не очень хорошо видно, но, судя по всему, на палубе имела место большая суeta – из воды вытягивали сеть, в которой билась и пищала Буся. Она, наверное, повелась на приманку, или её засекли эхолотом.

- Это твой профессор? – спросил Степан

- Да – подавленно сказал Петя – я сейчас ему позвоню ...

Петя похлопал себя по карманам джинсов, но вспомнил, что телефон остался на берегу.

- Не надо никому звонить – сказал Тит

- Почему?

- Смысла нет – Тит жестом показал в сторону яхты. Рядом с ней вспенилась волна и из нее показала голова Яруги.

Петя ожидал, что Яруга нападет на яхту, но та просто издала инфразвуковой сигнал ... крикнула инфразвуком ... нет, им же крикнуть

Петя, убедившись, что Марушка уже может самостоятельно встать, отправился к машине. По дороге он подумал о том, как сильно всё может поменяться в жизни. Скажи ему ещё пару часов назад кто-нибудь, что плезиозавр пошлет его искать резиновый мячик, он бы счел его сумасшедшим. Машина, кстати, оказалась не заперта. И на заднем сиденье Петя с удивлением обнаружил профессора О'Брайена. Причем профессор хорошо спрятался, но его выдал, простите, характерный запах. Собственно, от остальных он был не лучше.

- Ничего-ничего – услышал Петя вполне бодрый голос Степана – У меня дед знаешь, как в свое время говорил: если пока в атаку бежал два раза не обосрался, считай, что на войне не был!

Следующие полтора часа ушли на приведение в порядок территории, поиски и транспортировку обезумевших участников экспедиции профессора О'Брайена (один исследователь долго пробыл в воде и потерял сознание, чуть не утонул), общую помывку и первичную психологическую реабилитацию.

- А как вы будете им объяснять случившееся? – спросил Петя Марушку

- А никак – ответила Марушка - Сейчас отвар специальный ягодный им дадим, они поспят часа три и уже ничего не вспомнят. Нам просто надо за это время погрузиться, а Степан их отвезет на станцию. Вернее, вы вместе отвезете.

Петя вдруг вспомнил про слова Марушки про берег и про Ойсина сына Финна и ему стало нехорошо. Он побледнел и остановился как вкопанный.

- Ну что ты, испугался? – засмеялась Марушка

- Но ... - начал было Петя

- Ты сейчас это сказал или подумал? Про Ойсина сына Финна – спросила Марушка

- Подумал

- И я подумала в ответ.

- Ну и что?

- А теперь скажи мне – обруч твой где?

Петя оцупал голову – обруча не было. Оглядевшись, он увидел, что обруч висит на умывальнике.

- То есть это что получается?

- Ты читаешь мысли без всяких приспособлений. Ты сделал выбор.

- И я вас вижу?

В это время к ним подошли Святополк, Тит и Степна

- Петр! – торжественно сказал Святополк – вы теперь член команды. Ордена Трудового Красного Знамени 4-ой Китежградской аварийно-ремонтной бригады имени равноапостольного князя Владимира. Я на правах бригадира принимаю вас в наши ряды! Ура!

- А трудовое красное знамя то у вас откуда?

- Ой, это долгая история.

- Не такая уж и долгая – сказал Степан – я в преферанс как-то выиграл. Четыре мизера подряд!

Петя оглядел довольные физиономии обступивших его друзей и его осенило:

- Дурите мне голову?

Дружный смех был ему ответом:

- Гляди-ка, догадался – синхронно подумали Святополк, Тит и Степан

- И про делающийся невидимым Китеж тоже наврали?

- Не совсем - сказала Марушка – так можно сделать. Это древняя технология просто мы давно уже это не использовали.

- Что вы опять там болтаете и не работаете – возмутился Смарагд который в одиночку занимался непрошенными гостями – Марушка, носи отвар, они начинают интересоваться, откуда у нас тут динозавры.

5

В конце концов всё произошло именно так, как и сказала Марушка. После отвара гости немного подремали, потом Степан ещё для верности угостил их настойкой, организовал баню и в итоге на следующий день они с Петей погрузили совершенно расслабленных и ничего не помнящих профессора О'Брайена и его спутников в две машины и повезли к Михалычу. Затонувшую яхту, конечно, было жалко (пришлось сказать, что на озере внезапно случился шторм, тут такое бывает – ветер налетит ну и т. д.), но, во-первых, она застрахована, а во-вторых, Степан заверил профессора, что наиболее ценное оборудование можно будет достать, вот только дождемся

водолазов с техникой, которые подойдут буквально на следующей неделе. Ну максимум через две.

Таким образом, Петя снова ехал по той же раздолбанной грунтовке и смотрел на бесконечные ели и редкие поляны с осокой. Но его настроение было совершенно иным, нежели два дня назад. Профессор О'Брайен оказался человеком с крепкой нервной системой. Он совершенно не горевал о потерянной яхте, и горел желанием познакомиться с Михалычем, а также осмотреть иные достопримечательности этих мест. Его с помощницей Эвелиной Бакстер (которую на самом деле звали Лена Сиротинская, но она вышла замуж за англичанина Бакстера и под это дело заодно сменила и имя) посадили в головную машину к Степану, и они всю дорогу мило беседовали.

Петя же вёз куда более молчаливую компанию. Повар-итальянец, а также с трудом выловленный из воды, и переохладившийся биолог из Петрозаводского университета мирно спали. Бодрствовал только третий пассажир – маленький японец, с которым профессор познакомился во время своей известной теперь всему научному миру поездки в Азию. Петя почему-то не мог вспомнить, как его звали: в голове все время вертелось только какие-то комбинации из фамилий японских кинорежиссеров. Куросава Миядзаки, или может быть Одзу Китано, в общем, чёрт его помнит.

Японец, кстати, был единственный, кто не поддался безоглядной панике и более или менее достойно вышел из воды. Во всяком случае, его не пришлось снимать с дерева, как Эвелину Бакстер. Более того, Пете показалось, что на него не подействовало Марушкино питьё: японец оставался настороженным и молчал, подозрительно зыряка по сторонам. Впрочем, Петя не слишком беспокоился по его поводу.

Мысли его так или иначе возвращались к Марушке - они не успели толком поговорить, поскольку делалось все в жуткой спешке, но перед погружением он отчетливо уловил как Марушка подумала: «Возвращайся!». Причем это было не ласково-насмешливо как прежде, а как-то резко и ... одним словом, всерьёз. Он обернулся, но она почему-то отвернулась, отвела взгляд, сделала вид, что занята подготовкой к погружению.

- Конечно, я вернусь, как же мне не вернуться – подумал Петя
Марушка ничего не ответила, зато затараторила Буся

- Дядя Петя, привези мне ещё один мячик!
- Ты тот уже потеряла?
- Нет, но он без рисунка, а я хочу полосатый. А потом папа вернется из кругосветки и принесет еще один. У меня будет три мячика. Про запас.

- Петь, мы поворачиваем, приготовься! – по рации раздался голос Степана. И добавил уже телепатически: А ты всё про невесту свою думаешь.

- Хорошо – ответил Петя по рации. И прибавил мысленно: тебе-то что за дело, о чем я думаю.

- Да ладно, дело молодое - усмехнулся Степан.

- Вовсе не о невесте! – возмутился Петя – и потом: какая она мне невеста?!

- А о чем же интересно знать?

- О мячиках для Буси - нашелся Петя – и о том, что их много не бывает.

Степан только усмехнулся и резко повернул вправо. Они везли гостей к Михалычу, который останавливал руками ледник. И Петя уже не вполне был уверен, что это простые байки. Во всяком случае, никогда не помешает тщательно проверить информацию.

Глава вторая: Русский с ирландцем братья навек.

6

Михалыч поначалу показался Пете человеком довольно неприятным. Во-первых, он все время матерился. Во-вторых, когда не матерился, то разговаривал прибаутками «Русского радио» и цитатами из советских кинокомедий. Петя как прогрессивный молодой человек, воспитанный на современном кинематографе, разумеется, не мог относиться к этому иначе, как с плохо скрываемой иронией. Кроме того, Михалыч держал себя странно. Складывалось впечатление, что он сразу же после доброго любого слова или дела готов немедленно сказать или сделать какую-нибудь гадость. Петю он оглядел если не с пренебрежением, то без особого интереса. Руки не подал, только кивнул и поинтересовался у Степана: «Это и есть наш новенький?».

Зато профессор О'Брайен вызвал у Михалыча полный восторг. И, надо сказать, это было взаимно. Мужчины почти сразу же засели за выпивку и, хотя за стол пригласили всех, через некоторое время они остались вдвоем. Итальянский повар, едва отведав изготовленное хозяином угощение, вежливо, но твердо заявил, что он как человек, отдавший многие годы высокой кулинарии, не может допустить, чтобы синьор профессор, а равно синьор хозяин и прочие многоуважаемые синьоры и синьорины не испробовали его фирменного блюда. Которым гордится не только вся Тоскана, но и завидуют в соседней Эмилия-Романье, а также в Ломбардии. Поэтому он немедленно удаляется на кухню и просит оказать ему посильное содействие. Помощница Михалыча Баба Кася увела его на кухню, прихватив с собой Эвелину Бакстер.

Скоро уехал и Степан – у и так неважно себя чувствовавшего биолога из Петрозаводского университета поднялась температура, и его надо было срочно везти в больницу. Петя остался за столом переводить профессору и японцу разговор с Михалычем, но чем дальше, тем в этом было всё меньше нужды. Все жутко напились. Профессор вообще был

не дурак выпить, а в лице Михалыча нашел достойного оппонента. В итоге уже через пару часов они уже с трудом вязали лыко и разговаривали на какой-то жуткой смеси русского, английского и гэльского, причем каждый вел, по всей видимости, какой-то свой внутренний монолог. Петя и японец тоже были порядком пьяны, хотя и пропускали тосты как могли. Петя в итоге совершенно потерял нить разговора и даже ненадолго заснул, потому что его разбудил зычный бас Михалыча:

- Фенин, говоришь! Пойдем, я тебе покажу твоих сраных фениев.

И Михалыч потащил уже почти ничего не соображавшего профессора О'Брайена во двор. Петя и японец повлеклись за ним. Метрах ста пятидесяти от дома обнаружился не то амбар, не то гараж, в котором ...

Петя подумал, что, наверное, сходные чувства испытывали археологи, раскопавшие терракотовую армию императора Цинь Шихуанди. Весь амбар был заставлен статуями воинов разных народностей и разных эпох. Они были выполнены столь же реалистично, но, в отличие от терракотовых солдат, находились совершенно в разных позах: стояли, лежали, сидели, были такие которые, казалось, вот-вот сорвутся с места, то ли несясь в атаку, то ли в страхе убегая от противника. Мимика была передана потрясающе. Петя даже вспомнил сцену из виденного в детстве какого-то советского фильма: он не помнил ни названия, ни актеров, но в его памяти врезался эпизод, в котором герой попал в музей, где экспонаты были то ли восковыми фигурами, то ли застывшими живыми людьми, то ли и тем и другим одновременно. Так и здесь – казалось, что скульптуры живые, словно играющие в детскую игру «замри-отомри».

Покуда Петя и японец переваривали увиденное, Михалыч едва ли не за шкуру подтащил профессора в одной из скульптур и пробасил:

- Вот твой Майль-Дуйн, сын Айлиля по прозвищу Острие Битвы из племени Эоганактов, из северного, блядь, Мумана. Герой сказаний и открыватель новых земель. И по совместительству редкая сука и безобразник.

Профессор О'Брайен ничего не ответил, несколько секунд посмотрел на статую Майль-Дуйна и, издав неприятный гортанный звук, опрокинулся навзничь. Петя и Михалыч бросились к нему.

- Петруха, давай его на воздух – скомандовал Михалыч – а то перекинется ещё.

Они подхватили профессора и потащили на улицу. Петя при этом поразился тому факту что Михалыч теперь совершенно не выглядел пьяным. И, кроме того, бодро подхватив отнюдь не легкого профессора тащил его практически в одиночку. Ему оставалось разве что придержать за ноги. Уложив О'Брайена на открытой веранде возле дома, Михалыч убедился, что тот дышит и с облегчением вздохнул.

- Уф! Перепил малость. Но вообще-то он крепкий, уж я-то в этом деле толк знаю.

Петя молча кивнул и сел на лавочку рядом с профессором.

- Да и вообще, душевный мужик - продолжил Михалыч, немного помолчав – нехорошо с яхтой вышло

- Так там Д-дедушка – хотя с момента встречи с Бусиным дедушкой прошло уже довольно много времени, Петя не мог вспоминать это без содрогания.

- Знаю. Степан сказал мне. Дед да – суров. Разбираться не будет. Ну, ничего. Сейчас мы его попросим, он нам достанет что утопил.

Петя встревожено привстал и хотел что-то возразить, но Михалыч жестом остановил его.

- Тебе Степан не объяснил, кто я такой? – спросил он. И не дожидаясь ответа, продолжил – а, ну понятно. Короче вот что. Я тебе сейчас кое-что покажу, войдешь в курс дела. Нам с тобой Петруха видимо ещё работать и работать, поэтому пока знакомься с ситуацией. И главное запомни – добавил он со значением - зовут меня Сварог Михалыч, я тут главный и я не люблю, чтобы кто-то был громче меня!

- Так делать то что? – спросил вконец запутавшийся Петя

- Сидеть тихо и слушать внутренний голос! – сказал Михалыч – Посмотри-ка мне в глаза.

Петя посмотрел ему в глаза и вдруг почувствовал себя точно также как в то момент, когда Марушка впервые показала ему возможности телепатии. Правда, в этот раз он не увидел никаких зрительных образов. Просто вдруг пришло понимание того, как устроен мир.

Что бог действительно един, это и есть Род: сама жизнь, все что существует. Природа, люди, животные, растения, вода, камни, которые тоже живые. Что основной закон мира – равновесие, баланс. Между днем и ночью, теплом и холодом, добром и злом. А все, что записано в священных книгах всех мировых религий представляет собой толкование Закона в основе своей верное, но чаще всего искаженное в

логике и деталях и оттого превратно понятое в выводах. Что Закон не действует сам по себе. А хранители закона или берегини – это те силы, которые люди ошибочно называли богами. И что Михалыч – один из них, тот самый Сварог, о котором сказано в былинах. И еще многое другое.

Но почему-то из всего этого Петю больше всего поразило, что слово «чёрт» не имеет никакого отношения к церкви. Потому что «чёрт» — это тот, кто перешел черту дозволенного и стал «не человеком» по своим поступкам. Петя некстати вдруг вспомнил, как его бабушка говорила: не надо на ночь глядя чёрта поминать! И со значением поднимала вверх большой палец.

- Причем тут твоя бабушка! – вмешался в ход Петиных мыслей Михалыч – С тебя пока достаточно, пошли доставать кораблик, нечего расслаживаться!

Петя покорно было пошел за Михалычем в дом, но вдруг остановился и спросил:

- Михалыч, секунду! Если ты и вправду бог Сварог, то всезнающ и всемогущ. Ты и так знаешь где корабль, и тебе ничего не стоит его достать.

- Разумеется – Михалыч как показалось, вовсе не смутился, однако, тон его стал ощутимо жестче – только ты Петюня, имей в виду, что это не я кораблик потопил, а вы!

- Кто мы?

- Бригада ваша ремонтная, мать её, четвертая Китежградская. Незапланированное всплытие, нарушение режима скрытности, за животиной, опять же, не уследили. Дед-то что – ящер, с него спроса нет. А вот вы лица должностные и по идее ответственные. Так что тебе бы не Марушкины сиськи вспоминать, а думать, как ситуацию исправлять. Ибо ответственное лицо – это ты сейчас. В отсутствии Степана, Святополка и всех прочих. Так что, будь добр, не говори глупостей, а то своими силами кораблик доставать будете. Дедушка как раз, поди, ещё не завтракал.

- Извините – пробормотал смущенно Петя

- Ладно, проехали – Михалыч так же быстро успокоился – не бросать же малолетку. Кстати сказать, Дед за раз может сожрать до пяти водолазов.

Петя заметно побледнел

- Да шучу – сказал Михалыч – не ссы, пионер! Алюминиевый кислородный баллон ни один ящер переварить не сможет. Аккуратнее, тут потолок низкий.

Они зашли в узкий темный чулан, в углу которого стоял старый ламповый советский телевизор и не менее древняя стереосистема с огромными колонками. Михалыч не зажигая света, подошел к ним стал колдовать над аппаратурой.

- Садись, где свободно – сказал он Пете – сейчас поищем Деда нашего.

Экран зарябил, а из динамиков послышался противный треск и шорох.

- Михалыч – спросил Петя, садясь в темноте непонятно на какой предмет, но при этом достаточно крепкий и ровный – а почему ты не купишь что-нибудь посовременнее. Как у ребят в ремонтной бригаде хотя бы?

- Да ну его – сказал Михалыч – старый я, привык к нему уже, переучиваться неохота. Сломается совсем, так куплю – с этими словами он стукнул по телевизору, крупная рябь пропала, но осталась какая-то мелкая бледно-зеленая взвесь.

- Дееед! – истошно заорал Михалыч в микрофон – Горыыныыыч!

- Почему нельзя было телепатически? – удивленно подумал Петя

- Потому что он далеко – так же телепатически ответил ему Михалыч – 30 верст почти, сигнал напрямую не добивает. У него там в озере на точках усилители стоят. Будем надеяться, он не спит и не шляется где-нибудь вне доступа.

И продолжил в прежнем ключе:

- Деееееед! Где ты, родииимый! Ящерица долбанная! Покажиись!

Наконец минут через пять в телевизоре появился огромный глаз.

- Рххмммммм. Чего тебе? - спросил Дедушка

- Ты на какой точке сейчас? У Степана?

- Да

- Ты там кораблик вчера утопил. А он нужен. Вытолкай его на берег, пока ко дну не прирос.

- Не хочу.

- Дед, ну ё-моё! Что опять такое?

- Они плохо себя вели. Внучку обидели.

- Я знаю. Дед, ну кораблик очень нам нужен.

- Вот вы и доставайте.

Михалыч прикрыл микрофон рукой и от души выругался. Затем сменил тон на просительный

- Дед, ну пожалуйста! Я же тебя всегда выручал!

- Тебе бы достал. А так - не хочу. Я знаю, что не тебе он нужен, а тем, кого вы спасли. Вот и вынимайте. Или пусть Варга достает, когда вернется – глаз Дедушки исчез с экрана.

Михалыч снова прикрыл микрофон рукой, воздел очи к небу, и Петя отчетливо уловил, как он повторяет все известные ему ругательства на разных языках, включая санскрит.

- А кто такой Варга? – спросил он

- Папа Буси, который в кругосветке – ответил Михалыч, не прекращая при этом мысленно материться. Затем он взял себя в руки, и очень тихо, но отчетливо сказал в микрофон – Треска свежемороженая океаническая, 50 килограммов!

Глаз на экране снова появился.

- А свежей нет? – спросил Дедушка

- Ну откуда. Она все равно стухнет по дороге. А то Степан сейчас как раз в Петрозаводск поехал, завтра привезёт.

- Сто пятьдесят! – сказал Дедушка

- Горыныч, ты рехнулся. У него в багажник не влезет столько. Восемьдесят максимум!

- Сто! – Дедушка передал свою мысль, тоном, не терпящим возражений – И не рассказывай мне сказки, Степан уже привозил.

- Договорились! – с некоторой досадой сказал Михалыч (видно ему очень не хотелось входить в расходы и покупать лишние килограммы рыбы), и, обращаясь к Пете, бросил: Набери сейчас же Степану. Если денег у него нет, пусть скажет, я перекину на карту.

Петя побежал на улицу, потому что в чулане связь не ловила. Когда он вернулся после звонка Степану, то застал Михалыча и Дедушку за упоительным диалогом:

- Дед, не трогай парусник – это точно не он.

- Ркмммммм.

- Ищи неглубоко. Железный кораблик.

- Белый с красной ватерлинией – подсказал Петя

Михалыч только отмахнулся:

- Во-первых, он все равно дальтоник, а во-вторых, там все в иле – ничего не видно. Может течением его снесло? Дед, посмотри ближе к большой гряде.

- Кхмммм – закряхтело в колонках - Он?

Михалыч переключил рычажок управления программами и на экране появился вид озера напротив дома Степана. Над поверхностью воды торчала часть палубы яхты профессора О’Брайена.

Петя молча кивнул.

- Ага, он! – заорал Михалыч – давай его на берег. Только не сильно.

- Ррррррххххххмааааааа – только и сказал Дедушка. А дальше вода под яхтой сначала просела, потом вспенилась и взлетела метра на три и выбросила её аккуратно на пляж перед домом Степана.

- Спасибо, дорогой! – громче прежнего заорал в микрофон Михалыч – Идеально. Люблю, целую, рыбка за мною.

Петя вдруг подумал, что ему следовало бы удивиться происходящему, но почему-то даже тени изумления не возникало. Все вроде бы шло так, как и должно.

- Ну и правильно – услышал он голос Михалыча – нечего тут обмирать по пустякам! Нормальный ход. Пошли на воздух. Заодно посмотрим, не проснулся ли наш прохвессор.

7

Профессор и не думал просыпаться – он самозабвенно храпел и прерывался только затем, чтобы пробормотать что-то во сне: как Петя смог понять, он цитировал какой-то отрывок из Уладского цикла. Тем временем потихоньку вечерело, и с озера начинало тянуть прохладой.

- Надо бы его в дом отнести – сказал Петя

- Да ну – ответил Михалыч – через полчаса похолодает, сам проснется.

Петя уже понял, что с Михалычем спорить не нужно, и просто стал смотреть на горизонт. Где вдруг что-то полыхнуло, и небо ненадолго расцвело едва ли не всеми цветами радуги.

- Никогда не думал, что днем можно увидеть северное сияние – сказал Петя

- А это не сияние – хмуро сказал Михалыч – это меня на совещание вызывают.

- Кто?

- Конь в пальто! – Михалыч был явно раздражен – Индра, мать его. Значит так, Петруха – перешёл он на деловой тон после небольшой паузы – я сейчас смогаюсь по делам, а ты присматривай тут за всем, пока Степан не вернется. Профессора не буди, за прочими интуристами поглядывай. Что будет не понятно – спроси у Бабы Каси. Она – своя. Хоть и дура с птичьим мозгом.

С этими словами Михалыч стал быстро увеличиваться в размерах и одновременно терять четкие очертания.

- Эээ, Михалыч – Петя опять оказался не готов к происходящему – а ты надолго вообще?

- Не сцы – ответил уже почти растаявший в воздухе Михалыч – завтра к вечеру должны управиться. Давай, ничего не бойся, но, чтобы начеку: не просри мне тут всю Цусиму!

Затем к полыхающей на горизонте зарнице метнулся маленький огненный комок и в тот миг, когда он достиг эпицентра сияния, всё очень быстро погасло, и небо опять стало обычного цвета. Наступающая белая ночь не давала солнцу окончательно закатиться, но все же какие-никакие сумерки наступили.

Петя вздохнул, плюхнулся на лавочку на веранде. Он вдруг вспомнил, какой именно роман или повесть у Стругацких ему все происходящее живо напоминало. Там программист, ехавший в отпуск на Соловки, внезапно оказался среди магов и чародеев. Как же он назывался? Блин, вот память дырявая! Книжка вроде бы была ничего, местами даже смешная, но Петю всегда смущало в ней то, что главный герой как-то очень быстро перестал всему удивляться, стал как должное воспринимать и говорящего кота, и зеркало, читающее «Упанишады» и бабу Ягу начальника канцелярии Х.М. Вия. Пете это казалось чрезмерно наигранным, неаккуратным что ли. Как будто авторам было лень или некогда детально прописывать эпизод, и они накидал текст второпях. Но теперь он был готов признать их правоту: осмыслять и удивляться происходящему он уже больше просто не мог.

- Считать Стругацких хорошими писателями могут лишь люди, у которых не было наследственных домашних библиотек – раздался сбоку скрипучий старушечий голос. Это была Баба Кася

- Сигареткой не угостите? – не без легкой игривости в голове продолжила Баба Кася, усаживаясь рядом с Петей. Петя молча кивнул и протянул ей пачку, а затем закурил и сам, хотя за минуту до того совершенно не хотел.

- То, что они считали смелым экспериментом, уже давно было отэкспериментировано – продолжала между тем Баба Кася - и в лавках букинистов вполне можно было отыскать тронутые временем сборники, слабой репликой которых ещё только предстояло стать пресловутым «золотым фондом» советской фантастики. Вы меня слушаете?

- Да – рассеяно сказал Петя – если честно, вторичность Стругацких – это последнее что меня сейчас действительно волнует. А вы разве филолог?

- Можно сказать и так – с достоинством ответила Баба Кася – по крайней мере, без ложной скромности могу заверить, что античную филологию лучше меня в этой стране не знает никто. Да и на всей планете тоже.

Петя удивленно и немного недоверчиво поднял бровь. Баба Кася хмыкнула и продекламовала.

В ризе златистой Заря простиралась над всюю землею.
Древний Приам, и стелящий и плачущий, гнал к Илиону
Коней, а мески везли мертвеца. И никто в Илионе
Их не узнал от мужей и от жен благородных троянских
Прежде Кассандры прекрасной, златой Афродите подобной.
Рано на замок восшед, издали в колеснице узнала
Образ отца своего и глашатая громкого Трои;
Тело узрела на месках, на смертном простертое ложе;
Подняла горестный плач и вопила по целому граду:
«Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора ныне,
Вы, что живого, из битв приходившего, прежде встречали
С радостью: радостью светлой и граду он был и народу!»

При этом Баба Кася читала по-древнегречески, а у Пети в мозгу всплывал русский перевод. Это ли обстоятельство, или особое выражение, с которым Баба Кася декламовала, произвело на Петю ошеломляющее впечатление. Он ясно представлял себе картину: и мертвого Гектора и убитого горем Приама и Кассандру, особенно Кассандру.

- Прежде кассандры прекрасной златой Афродите подобной – про-
бормотал Петя и вдруг пристально посмотрел на Бабу Касю.

Баба Кася молча кивнула.

- Но этого же быть не может – сказал Петя, правда не вполне уверен-
ным тоном

Баба Кася пожала плечами с таким видом, что хочешь верь, мил че-
ловек, хочешь не верь, но вот она я – лучшее доказательство того, что
это как раз все очень даже может быть.

- Но Кассандру же изнасиловали, а после убили?

- Много врут – коротко сказала Баба Кася – вы, Петр, вообще не
принимайте так легко все услышанное на веру. Вот давеча Михалыч
вам лапшу на уши вешал тоннами, а вы как ребенок ему внимали.

- Вы это серьезно?

- Более чем. Дайте ещё сигаретку – Баба Кася с очевидным удоволь-
ствием затянулась и продолжила – начнем с того, что не бог он никакой

- Не Сварог? - всё-таки поразился Петя. - Я же ему в глаза глядел...

- Сварог – попой сел в творог. - Он и не Сварог, и не Михалыч. Он
сварожич. Углядел чегось?

- Углядел, - на автомате повторил Петя, зажмурился и выдал неуве-
ренным тоном: нет богов, кроме Рода, а Род – сама жизнь и всё, что нас
окружает. Берегини есть (в голове замелькали иллюстрации Васнецова
к сказкам) – птицы Сирин и Алконост, Гамаюн, Семаргл крылатый пёс,
лешие, домовые, русалки, баба Яга, и еще многие – у кого людских на-
званий нет. Они берегут, хранят равновесие. Если совершаешь добро
– помогают, если зло – могут и ... ну, скажем, наподдать как следует
– Петя немного смутился, потому что Михалыч, разумеется, формули-
ровал это совершенно другими словами - Петя вытер со лба испарину.

- Петр, - Баба Кася опять перешла на великосветский тон - я весьма
ценю то обстоятельство, что вы, также не одобряете вульгарную в ос-
нове своей стилистику Михалыча, но в данном случае она, как никогда,
была бы уместна.

Петя улыбнулся и продолжил:

- Наподдать, да. Они вроде б как люди, растения, животные, но
живут дольше и полномочия другие. Как у пчёл в улье – разделение
труда. Вот! А сварожич – это кто?

- А сварожич – это другое название огня, - Баба Кася засмеялась.
– Тут опять-таки вопрос филологии. Умник один летописи переписы-

вал, давненько было уже, решил, что сварожич – это отчество, а значиться и Сварог должен быть, Сварожича отец. Вот с того ошибочка в несуществующий пантеон богов и закралась. Не в первый раз, да и не в последний.

- А кто тогда такой Перун, Индра, Один, Зевс, Аполлон в конце концов?

- Сволочь он, Аполлон этот твой! – вдруг зло сказала Баба Кася – всю жизнь мне поломал! Сам головой подумаешь и разберешься.

- Ладно, но Михалыч – огонь? Или человек?

- Михалыч твой пиздабол и пьяница. И вообще люди всего за пару веков такого насочиняли разного.

После этого на некоторое время воцарилось молчание, под аккомпанемент недовольного сопения Бабы Каси. Петя вдруг задумался, - как узнать – стал ли он уже берегиней или ещё остается человеком? И могут ли берегини иметь детей? И куча разных других вопросов.

- Не морочь голову ни себе, ни людям! – наставительно сказала успокоившаяся уже Баба Кася – придет время, сам все поймешь. Кстати, я ведь пришла совершенно не за этим. Мы с Эвелиночкой хотим сгонять на маникюр в Петрозаводск. Она меня убедила сделать шеллак. Просто чтоб вы нас не теряли. Мы быстро.

Петя кивнул.

- А на чем вы поедете? – спросил он – у нас только одна машина осталась, я бы не хотел ...

- Насчет этого не волнуйтесь, Петр – Баба Кася опять перешла на «вы» - мы собственным транспортом вполне обеспечены. Не обременим!

Петя жестом показал, что не имеет никаких возражений, а про себя подумал, что, видимо, не он один сильно изменился за эти дни. По крайней мере, еще неделю назад и представить себе не мог, чтобы Эвелина Бакстер, эта стерва, переполненная самомнением и снобизмом, могла вообще куда-либо поехать с Бабой Касей. Тем более на маникюр, а ещё краше - в Петрозаводск. Но долго размышлять ему на эту тему не пришлось, потому что проснулся профессор.

8

Профессор потянулся, сел на лавку и бессмысленно уставился на озеро. Судя по всему, он ещё не до конца очнулся и частично пребывал в садах то ли Морфея, то ли Бахуса.

- Вы в порядке, профессор? – спросил Петя

- Да-да, все о'кей – не очень уверенно ответил О'Брайен – но я кажется, немного перебрал. Ужасно холодно здесь.

- Вы правы. Давайте я провожу вас в дом.

Петя взял профессора под руку, и они медленно пошли через террасу

- А где все наши? – спросил профессор – И где этот ... Михалыч?

- Он уехал ненадолго. Наш итальянский друг готовит ужин, японец вероятно медитирует, а Эвелина ...

Петя замаялся потому, что как раз при этих его словах над верандой со свистом в воздухе пронеслись Баба Кася и Эвелина, восседавшие не то на метле, не то на палке, снабженной миниатюрной рулевой колонкой.

- Йо-хо-хо – вопила при этом Баба Кася – мы рождены чтоб сказку сделать быльё-ю-ю-ю

- Вау-у-у-у-у-у-у! – кричала Эвелина Бакстер

Сделав пару кругов над озером, они умчались куда-то в сторону. Петя горестно проводил их взглядом, попутно соображая, что он скажет профессору. Но О'Брайен сам нашел наилучшее объяснение происходящему.

- Пётр, мне ведь это снится? – спросил он

- Конечно – облегченно выдохнул Петя – пойдемте в постель.

Кое-как уложив профессора, Петя поспешил во двор, потому что вспомнил: надо проверить, чем заняты остальные гости. Итальянского повара он нашел поглощенного приготовлением своего блюда. Тот увлеченно что-то крошил в кастрюлю и при этом разговаривал то ли с зеленью, то ли со шпинатом и отвлекать его никакого смысла не было.

- Единственный здравый человек в этой безумной компании - подумал Петя – да и тот с укропом разговаривает.

Оставался японец. Подходя к сараю с заколдованными воинами, Петя услышал голоса. Даже можно сказать вопли. Внутри обнаружилось, что японцев почему-то было уже двое. В добавление к оставлен-

ному тут некоторое время назад спутнику профессора О'Брайена, объявился настоящий самурай в полном боевом облачении, который с обнаженной катаной гонялся за первым японцем и громко орал. Видимо это продолжалось уже довольно долгое время, потому что часть фигур воинов была повалена, и вообще в сарае царил серьезный беспорядок. На Петю, кстати сказать, никто совершенно не обращал внимания.

Дело кончилось тем, что самурай споткнулся обо что-то и растянулся на полу. Петя и японец, не стовариваясь, бросились на него и задавили массой. Кое-как отняв катану, и подавив попытки самурая вырваться (для этих целей пришлось использовать веревку и скотч, очень кстати оказавшиеся в сарае посреди разного хозяйственного инвентаря), Петя приступил к расспросам. Хотя разговор клеился плохо – ни он, ни японец не владели в достаточном объеме английским, чтобы обсуждать действительно сложные темы. Но все же с помощью имевшегося словарного запаса, матюгов и телепатии кое-что выяснить удалось.

Японца на самом деле звали Отомо Такеда. Он являлся потомком какого-то древнего самурайского рода, который в эпоху Сэнгоку потерял свое могущество, обеднел и потому последние четыреста лет помышлял астрологией и колдовством (как сказал японец: моя бабка зналась с лисой).

Связанный самурай, на голове которого в данный момент сидел Петя был предком Такеды, его звали Отомо Ёсианага младший, он был сыном знаменитого Отомо Сорин Ёсисигэ, 21-го главы рода Отомо, крупного военачальника, сюю провинций Бунго, Хиго, Тикуго, Будзэн и Тикудзэн. После его смерти в 1576 году ему унаследовал старший сын Отомо Ёсимунэ, храбрый воин, но при этом завистливый и коварный правитель. Он невзлюбил своего младшего брата Отомо Ёсианага, названного в честь и знаменитого деда, и решил отправить его в морское путешествие ...

«И летели наземь самураи под напором стали и огня!» – всплыло в мозгу у Пети что-то из глубокого детства. Он, откровенно говоря, довольно быстро запутался во всех этих японских названиях.

Короче говоря, если опустить несущественные подробности, то этот самый Отомо Ёсианага младший уплыл куда-то на север, где и сгинул. И с тех самых пор все мужчины клана Отомо должны были искать своего пропавшего предка. В том числе и наш японец, который

втерся в доверие к профессору О'Брайену, представившись специалистом по ископаемым ящерам и таким образом оказался здесь.

- А зачем вы его искали? – удивился Петя

- Как я уже упоминал – сказал Такеда – моя семья владеет искусством некоторых древних магических ритуалов. Мы знали, что он жив. Поэтому я ...

- Когда остался в сарае один, произнёс заклинание?

- Да.

Потерянный на долгие века предок в этот момент заёрзал и попытался высвободиться от верёвок. Петя и Такеда, не сговариваясь, саданули ему каждый со своей стороны по ребрам, самурай дергаться перестал, но начал ругаться на своём старом японском – даже скромные телепатические способности Пети позволили понять, что Отомо Ёсинага младший обещал для начала выпустить им кишки, а потом уже подумать о более серьёзной мести за все принесённые унижения.

- А почему он стал орать и носиться как полоумный?

- Я недооценил те изменения, которые произошли за последние несколько столетий – ответил Такеда - Мой славный предок оказался не готов воспринять тот факт, что его потомок носит европейскую одежду и не имеет при себе меча и родовых доспехов. Это позор, который самурай из рода Отомо может смыть только кровью

- А вы случайно не знаете заклинание, чтобы его того... - Петя несколько замялся – ну чтобы обратно в неподвижное состояние.

Такеда отрицательно покачал головой и всем своим видом дал понять, что ему чрезвычайно стыдно. Петя сначала немного растерялся, но потом подумал о том, как бы поступил на его месте Михалыч, и решение пришло само собой.

- Знаешь, Такеда-сан – Петя даже почувствовал, что начал разговаривать с интонациями Михалыча – там на столе оставался самогон. Неси его сюда. А я постерегу тут твоего буйного пращура. Да, кстати, меч приברי. Он же поди святыня, а я слышал у вас чужие люди касаться его не должны.

Такеда кивнул, подхватил катану и побежал за выпивкой. Самурай лежал тихо, Петя попытался понять, о чем он думает, но разобрать толком не смог: кроме ругани и проклятий злым демонам ничего содержательного не улавливалось. Зато Петя услышал совершенно иное. Негромкие, как будто доходящие откуда-то очень издалека. Слышалось:

- Я, Маль-Дуйн, сын Айлиля по прозвищу Острие Битвы
- Я Зигфрид, сын Зигмунда и Зелинды
- Я Вэйнэмейнен сын Калева
- Я Хоу И, сын Цзюня сбивший из лука девять солнц
- Я Рустам, сын Заля и Рудабы

И всё в таком духе. Это, несомненно, вещали окаменевшие воины. Петя очень быстро потерял счет голосам: они сливались в единый гул, который в итоге перерастал в отчаянный сдавленный вопль «ОСВОБОДИ НАС!»

- Освободи меня, сволочь! Развяжи, проклятуший! Убью как собаку! – громче всех орал связанный самурай, но Петя, словно оцепенев, его не слышал.

Из этого состояния его вывел вернувшийся Такеда, с которым был не только недопитый самогон, но и итальянский повар, кативший с собой сервировочный столик на колесах с дымящейся кастрюлей.

Петя даже не успел открыть рот, как итальянец затараторил, путая итальянские, английские и русские слова. Что наконец-то он счастлив предложить уважаемым сеньорам свое блюдо, которое было непросто приготовить в данных условиях, но он все же справился. Нет-нет, это решительно не может подождать, потому что вся душа этого прекрасного супа содержится в первой ложке. В прежние времена это было привилегией герцогов Пармы и Тосканы снимать пробу с супа, а сегодня традиции настоящей кулинарии практически утрачены, ну да, слава богу, остались еще знающие люди. Поэтому он не может принять никаких возражений со стороны уважаемых синьоров и требует, чтобы проба была снята немедленно. Берите ложки и не стесняйтесь – несмотря на идущий пар, обжечься данным кушаньем совершенно невозможно.

Суп оказался действительно бесподобным - первые несколько секунд Петя был наверху блаженства. Однако ещё через мгновение он вдруг понял, что руки и ноги совершенно перестали его слушаться, дыхание сбиваться, окружающие звуки сделались чрезвычайно громкими, но при этом он перестал понимать смысл того, что говорили окружающие. Перед тем как окончательно потерять сознание Петя успел увидеть, что Такеда также выронил ложку и стал заваливаться набок. А ещё абсолютно черные глаза итальянского повара, в которых не осталось и тени прежней любезности и учтивости, внимательно смотревшие на него с холодным любопытством.

Глава третья: Искусство маникюра.

9

Многие считали Эвелину Бакстер конечной стервой и расчетливой сучкой, но, по совести, говоря, это было не совсем верно. Просто жизнь складывалась таким образом, что требовалось преимущественно выживать и держать оборону.

Сначала это была солнечная Средняя Азия, откуда в результате известных погромов начала девяностых годов её семья бежала, бросив почти все имущество и проехав в поезде три дня стоя. Эвелине тогда было 12 лет.

Потом это была Москва, где их никто не ждал и где затевалась своя смута. Там они почти год жили, где придется, там погиб её старший брат.

Потом Прибалтика, где они попытались устроиться у дальних родственников, но и там вскорости началась своя компания по «выселению оккупантов» под которую попала и их вполне интернациональная, типично советская семья.

В конечном итоге они осели в Белоруссии.

А Эвелина в 16 лет вышла замуж за англичанина Джона Бакстера, подделав свидетельство о рождении. В сущности, она тогда была еще ребенком, по мистеру Бакстеру ровно этого было и надо: что ещё ожидать от человека, единственной до конца прочитанной книгой которого была «Лолита». Да и иных вариантов на тот момент все равно не просматривалось, и Лена Сиротинская стала Эвелиной Бакстер. Дальше все было внешне неплохо: мистер Бакстер был человеком вполне состоятельным и по-своему даже порядочным: он выделял достаточно денег не только на хозяйство, но и на личностный рост супруги. Это позволило ей выучиться и устроиться на престижную должность в Сити. И вообще стать что называется «upper middle class».

Эвелина следила за собой и прекрасно выглядела, но все же наступил тот день, когда она стала слишком стара и мистеру Бакстеру потребовалась новая Лолита. Два с лишним года шел бракоразводный

процесс со скандалами и взаимным полосканием грязного белья. В результате чего ей удалось отсудить кое-какие деньги, но при этом, общество, что называется, её отвергло: связи мистера Бакстера в Сити пересилили в прочие аргументы, включая феминизм и борьбу за нравственность. Пришлось уйти с работы и поменять круг общения. Однако, Эвелина довольно быстро нашла неплохой вариант: профессор О'Брайен хотя и был ирландцем (а настоящий англичанин, как твердо уяснила Эвелина, никогда не признает ирландца равным себе, что бы он при этом вслух не говорил), но имел вес в научном мире и, кроме того, нуждался в толковой профессиональной помощнице. Да и знание русского языка ввиду намечавшейся поездки было очень кстати.

Волновалась ли Эвелина перед поездкой? Ничуть! Её родина двадцать с лишним лет назад перестала существовать. И отец, который тогда еще был жив, сказал мудрую вещь: теперь это все в прошлом, надо жить дальше. Она и жила. Оставшиеся родственники давно перебрались Белоруссии в Грецию, друзей у неё здесь не осталось, да и в Англии нельзя сказать, чтобы их было сильно много. Кроме того, она никогда в прежние годы не была на Русском Севере.

Одним словом, это была обычная деловая поездка британской гражданки русского происхождения. До тех самых пор пока Баба Кася не напояла её чем-то из зеленой бутылки и у них не возникла идея сгонять в Петрозаводск, сделать маникюр. Тот факт, что ни Эвелине, ни тем более Бабе Касе, маникюр был совершенно не нужен, её почему-то не смутил. Равно как и то, что они не поехали, а полетели, на чем-то отдаленно похожем на метлу. На самом деле это была скорее большая палка (швабра в отставке, как сострила Баба Кася) к которой было приделано сидение от старого велосипеда, стремяна и рулевое управление. При этом, нельзя сказать, что Эвелина чем-то действительно управляла – отставная швабра летела сама, регулируя высоту и траекторию полета. Поначалу это было прекрасно – внизу проплывали леса и озера, причудливо освещаемые низким северным солнцем. Но довольно скоро Эвелине стало холодно. А потом – очень холодно.

Баба Кася, кстати говоря, заметила это не сразу, потому что все это время что-то увлеченно вещала на филологическую тематику

- ... а отсутствие дифтонгов, оно же полностью меняет ткань языка, Эвелиночка. Вы, надеюсь, понимаете, как это важно?!

- Мммннее очччень хххолодно – стуча зубами еле выговорила Эвелина, чувствуя, что скоро просто потеряет сознание

Баба Кася прервала свой монолог и сказала:

- О боже! Вы совсем замерзли! Тогда срочно летим к Яковлевне!

Она издала не то свист, не то гортанный крик и обе швабры резко дали вниз и влево, заложив резкий поворот. Эвелина успела подумать, что она сейчас точно вывалится из седла, но все же как-то удержалась. Через несколько минут они снизились настолько, что стала видна излучина небольшой реки, на берегу которой стояла неприметная избушка, почти вросшая в землю. Сделав ещё пару виражей, их летательные аппараты пошли на посадку. Первой приземлилась Баба Кася, но видимо что-то не рассчитала, и её швабра врезалась в стену сарая. Эвелина приземлилась мягче, аккуратно посередине двора. Ног она уже давно не чувствовала, но, вопреки ожиданиям, не упала, а осталась стоять как вкопанная. Дверь избы лениво отворилась и на пороге появилась сухонькая морщинистая старушка, с косынкой повязанной узлом вперед и папиросой в зубах, сложенной классической «козьей ножкой». Эвелина вспомнила, что её родная бабушка делала точно также: папироса как будто бы была приклеена к губе.

Старуха, совершенно не обращая внимания, на Эвелину повернулась в сторону Бабы Каси и недовольно заявила:

- Хочу, в который уже раз, обратить ваше внимание, дорогуша, что международная организация гражданской авиации рекомендует угол наклона глиссады при посадке в три градуса, что зафиксировано в приложении номер десять к Чикагской конвенции одна тысяча девятьсот сорок четвертого года, том первый, пункт три-один-пять-один-два-один. Если бы некоторые старые калоши не были бы такими упрямыми и придерживались бы рекомендаций уважаемых международных организацией, им бы не пришлось тормозить в курятник и травмировать и так некрепкие головы. Степан мне вообще в прошлый раз сказал, что больше ремонтировать ничего не будет.

- Привет, Яковлевна – весело сказала Баба Кася, вставая и отряхиваясь – не гунди, старая. У нас гости. Из самого города Лондона. Вот познакомься, Эвелиночка.

- Быть не может – всплеснула руками Яковлевна, повернувшись к Эвелине – как я рада! Как вы говорите – Леночка? Прекрасно! Проходите в дом.

Эвелина на негнущихся ногах кое-как проковыляла в избушку. Вопреки ожиданиям внутри все оказалось достаточно чисто и уютно, хотя и тут, точно также как в жилище Михалыча, мебель, посуда, и имевшаяся бытовая техника представляли собой причудливую смесь современных образцов и какой-то совершенно замшелой старины. Особенно поразил Эвелину огромный двух кассетный магнитофон. Она вспомнила, что точно такой же был когда-то у её брата.

- Шарп три семерки – сказала подошедшая Баба Кася – в свое время была шикарная вещь. Яковлевна! Откуда он у тебя, кстати?

- А то ты не знаешь! – ворчливо ответила Яковлевна, закрывая дверь в избу – вообще, причем тут магнитофон. Сперва гостью следует накормить, напоить, а потом уже и все остальное. Да, я же не представилась – Моша Яковлевна, можно просто баба Моша. Пожалуйста, Леночка, к столу. Уж собрала что было, не взыщите.

- Я не Лена - начала было Эвелина, но Баба Кася и Яковлевна выразительно посмотрели на неё, как бы говоря: «ну хватит уже». Эвелина спорить не стала. Тем более, очень хотелось есть.

10

Ужин удался на славу. Небогатый стол и нехитрые напитки с лихвой компенсировался занимательной беседой: старушки пустились в воспоминания о прежних временах, и атмосфера была самой непринужденной.

Разговор, так или иначе, вертелся вокруг маникюра, парикмахерской и прочих женских тем. Баба Кася припомнила, как однажды они собрались по какому-то делу в Петрозаводск, там встретили лингвистов, приехавших на конференцию по «Калевале» и слегка приняв на грудь в «Карельской горнице» начали морочить им голову. Баба Кася на ходу сочинила и спела по-карельски якобы неизвестные ранее руны из Калевалы, а Яковлевна сообщила потрясенным фольклористам об историчности кузнеца Ильмаринена и даже обещала за умеренную плату показать его кузницу.

Когда вся компания переместилась через дорогу догоняться в гостиницу «Северная», Баба Кася заявила, что знает древнее карельское гадание и, уже здорово поддав, напророчила всем лингвистам страшные муки на том и этом свете, а также неосторожно вскрыла некоторые тайные подробности их личной жизни. В результате случилась эпическая драка, разбили зеркало и всех забрали в милицию. Наутро, когда их отпустили, Яковлевна вспомнила, что они так и не сделали маникюр, хотя собирались. И прямо из отделения милиции пошли в салон: помятые и не выспавшиеся и с поцарапанной мордой.

- Леночка, давайте еще чуть-чуть компотику?! – сказала Яковлевна и, не дожидаясь ответа, подлила.

С последней порции «компотика» Эвелина почувствовала себя необыкновенно легко. Это не было как таковым опьянением, скорее окончательно отпустило то внутреннее напряжение, которое было в ней с самого детства, еще со среднеазиатских времен. Растворилось без следа. Зато появился не свойственный ей прежде позыв к импульсивному действию.

- Баба Кася – вкрадчиво сказала Эвелина – а можно мне еще полетать немножко?

- На швабре? – спросила Баба Кася

- Да.

- Смысла нет. Подумай сама – сейчас уже сумерки, почти ничего не видно. Даром что по календарю полярный день. Еще долбанешься с непривычки. Да и холодно.

- Жааааль – разочаровано протянула Эвелина

- Впрочем, есть способ - немного подумав, сказала Баба Кася – правда это надо Яковлевну просить.

- Что за способ?

- Не положено вообще-то – буркнула Яковлевна

- Да ладно – сказала Баба Кася, подмигнув при этом Эвелине – кто узнает-то? Тут все свои, плюс девки мы сообразительные, болтать лишнего не станем

- Ну, хорошо – сказала Яковлевна – Иди сюда, Ленка и слушай внимательно.

С этими словами она встала, подошла к старому комоду и достала из ящика два браслета: один золотой другой серебряный. Застегнув их на запястьях, подошедшей Эвелины Моша Яковлевна сказала:

- Запоминай. Сейчас мы тебя обернём ненадолго совой, полетаешь, раз уж охота появилась. Золотой браслет – это оберег. Чтобы тебя тут ничто не трогало. Все будут знать, что ты моя гостья и лезть никто не станет. Следи, чтобы не слетел ненароком.

- А кто меня тут может тронуть? – удивилась Эвелина

- Вообще-то дохрена кто. Если будешь без браслета. Костей потом не соберешь.

- Кастанеду нашего, Карлоса, читала когда-нибудь? – спросила Баба Кася

Эвелина молча кивнула.

- Ну и молодец – продолжила Яковлевна – Серебряный браслет – это автопилот. И, кроме того, если что помехи наводит при стрельбе.

- Стрельбе?

- Сейчас самый сезон – весь лес в пьяных финнах. Не пройти, не проехать. Да и наши долбаки тоже пострелять выехали. Если увидишь, что в тебя целятся, выставляй лапу с серебряным браслетом в их сторону.

- Лапу? – переспросила Эвелина

- Лапу-лапу – сказала Яковлевна и достала из того же ящика комода простенький жестяной портсигар. Вынув оттуда набитую вручную сигарету, она протянула Эвелине – затянись вот, да поглубже. Если не боишься.

- Те, кто вырос в девяностые, ничего не боятся – сказала Эвелина.

Она спокойно взяла сигарету и затянулась. Разумеется, там был не табак. И даже не марихуана, и не гашиш. Хотя последняя мысль, которая пришла в голову Эвелине, была примерно такой: «Впервые в жизни вижу косяк с фильтром». Дальше уже сознание помутилось, перед глазами пошли разноцветные круги и откуда-то повалил то ли дым, то ли пар. Когда к Эвелине вернулась способность соображать, она увидела себя в зеркале комода в виде небольшой совы серого окраса, переходящего местами в серебристый с каким-то странным розовым хохлом на макушке. Браслеты оказались на когтистых лапах и теперь представляли собой небольшие кольца. Ноги, как поняла Эвелина, превратились в крылья. Моша Яковлевна проверила, как закреплены кольца, что-то подкрутила и сказала:

- Все, Ленка, можешь теперь лететь. Я тебе поставила автопилот на час, на первый раз самое оно. Короче не забывай махать крылами и не зевай по сторонам.

Баба Кася открыла окно. Эвелина, ещё не вполне соображая, тем не менее, неуверенно оттолкнулась от комода и, пару раз взмахнув крылами, перескочила на подоконник.

- Ну, вот как-то так и надо – удовлетворенно сказала Яковлевна – погоди, сейчас музыку поставлю. Нам песня строить и жить помогает, как говорится. Яковлевна повернулась к магнитофону и через секунду из динамиков пресловутого «щарпа три семерки» раздалось: «Летят перелетные птицы в осенней дали голубой ...». Эвелина, сама не ожидая, громко заухала и вылетела в темноту, немного неуклюже хлопая крылами, но потом выровнялась.

- Тангаж – заметила Яковлевна – крутит бедолагу. Ну, ничего, у всех так с непривычки. Как она тебе вообще?

Баба Кася пожала плечами:

- Не пойму пока. Вроде бы девочка перспективная. Кстати, почему у нее прядь на голове розовая?

- Хрен его знает. Может трава попортилась, а может сама от рождения контуженная. Бывает. – Яковлевна подцепила вилкой маринованный гриб и отправила его в рот - Я вот что думаю: наверное, не стоило её сразу в сову. Поторопились мал-мала!

- Посмотрим – Баба Кася вернулась от окна к столу и налила себе рюмку – может и зря я спровоцировала.

- Может! – со значением сказала Яковлевна

В этот момент магнитофон закончил играть песню про перелетных птиц, и оттуда понеслись чарующие звуки «Марша советских танкистов»

- Выключи это! – раздраженно сказала Баба Кася

- Отчего же? – с вызовом спросила Яковлевна – Песня не нравится?

- Да.

- А может дело не в песне. Может быть, ты просто Родину не любишь?!

- Какую Родину?

- Нашу Советскую! Социалистическую!

- Ты не путай Родину с упырем усатым своим!

- Ах ты старая пизда ...

Самое смешное, что Эвелина прекрасно слышала весь этот разговор. Автопилот провел её несколько кругов над домом, наверное, чтобы привикнуть к новому состоянию. А чуткие совиные уши позволяли уловить даже самый негромкий звук и шорох.

Но даже если бы Эвелина и ничего не слышала, она бы все равно знала это, как и многое другое. Что Баба Кася и Яковлевна сначала будут громко ругаться и дело чуть-чуть не дойдет до драки. Но потом все успокоится. Баба Кася вспомнит, как Баба Моша спасла её доходившую в КемьЛАГе, несмотря на весь свой сталинизм и неприятие идей «перманентной революции». Она дала взятку, бабу Касю списали как мертвую и её удалось увезти вот в эту самую избушку.

А Яковлевна вспомнит, в свою очередь, как уже в 1949 году, когда уже её арестовали по «русскому делу» Баба Кася носила в тюрьму передачи и неизвестно какими путями добилась невозможного: переквалификации обвинения с «расстрельной» 58-ой статьи на более мягкую, 191-ю. И через шесть лет после досрочного освобождения была единственной, кто встречал её на вокзале.

Вообще, Эвелине многое открылось теперь. Она увидела, что всё вокруг: деревья, животные даже камни на самом деле живые. Что им также, как и всем людям бывает грустно и весело, хорошо и плохо. Но ещё и то, что они совсем не понимают друг друга. И что с одинаковой легкостью творят добро и зло. Даже зло получается легче, потому что проще и понятнее. И что мир этот совершенно не мудр, хотя и по большому счету справедлив. А держится всё в нем едва ли не «на соплях и изоленте» – от того, чтобы всё живое истребило и пожрало друг друга, его с изрядным трудом удерживает какая-то пусть и мощная, но далеко не всемогущая сила. Эвелина не могла толком понять, что это за сила, но она её как будто видела – это были тонкие серо-серебристые нити, вплетенные во все вокруг. Совпадающие с расцветкой её оперения. Она не увидела, а скорее почувствовала, что нити эти были до предела напряжены: казалось, что они из последних сил удерживают мир от распада и хаоса.

И от этого делалось невыносимо страшно. Можно было бы написать «ужас сковал», но это было неправда – Эвелина ритмично махала крыльями и в соответствии с полетным заданием секунда в секунду приземлилась на подоконник. Как только она оказалась в оконном проёме, произошло обратное превращение – снова дым, секундное помутнение сознания и вот уже Эвелина Бакстер собственной персоной в исконном своем обличье сидит на подоконнике, поджав по-турецки ноги в перепачканных и порванных английских дизайнерских брюках.

- Эвелиночка, дорогая ... – начала было Баба Кася

- Водка есть? – перебила её Эвелина.

Спрыгнув с подоконника, она прошла к столу, взяла рюмку, наполненную Яковлевной, и опрокинула одним махом.

- Всё хорошо? – спросила Яковлевна

- Лучше не бывает – ответила Эвелина, у которой совершенно пропал акцент – давайте музыку поставим, только, если можно, такую, чтобы вы из-за неё не ссорились.

- Попробуем – Яковлевна начала копать в кассетах – вот нашла. Розенбаум!

- Обожаю! – восторженно сказала Баба Кася – Такой мужчина, с усами! Эвели... Леночка, вы любите усарых мужчин?

- Не имею никаких возражений против усов – ответила Эвелина, успевшая уже хлопнуть две рюмки – а, в случае чего, ведь можно и побрить.

В это время из динамиков понеслось «Как часто вижу я сон, мой удивительный сон, в котором осень нам танцует вальс-бостон». Эвелина вспомнила, как в свое время бесила её эта песня. Потому что звучала отовсюду: из телевизора, радио разумеется, пели и во дворе под гитару. Но теперь это было даже забавно. Она вспомнила типичную картину из детства – жаркий теплый вечер, дома душно, поэтому практически любой двор в городе полон народа. Она совсем маленькая скачет с девчонками в резинку, в другом углу двора играют в нарды или домино, сплетничают, а может что-нибудь празднуют. И звучит этот навязший на зубах «вальс-бостон». Эвелина вдруг поняла, что она даже не знает, как звучит настоящий вальс-бостон и ей вдруг от этого стало невероятно смешно: ведь и многие другие, особенно её ровесники и тем более те, кто помоложе, также не имеют об этом ни малейшего понятия. Но как же давно это было! И как же далеко она от этого сейчас!

Мелодия между тем стихла, кассета скрипнула, немного пошуршала и тот же самый голос Розенбаума захрипел: «В Афганистане, в «черном тюльпане» с водкой в стакане мы тихо плывем над землей».

Эвелину передернуло. Эту песню она тоже помнила. В том же самом дворе, её сосед Лёха, вернувшийся из Афгана целым и невредимым, но с совершенно порушенной психикой, всегда заводил ее, когда напивался. А напивался он часто и страшно. В такие дни со своими друзьями он до поздней ночи сидел на лавочке и вспоминал погибших однополчан – под

конец они упивались настолько, что могли только произносить их имена, и они гулко звучали в пустом дворе, не давая ей заснуть. Это были русские, украинцы, узбеки, таджики, армяне, словом, представители едва ли не всех национальностей, которые только были в СССР. И Эвелина точно знала, что пока не закончится эта печальная переключка, сон к ней не придет. Ей очень хотелось, чтобы Лёха перестал пить и в один прекрасный день заткнулся насовсем.

И такой день настал, правда, он вовсе не был прекрасным. Когда начались погромы Лёха вместе с дворником дядей Давроном и еще каким-то скрюченным мужиком с соседнего двора, про которого говорили, что его зовут Юрец, и что он вор в законе, вышли навстречу собравшейся толпе. И в тот раз сумели их остановить. Как обычно в их городе нашлись общие знакомые, сватья, кумовья – крупных неприятностей удалось избежать. Но, вернувшись, Лёха зашел к ним домой и сказал: «если есть куда, быстрее уезжайте». И видимо не только к ним одним. Потому что очень скоро побежали все. И друзья, и соседи, и знакомые, и незнакомые. И старые, и молодые, и русские, и нерусские. И одноглазый цыган дядя Миша по прозвищу Археолог, и поволжский немец Эдик Штайнц, и толстые сестры близняшки неизвестной национальности, которых все звали Зита и Гита.

А Лёха остался. И, разумеется, дядя Даврон остался. И вор в законе остался. И остались старые бабки, которым некуда и не к кому было ехать. И остался дедушка Хуан (Хуан-ака), сын испанских коммунистов которого в тридцатые годы вывезли ребенком с родины. Он был упрям как осел и не считал, что происходит что-то действительно опасное. Испанская терция никогда не отступает – так он говорил.

Эвелина, на самом деле, давным-давно забыла обо всем этом, но теперь, после ночного полета, эти картины ярко всплыли у ней в мозгу. А еще и другие. Эвелина увидела то, что было после их отъезда: как погибли Лёха и дядя Даврон, когда в город приехала новая порция погромщиков: уже настоящие дикари с гор, ведомые какими-то форменными басмачами с огнестрелом. Как горел её дом и вообще весь квартал, как умирали беспомощные оставшиеся старики в этом огне. И как окончательно сошедший с ума дед Хуан стоял посреди пепелища, опершись на палку и подняв глаза к небу, что-то кричал по-каталански: не то пел, не то молился, не то проклинал Святую Деву Марию Гваделупскую. И ещё многое из того, что отец настоятельно рекомендовал ей забыть.

Она и забыла. Но теперь всё это вернулось.

И Эвелина отчетливо поняла, что пьяница Лёха, толстый, вечно потный дядя Даврон, да кособокий вор в законе – на самом деле и были их ангелами-хранителями. И что больше их никто всерьез не прикрывал, сколько бы её мать, ставшая под старость религиозной, не ставила свечей по храмам, сколько бы семейство Бакстер не оформляло страховок, сколько бы сама Эвелина в дальнейшем не избегала любых жизненных ситуаций даже с малейшим возможным риском.

- Эвелина Бакстер – негромко, но торжественно сказала Баба Кася – ты совершенно права насчет ангелов-хранителей. Мы, правда, используем другой термин - «берегиня». Но это не важно. Важно то, что мы хотим тебя видеть в своих рядах.

- Я не Эвелина – хрипло ответила Эвелина - Я – Лена! Лена Сиротинская! И я не буду никакой берегиней. Извините.

С этими словами она встала, взяла куртку и направилась к выходу.

- Скатертью дорога – сказала Яковлевна – к автобусу по тропинке направо. Только он еще не ходит.

- Ничего я подожду – на ходу буркнула Эвелина и закрыла за собой дверь.

Воцарилась пауза. Только Розенбаум продолжал надрываться в магнитофоне. Теперь он пел «На улице Марата я счастлив был когда-то, прошло с тех пор ужасно много лет».

Наконец, Яковлевна встала и выключила запись.

- Ушла по-английски – саркастически заметила она – жалко, девочка перспективная.

- Никогда не знаешь, как обернется – ответила Баба Кася.

- Форсировать не надо было. Перегруз случился. Или мужика сначала найти. Приворотное зелье, то да сё. Ты, кстати, заметила, как у неё с настойки акцент пропал?

- Да это не в настойке дело – сказала Баба Кася – после второй-третьей чарки у всех акцент пропадает. Вон Михалыч поит гостей вообще не пойми чем, и тем не менее.

- Уж не хочешь ли ты сравнить ты мою продукцию с его бормотухой?! – обиделась Яковлевна

- Яковлевна, любовь моя, не кипишуй – примирительно сказала Баба Кася - Кстати сказать, полетели к Михалычу. У него там развязка намечается. Чую, помощь потребуется. Да и разведемся малость.

11

Степан возвращался домой усталый и немного раздраженный. Он благополучно достал трески для Деда, но она неумолимо размораживалась, и в салоне уже ощутимо воняло рыбой. Дорога была знакомой и абсолютно пустынной. В такой ситуации главная опасность – заснуть за рулём. Степан чувствовал, как к нему подбирается дрема и потому решил остановиться у небольшого озерца умыться и прийти в себя. Однако, за очередным поворотом весь сон как рукой сняло. Посреди проезжей части живописно валялись две летающие швабры и личные вещи Бабы Каси и Яковлевны.

Баба Кася сидела на обочине, потирая ушибленную задницу.

- Какие люди! – не удержался Степан – что у вас тут случилось?

- Да некоторые вообразили из себя Николаем Гастелло – обиженно сказала Баба Кася – совсем старая умом тронулась

- Сама ты дура – раздался голос Яковлевны из-за кустов

- Вы опять ссорились? – спросил Степан

- Да.

- И что?

- Крайний раз это было в воздухе, и Яковлевна пошла на таран.

- Ты меня разозлила, старая карга – сказала Яковлевна, выбираясь на дорогу и отряхиваясь – признаю, я поступила неспортивно, пнув тебя ногой сзади. Надо было осуществить фронтальную атаку. Чтобы лоб в лоб. А то позорище какое-то вышло: её аппарат мотануло, дало по мне, и мы в итоге рухнули в кусты. Хорошо хоть не сломали ничего.

- Давайте грузиться – предложил Степан – по земле всяко будет надежнее.

С четверть часа ушло на поиск и сбор запчастей, разлетевшихся в результате воздушного боя и, наконец, вся честная компания погрузилась в машину к Степану и тронулась в путь.

- Жутко воняет рыбой – сказала Баба Кася

- Ничего не поделаешь. Это Михалыч сказал привести Деду. Он достал катер.

- Ты сам с Михалычем разговаривал? – спросила Яковлевна

- Нет, мне Петя звонил.

- Он тебя не разыграл часом?

- Не думаю – сказала Баба Кася – парень толковый и перспективный.

- Кстати, как ваша иностранка? – спросил Степан
- Да никак, ошиблись мы – ответила Яковлевна – сбежала. Сейчас, поди, автобус ждет. Хотя девка была тоже вроде бы ничего.
- Психотравмы – пояснила Баба Кася – тяжелое детство, плюс все, что связано с Афганистаном и Средней Азией, приводит к истерике.
- Стёп, а ты же в Афгане воевал? – спросила Яковлевна
- Было дело – Степан как-то странно улыбнулся – Герат, потом Мазари-Шариф.
- Ну вот, у неё тоже кто-то из родни или знакомых там был.
- За речкой?
- Где? – переспросила Баба Кася
- Ну, это так называли. Не говорили же никому долгое время, что мы там воюем. Нельзя было. Вот и придумали – у кого речка Пяндж у кого Амударья. Но все равно за речкой.
- У нее тоже какой-то знакомый воевал. И вот Яковлевна включила Розенбаума своего.
- Что значит своего?! Ты больше всех вопила: люблю усатых, включи да включи.
- Не важно – сказала Баба Кася – в общей сложности, как Розенбаум этот запел про «Черный тюльпан» тут мы девку и потеряли.
- Бывает – ответил Степан – честно говоря, я Розенбаума не очень. Но именно эта песня хорошая.
- А вы что пели?
- Да уж не Розенбаума. Нет, может, конечно, кто-то и пел, но у нас переделывали тексты советских песен, в основном веселых. Потому что обстановка и так сложная, а если ещё депрессуху нагонять, то вообще рехнешься. Могу, кстати, парочку вспомнить.
- Давай!
- Вы только подпевайте, она известная, припев так точно все знают. И Степан запел:

*Если вам однажды перед рейдом в горы
Не досталась каска и бронжилет
Вспомните, что где-то ходит вовсе голый
С вами, в общем, не знакомый снежный человек*

Баба Кася и Яковлевна дружно засмеялись и подхватили припев:

*И улыбка без сомнения
Вдруг коснется ваших глаз
И хорошее настроение
Не покинет больше вас!*

Глава четвертая: Решительная битва.

12.

Петя открыл глаза и увидел над собой лицо Михалыча, из-за которого выглядели оба японца и профессор О'Брайен.

- О, очнулся, наконец – сказал Михалыч – а то мы думали всё, пора закапывать. Или как Спящая Красавица будешь тут лежать, пока кто-нибудь не поцелует. Бу-га-га!

- Где я? – спросил Петя

- Там же где и был. Ты что-нибудь помнишь?

- Я помню, что итальянец нам чего-то дал попробовать. Было очень вкусно. И больше ничего.

- Да уж – Михалыч затейливо выругался – я тоже хорош – не доглядел!

- Так что случилось?

- Ты давай, во-первых, вставай. Чего уж теперь лежать то. Во-вторых, ситуация у нас и так непростая надо готовиться – и с этими словами Михалыч развернулся и ушел прочь из сарая.

- Да что происходит – взмолился Петя – профессор, вы можете мне объяснить?

Далее профессор О'Брайен и славные представители клана Такеда через пень-колоду объяснили Пете что итальянец на деле был вовсе никакой не повар, а самый настоящий злодей, которого звали не то Ка-

си-баба (так назвал его Такеда), не то Касчеллан (так услышал О'Брайен). Он обманом втерся в доверие к профессору, представившись поваром и подделав рекомендации уважаемого ресторатора. По прибытии на место он, дождавшись пока все разъедутся, коварно усыпил Петю и японцев, расколдовал всех имевшихся в сарае воинов и скрылся в неизвестном направлении. И неизвестно теперь каких они теперь натворит дел своей бандой. Петя как ошпаренный вылетел во двор, где застал Михалыча, который грузил в багажник его машины какие-то баллоны по виду напоминавшие кислородные.

- Что!? Что!? – Петя был настолько возбужден, что не мог даже ничего членораздельно спросить

- То – сказал недовольно Михалыч – у нас проблемы.

- Кто это вообще такой – Касчеллан?

- Кощей это, Петруха. Кощей. Прохвессор наш есть немножко не выговаривать шипящий и свистящий буква.

- Как это Кошей?

- А так вот! Знаешь, что такое черт?

- Человек, преступивший черту.

- Именно. Только он не обычный черт, а самый крутой из чертей. Он обманул саму природу, спрятав свою смерть.

- Я думал это все сказки.

- Не совсем. Мы его в последнее время потеряли из виду, а вот теперь объявился.

- И что теперь?

- Теперь он вернее всего направился на кордон к Степану и попытается нагадить там. В идеале - проникнуть в Китеж-град. Хотя это будет сложновато, даже с учетом башибузуков, имеющих в его распоряжении. Но украсть кое-кого он вполне может.

Петю тут же обожгла мысль: «Марушка!»

- Точно – сказал Михалыч – поэтому, нам сейчас надо поторапливаться.

У Пети, откровенно говоря, потемнело в глазах. Так всегда, бывало, при сильном стрессе, он какое-то время просто ничего не видел. Но мозг начинал работать на удивление ясно.

- А на чем же они уехали?

- Да у меня грузовик был за домом. Он вообще-то барахлил, но они, видимо, сумели завести

- Надо же скорее!

- Так и я о чем! Гони сюда профессора и японцев, а я пока загружу всё, что может понадобиться.

- А как же им объяснить?

- Я уже все сделал, не переживай – сказал Михалыч – они помогут. Тут такое дело намечается, что каждый штык будет на счету. Давай беги!

Петя на негнущихся ногах поспешил обратно к сараю. Но Михалыч, видимо, не соврал, потому что профессор и оба японца уже были готовы и через несколько минут они действительно отъехали. Первый шок прошел, но на смену пришла трясучка – Петя с трудом вёл машину, и в мозгу все время вертелась только одна мысль: не опоздать бы!

Нервничали и остальные. Профессор корил себя за невнимательность и зачем-то стал возбужденно рассказывать, что в Италии «паваро» называли особых существ с собачьей головой, огненными глазами и огромной пастью, их которой торчат железные клыки. И еще говорили, что руки этого существа способны вытягиваться на несколько метров, которыми он ловил воришек гороха с полей, а железными клыками откусывал им ногти. Как он мог не принять во внимание, что итальянец при первом знакомстве с ним сказал именно «паваро», а не что-то другое.

Михалыч, конечно же, для порядка недовольно буркнул: «Причем тут, блядь, горох», но, в общем, настроение у всех было подавленное. Главное действительно было успеть.

13

Но всё же не успели. Ни они, ни Степан, который прибыл на кордон примерно за четверть часа до них в сопровождении Бабы Каси и Яковлевны.

Когда Петя, едва не перевернувшись на крутом повороте, влетел на полянку перед домом Степана, стало ясно, что Кощей уже был здесь и похитил Марушку. Та, как назло, присматривала за хозяйством и была на точке совсем одна. Сейчас же Тит, Смарагд, Святополк, Степан, Баба Кася и Моша Яковлевна сгрудились во дворе возле сорванных с петель дверей и как, наверное, сказали бы в Одессе, «делали не-

возможный шум». Во дворе тоже всё было раскидано, грязно и жутко натоптано: на жирной, мокрой земле опечатались самые невообразимые следы. Очевидно, что тут топталось не менее сорока-пятидесяти человек.

- Шестьдесят семь их, Петруха, шестьдесят семь – сказал подошедший Михалыч - Хотя нет, японец же с нами, значит шестьдесят шесть. И нам надо их остановить!

Петя посмотрел на Михалыча и еле слышно спросил:

- Марушка у них?

- И это тоже – судя по тону, Михалыча данный вопрос волновал менее всего – но самое главное, что он рыцарей этих задристанных расколдовал. Ну что ты глазами хлопаешь, в самом деле! Неужели не понятно?!

Петя отрицательно помотал головой

- Эх – вздохнул Михалыч – коротко говоря, все эти придурки в разное время приходили сюда. Либо с драконом биться, либо золото искать, либо ко мне у них какие-то претензии возникали.

- Погоди, ты хочешь сказать, что они серьезно пытались победить Дедушку мечом или шпагой?

- Ага - Михалыч усмехнулся – слабоумные, я же говорю. Ну как бы там ни было, тех, кого не съел Дед, мы тут приняли и, чтобы не хулиганили, зафиксировали. Вот они у меня в сарае и стояли, не мешали никому. Пока этот Чёрт не напакостил.

- Так они живые? – изумился Петя – как такое может быть?

- Йопта, ну конечно живые! Вообще, Петруха, ты задаёшь слишком много вопросов, а нам надо спешить. Давай уже заводи тарантас свой, по дороге объясню.

- Где же их искать?

- А это нам сейчас скажут бабки наши шизокрылые. Воздушная разведка, мать вашу, вы там готовы вспорхнуть?

- Я лично уже в воздухе! – раздался сверху голос Яковлевны – и могу доложить, что полностью контролирую воздушное пространство. Надеюсь, что с минуты на минуту наша филологическая дева соизволит оторвать свою задницу от земли.

- Я готова – томно сказала Баба Кася, действительно выпорхнув откуда-то из-за спины у Яковлевны на своей слегка погнувшейся швабре

- Шасси то убрала? - язвительно спросила баба Моша

- Фи – только и ответила на это Баба Кася – я пошла на свободную

охоту³, а ты смотри не потеряйся, повелительница «кукурузников» – и с этими словами Баба Кася стремглав рванула на бреющем полете в сторону леса, едва не задевая макушки деревьев.

- Знаете, Петя – сказала Яковлевна, ненадолго зависнув над его головой, – а ведь мне сама Марина Михайловна Раскова лётную книжку вручала. Удивительная была женщина! Скольких пилотов сумела подготовить! И каких! А эта бестолочь как в первую империалистическую летала рывками и жопой вперед, так и до сих пор продолжает. Ничему не учится. Ээх ...

С этими словами Баба Моша плавно и с чувством собственного достоинства легла на нужный курс и через некоторое время исчезла за горизонтом. Петя обреченно проводил её взглядом. Все это было прекрасно, но он решительно не понимал, что делать дальше.

- Что-что – буркнул Михалыч – искать их надо и отбивать невесту твою

- Но нас же мало! И нет оружия – если не считать дедушки-японца с катаной

- Насчет вооружения - кое-что имеется. Я прихватил.

- Ящики и баллоны?

- Петруха – Михалыч начал раздражаться – не лезь в то, в чем ниже-ра не понимаешь. Твоя задача – завести свой тарантас, крутить баранку, куда я скажу, а потом, когда приедем, как следует биться с Кощеем. Кстати, надо тебе оружие подобрать.

- С Кощеем? – Петя не сказать, чтобы струсил, но всё же немного испугался.

- А как же! – сказал Михалыч – у тебя же невесту украли. Если, конечно, тебе она не особо нужна, можешь и не ехать ...

Петя свирепо посмотрел на Михалыча

- Ладно, я пошутил, не обижайся. Короче, надо подготовиться. С голыми руками на Кощея ходить бессмысленно.

- У тебя есть меч?

Михалыч посмотрел на Петю с сожалением:

³ «Свободной охотой» называется тактика истребительной авиации, применяемая при достижении господства в воздушном пространстве. Состоит в поиске и уничтожении целей при наличии минимума исходной информации. При этом выбор маршрута, высоты и скорости полёта, порядок захода на цель и применяемые боевые маневры определяются лётчиками самостоятельно, в зависимости от обстановки.

- Есть! Кладенец! – сказал он язвительно – только он тебе не сильно поможет. Чтоб ты представлял, Кощейчик наш служил долгое время под началом Гонсало Фернандес де Кордова, Гран Капитана.

- Кто это? – спросил Петя

- Эх, темнота! Гран Капитан был великим человеком! – Михалыч произнес это с каким-то особым выражением – большой стратег и тактик. Но важно то, что Кощей пока под его началом долго воевал и потом ещё, пока где-то в своей Италии ошивался, крепко выучил де-стрезу. Систему испанского фехтования. Он шпагой людей поубивал больше, чем ты можешь себе представить. Поэтому с мечом, саблей, рапирой против него у тебя шансов нет. Зарежет в пять минут как кролика.

- А что же делать?

- Дрын или арматура! – Михалыч теперь точно говорил серьезно, и даже поднял для этого вверх указательный палец - Старый деревенский способ. Стёпа сейчас подберет что-нибудь подлиннее, лупи только не зевай. И лучше не по туловищу, а по рукам, или по ногам, целясь в колено, в голень чтобы сломать. Потому что бессмертный то он бессмертный, а кости пока срastутся, время пройдет.

Петя подумал, что надо быть совершенно безумным, чтобы напасть с арматурой на Кощея, вооруженного шпагой и виртуозно ею владеющего. Но рассуждать было действительно некогда: Степан уж нес пару железных прутьев и почему-то велосипедный шлем.

- А это зачем? – спросил Петя

- Ну, слушай, каски у нас никакой нет, а так наденешь, какая-то защита.

- Вы с ума сошли! – возмутился Петя – Совсем меня клоуном наряжать хотите! Не надену!

Михалыч со Степаном как-то странно переглянулись, но ничего не сказали.

- И вообще, что стоим?! – продолжил решительно Петя – садитесь, поехали!

14

Надо сказать, что, заводя мотор, Петя совершенно не знал куда ехать. Теперь им овладело лихорадочное возбуждение: хотелось немедленно действовать, заглушить мысли работой, борьбой, чем угодно, только чтобы отогнать. Но как только они отъехали, в рации у Михалыча раздался голос Баба Каси: «Нашли!»

Дальше была немыслимая гонка по раздолбанной грунтовке, где на одном из поворотов Петя чуть не опрокинул машину. Потом, когда дорога кончилась, они долго продирались через валежник, таща огромные рюкзаки с баллонами и ещё чем-то, что Степан назвал «наше вооружение». Причем пришлось сделать приличный крюк по лесу, чтобы, как сказал Михалыч, «нагрязнуть сюрпризом». Но сюрприза не получилось. Когда они грязные, искусанные комарами и уже довольно измотанные вывалились к старому охотничьему дому, на который указали Баба Кася и Яковлевна, там уже никого не было.

Михалыч зачем-то полез в подпол, а Петя остался стоять в дверях, не особо зная, что теперь делать. Вдруг на пороге он увидел небольшую сережку, которую, судя по всему, обронила Марушка. Совсем маленькая с каким-то прозрачным камнем – кажется, горный хрусталь.

- О, смотрю Марушка весточку нам оставила – сказал подошедший Степан – сейчас мы их живо разыщем!

- Как это? – не понял Петя

- Дайте сюда – вылезший из подпола Михалыч взял сережку, дунул на нее и произнес нараспев скороговоркой, смешно окая: крот-крот-ноги-тебе-в-рот-я-лисица-покажи-мне-царь-девицу. Да давай, сука, с точными координатами – добавил он уже обычным своим тоном.

Внутри сережки что-то щелкнуло, Хрусталь помутнел, окрасился последовательно сначала в красный, потом в желтый, а потом в бирюзовый цвет. И пошел телепатический сигнал, который голосом Марушки сообщил: «Вторая точка, старая заимка, перегруппировываются, давайте скорее».

- Где это? – спросил Петя

- Недалеко, пару-тройку километров, если напрямки – ответил Михалыч – побежали.

Они опять ломанулись через лес, а поскольку бежали по болоту,

Петя нахлебался полные кроссовки воды. И когда они ещё более грязные, мокрые исцарапанные и уставшие выскочили на эту самую вторую заимку, то им открылась мало обнадёживающая картина: ровно напротив них стоял готовый к бою отряд, выстроенный квадратом, впереди которого стоял Кощей. В блестящем золотом нагруднике со шпагой в одной руке и кинжалом в другой.

- Кого я вижу! – Петя так и не понял, говорил ли это Кощей, или телепатировал. Но казалось, что его голос звучал громоподобно, хотя в нём все равно угадывался мягкий южный акцент – не утомились ли мои драгоценные друзья с дороги?

- Иди нахуй! – на всякий случай ответил Михалыч

- Опять грубишь?! – Кощей явно другого ответа и не ожидал, но сохранял вежливый тон – Как бы там ни было, нет большой доблести убить неподготовленного противника. Даю вам четверть часа, а после мы будем вас атаковать.

- Распаковывайтесь – деловито сказал Михалыч, скидывая на землю рюкзак – Петруха, значит так: твоя задача добраться до Кощей. Японцы тебе в помощь, атакуйте его одновременно. Но – только по моей команде. Остальных мы с профессором с Степой возьмем на себя. И помни – ебошь по ногам со всей дури. Ломай голень или колени. Чтобы упал, и шпагу выбить. Не изображай из себя Д'Артаньяна, ясно тебе?! И на тряпку, намочи водой и морду обмотай, чтоб не обгорела.

Петя молча кивнул. Профессор О'Брайен тем временем достал газовый баллон и раскладывал ещё какие-то приспособления. У Пети мелькнула мысль о том, что с недавнего времени поведение профессора стало ему казаться странным: он ни о чём не спрашивал, в разговоры не вступал, и вообще казалось, что ему совершенно не в новинку происходящее. Но обдумать как следует это Петя не успел, поскольку начался бой.

Вернее, зазвучала песня.

15

«Оппонендо пикас э кабальюс
Энфрентандо аркабузис а пикерос...»

Противник разомкнул квадрат и шел на них двумя шеренгами. Совершенно спокойно, без надрыва и пафоса. Но это и было страшнее всего. Также, как и звучавшая песня – Петя не знал ни слова по-испански, но отчего-то понимал каждое слово.

Красный крест бургундский пусть над нами вьется.
О сынах Сантьяго слава разнесется.
Рота пикинеров фланги прикрывает
Только тот свободен, страха кто не знает.

И ещё откуда-то Петя знал, что это была не простая песня, а именно тот самый гимн той самой непобедимой испанской пехоты. Который звучал, когда Гран Капитан бил французов при Гарельяно, Эрнан Кортес входил в Теночтитлан, а солдаты герцога Альба крушили Нидерланды. И что победа всегда будет за третьей, потому что иначе просто быть не может. И что его скорая собственная смерть – простая констатация. И если он проявит храбрость в бою, его похоронят с почестями и со всем уважением, положенным настоящему солдату.

Из кольчуги горжет и колет из кожи,
И нагрудник враг пробить никак не сможет.
Поднимите пики с песнею до неба!
Нечего бояться - ты в колонне терции!

И вдруг этот морок оборвался. Сзади что-то всхлипнуло, грохнуло, полыхнуло и огромный сноп огня пронесся у Пети над головой, сметая весь правый фланг наступавшей шеренги. Кощей, будто предвидя это, за мгновение до выстрела сманеврировал влево и огонь не причинил ему никакого вреда.

- Профессор, блядь, баллон держи ровнее – громко сказал Михайч, у которого в руках была какая-то труба, по виду от обычного

пылесоса – промазали, не видишь?! Так, а где наши военно-воздушные силы? Ау, вы помогать то будете, или что?!

Из близлежащего ельника словно по команде взметнулись Баба Кася и Яковлевна, быстро развернувшие в воздухе большую рыбацкую сеть. На бреющем полете они пронеслись над наступающим строем и бросили сеть на головы противника. Правда, Кощей и тут успел увернуться – он просто перешел на бег и сеть его не накрыла.

Михалыч и профессор в это время перезарядили свой агрегат и произвели второй выстрел, который сжег дотла всех запутавшихся в сети.

- Другое дело! Ни капли в рот, ни сантиметра в жопу! – удовлетворённо заметил Михалыч – у нас так в пожарке в третьем карауле всегда в таких случаях говорили. А теперь, орлы, в атаку!

И вот Петя бежит. Правда, это получается не очень быстро, да ещё и спотыкается по дороге, поэтому прилично отстаёт от японцев. Первым к Кощею подскакивает Отомо-старший. Петя видит, как он делает резкий выпад, пытаясь поразить Кощея катаной в область сердца, но Кощей невозмутимо парирует его удар кинжалом отходит чуть в сторону и неуловимым и в то же время очень простым движением рассекает его грудную клетку своей шпагой, пробивая выставленную защиту. Самурай Отомо Ёсианага хрипит и валится наземь как дырявый куль с мукой. Его потомок Такеда Отомо издаёт даже не вопль, а по-настоящему звериный рык, и в свою очередь бросается на Кощея. Тот, отражает его удар, отходит на полшага назад, готовясь нанести еще один свой фирменный укол. Но в этот момент Петя наконец-то добегает и, выскакивая из-за спины японца, наотмашь, изо всех сил лупит арматурой Кощея по ногам, как и учил Михалыч. Крича при этом бессвязное протяжное ругательство.

Сначала показалось, что он толком не попал. Но через секунду Кощей начинает заваливаться набок, при этом выбрасывая руку в его сторону. Петя понимает, что надо увернуться, но не успевает: брошенный кинжал прилетает ему точно в середину лба, но по счастью не лезвием, а рукояткой.

«Зря шлем не надел» – теряя сознание успевает подумать Петя и затем уже валится на землю. В ту же секунду Баба Кася и Яковлевна бросают сверху еще одну сеть, и в которой запутываются абсолютно все оставшиеся в живых участники решительной битвы.

Глава пятая: Совет да любовь.

16.

Петя открыл глаза и увидел Марушку. Она мазала его голову какой-то бурой и холодной жидкостью.

- Наконец-то ты очнулся, о мой спаситель! – засмеялась Марушка и поцеловала Петю. Надо была давно тебе бодягу намазать, не сообразила сразу.

- Ты!?! – Петя попытался сесть на кровати, но его мотануло, и он вынужден был отказаться от данной попытки

- Лежи-лежи – сказала Марушка – тебя здорово стукнуло. Наш сеньор Луиджи слегка перестарался. Надеюсь, сотрясения мозга нет.

- Кто!?! – Петя всё-таки сел на кровати – Что!

- Заходите, он очнулся – громко сказала Марушка.

Дверь тотчас же отворилась и в комнату вошли все: Михалыч, Степан, профессор О'Брайен, Тит, Смарагд, Святополк, Такеда, Баба Кася, Яковлевна, но самое главное – Кощей! Который был вовсе не связан, не избит, а, напротив, весел и по-прежнему учтив!

- Ну, Петруха, ты орел, однако – весело сказал Михалыч – я прямо не ожидал.

- Молодец-молодец – подтвердил Степан.

- А я сразу говорил – сказал Тит – парень хороший, даром, что в дурацких штанах

- Да это москвичи, они все так ходят – сказал Смарагд

- Да причем тут москвич-не москвич – сказал профессор О'Брайен на чистейшем русском языке. Я Петра знаю давно и не стал бы привозить, если бы не был в нём уверен.

- И мне он понравился – сказал по-русски Такеда тоже практически без акцента, разве что, немного смягчая согласные

- Дорогой Петр – церемонно сказал Луиджи, он же Кощей – я приношу вам глубочайшие извинения, что невольно нанёс травму, но таковы условия испытания. Надеюсь, вы не будете держать на меня за это зла.

- Да что тут происходит!?! – возмутился Петя

Ненадолго воцарилась тишина. Затем послышался голос Бабы Каси:

- Петя прав – ему надо все нормально объяснить. Мне кажется, это лучше всего сделать Марушке.

Все остальные одобрительно закивали и стали потихоньку пятиться к выходу.

Петя, честно сказать, пребывал в бешенстве. Ему хотелось растерзать все вокруг. Но голова по-прежнему кружилась и слабость не отступала. Потому вместо грозного вопля у него получился сдавленный хрип, правда, достаточно возмущенный.

- Марушка, что все это значит?!

- Петь, ты бы прилѐг – ласково сказала Марушка, погладив его по руке – надо подождать пока зелье подействует. А я тебе пока всё объясню.

Петя неохотно подчинился.

- Ну вот – сказала Марушка – теперь слушай. Знаешь, зачем профессор привез вас сюда?

- Зачем?

- Затем что нам нужны помощники. Дел у нас, как ты мог убедиться, вагон и маленькая тележка. Мы категорически не справляемся

- Кто это – мы?

- Берегини. То есть Михалыч, баба Кася баба Моша, Степан, китежградская аварийная команда, а также профессор, Такеда, сеньор Луиджи Паваро и многие ещё другие, которых ты пока не видел. Ну и мы с тобой, если ты, конечно, согласишься остаться с нами.

- Да я же уже давно согласился! – возмутился Петя. А вы мне морочите голову. Михалыч врѐт не пойми что, профессор столько лет валял дурака, делая вид, что он по-русски не говорит. Так нечестно!

- Ты прав, это нехорошо – улыбнулась Марушка – но таковы условия нашей работы. И испытание ... понимаешь, нельзя брать человека, не проверив. Работа очень деликатная. Давай я тебе лучше покажу всё разом, а то за разговорами время уйдет невесть сколько.

С этими словами Марушка достала из ящика уже знакомый обруч и водрузила ему на голову. Глаза у Пети при этом сами собой закрылись, и он увидел, что в каждой стране, даже в каждой местности есть свои берегини. Это разные люди разного возраста, пола и национальности.

Но все они следят за порядком. Выручают попавших в беду, укорачивают особо ретивых нарушителей. Спасают всех, кого можно спасти в катастрофах. Даже иногда участвуют в конфликтах. Петя увидел, как во время войны Баба Моша летала на кукурузнике в составе знаменитых «ночных ведьм», Михалыч служил оператором огнеметного расчета на Карельском фронте, а профессор О'Брайен ходил матросом в арктических конвоях. Несмотря на то, что берегини живут очень долго и практически неуязвимы для болезней и мелких травм, им все труднее выполнять свои задачи. Мир меняется очень быстро, население растёт, и потому требуются новые помощники.

- И вы ... - начал было Петя

- Совершенно верно – сказала Марушка – в этот раз отобрали вас троих. Тебя, Эвелину Бакстер и биолога из Петрозаводска, как наиболее подходящих кандидатов. Биолог отсеялся сразу – это ведь он начал ловить сетью Бусю. Эвелина тоже повела себя как-то не так, я, честно говоря, даже не знаю, что у них там случилось. А ты все испытания прошел.

- Но я же должен был победить Кощя! А я не смог.

- Всё что надо ты смог. Во-первых, сеньор Луиджи и вправду очень сильный боец. То, что ты вообще до него добежал и сумел сбить с ног – это уже неплохое достижение. Поверь, очень немногим это удавалось. Во-вторых, задача была в том, чтобы понять, как ты поведешь себя в экстремальной ситуации. Ты хоть и сильно испугался, но не отступил.

- Погоди – снова перебил её Петя – выходит Кощей тебя не похищал? А как же битва! Как же шестьдесят восемь человек, которых сначала заколдовал, а потом сжег Михалыч. Как это сочетается с тем, что вы блюдете равновесие и стараетесь не вмешиваться без нужды?

- Петька, скажи мне, ты когда-нибудь слышал запах горелого мяса? На костре хотя бы приготовленного?

- Конечно.

- А теперь вспомни, был ли запах после того, как Михалыч стрелял по воинам? И подумай, как должны были пахнуть шестьдесят с лишним обгорелых трупов после выстрела из огнемёта.

Петя после этого задумался и после небольшой паузы произнес:

- Так ты хочешь сказать, что это ...

- Именно! Никаких воинов в реальности не было. Это была галлюцинация!

- Но я их трогал, когда они были каменные. А потом они дышали, ходили, разговаривали. Пели, наконец.

- Петька – засмеялась Марушка – сложно наведенная галлюцинация – это целое искусство. Михалыч тебя потом научит. Я тебе больше скажу – предка Такеды тоже не было. Он тебе казался. Да и всем тоже. Это вообще их коронный номер. Очень достоверно получается.

Петя сел в кровати и насупился.

- А динозавры? Они существуют или тоже галлюцинация?

- Конечно, существуют. Нам, кстати, завтра их кормить.

- Вы тут жулики все, а никакие не берегини, вот что я скажу – обиделся Петя - Как мне теперь понять: а может ты тоже галлюцинация. Может быть, я вот тебя люблю, а на самом деле это баба Кася балуется на старости лет. Морочит голову, а остальные подглядывают и смеются сейчас.

- Бу-бу-бу – сказала Марушка – какие мы занудные. А насчет того галлюцинация я или нет, это легко проверить. Кстати сказать, заодно и узнаем, не повредил ли сеньор Луиджи тебе ещё какие-нибудь важные органы.

С этими словами Марушка просунула руку под одеяло, и сразу стало ясно, что с жизненно важными органами у Пети всё совершенно в порядке.

- Не, вроде ничего не повредил – сказал Михалыч, который, разумеется, всё это время подслушивал во дворе.

- Не стыдно тебе, старый?! – сказала Баба Кася

- А ты то сама чего тут? Подзыриваешь?

- Я – другое дело! Переживаю за девочку нашу. Волнительный момент – замуж выдаем все-таки!

- Ага, ты только смотри не сболтни, ненароком, сколько девочке нашей лет стукнуло. И который раз мы её уже пытаемся замуж.

- Тьфу на тебя – вздохнула Баба Кася – дураком как был, так и помрешь. Пойми, женщина каждый раз волнуется перед свадьбой. Потому что это ... это ... - баба Кася посмотрела на ухмыляющегося Михалыча, и махнула рукой, не докончив фразы.

- Дети то там просматриваются?

- А да, это нормально. Будут. Я тебе больше скажу – мальчишка толковый. Надо с ним заняться поплотнее.

- Это я и без тебя понял – буркнул Михалыч – Ладно, мать, давай тогда стол организуй, а я пока схожу проверю, что там у ребят с катером. Свадьба так свадьба, куда деваться.

17

Когда Петя с Марушкой усталые и счастливые вышли во двор, там уже было все готово: накрыт обильный стол с неизвестно откуда взявшимися деликатесами, все собравшиеся были умыты, одеты в чистое и нарядное и вообще вели себя сообразно торжественности момента.

Петю и Марушку усадили на почетное место в центре стола. Первым слово взял, Михалыч:

- Друзья! У нас сегодня отличный день. Наш Петруха оказался молодцом, невесту будем считать, отбил у супостата. И вообще доказал, что на него можно положиться. Поэтому я рад приветствовать тебя, Петруха в наших рядах. Того гляди, человека из тебя воспитаем ...

- Чего ты несешь, старый! – зашипела Баба Кася – обалдел совсем! Свадьба у нас, или что?

- А ну да – спохватился Михалыч – ну так совет вам да любовь, что тут сказать. Любовь как говорится зла – Михалыч выразительно посмотрел при этом на Бабу Касю – иногда беспредельно зла. Но может и ничего, все обойдется ... Что, опять не то?!

- Конечно не то! – рассердилась Баба Кася. Она вышла из-за стола, вышла на середину лужайки

Зрите, бессмертные, вот они здесь перед вами
Дева младая, супружница храброго воина
Выдержал он испытанья и вытянул жребий
Благословите же вы их союз, да на долгие лета

- Это другое дело – съязвил Михалыч – высокий штиль! Жаль только на третьей строфе все заснут нахуй.

- Нужна хорошая кельтская баллада – сказал профессор О’Брайен

- Нет, нет и еще раз нет! – горячо возразил Луиджи Паваро – только настоящая итальянская песня может спасти положение!

- Давайте Бреговича поставим – предложил Степан, который был уже с набитым ртом – я не знаю, как он сюда подходит, но уж больно поёт хорошо.

- Зачем они все время препираются? – тихо спросил Петя Марушку

- Не обращай внимания, это традиция такая. Сейчас баба Моша порядок наведет.

Моша Яковлевна действительно встала, поправила узел на платке, откашлялась и постучала вилкой по стакану

- Попрошу внимания! – сказала она - Разговоры отставить! По команде за-пе-вай!

Ой, ты, Порушка, Параня,
ты за что любишь Ивана?

Ой, да я за то люблю Ивана,
что головушка кудрява. ...

И все запели. И Петя не заметил, как они с Марушкой переместились из-за стола в центр поющего и танцующего круга. Честно говоря, он совсем не умел танцевать, но это оказалось не важно – повинаясь общему ритму, он вплетался в Песню. Именно так – Петя стал частью мелодии, которая уже, по большому счету, утратила общие слова. И каждый пел, хотя и в едином ритме, но что-то своё.

Михалыч пел Песнь Огня. Пришедшего когда-то с небес на землю. Одновременно опасного и живительного, спасавшего всё живое в эпоху Великого Ледника, согревавшего людей и животных в жуткую полярную ночь, длившуюся несколько лет.

Профессор О’Брайен пел Песнь Воды. Что журчит в неприметных речушках летом, а весной превращается в страшный поток, сметающий всё на своем пути. Воды, что бросает на камни утлый кораблик Майль-Дуйна, что сомкнулась над головой злой царицы Медб, что укрывает Племена Богини Дану от глаз людей.

Такеда пел Песнь Земли. Родящей живое и принимающей умершее. Продуваемой зимним ветром и отогреваемой летним солнцем. Терпящей и прощающей. Рождающей прекрасные цветы и растения, дающие пищу, жизнь и красоту.

Степан пел Песнь Дерева. Вернее сказать, Великого Леса, раскинувшегося от северных широт до южных морей. Вмещающего в себя больше, чем можно представить. Мудрому и жестокому. Помогающего бегущему от опасности и губящему неосторожного.

Сеньор Луиджи Паваро пел Песнь Металла. Добытого в рудниках, превращённого искусными кузнецами в стальной клинок. Который в руках опытного фехтовальщика оказывается орудием возмездия и справедливости, а в руках чёрта несет только зло.

Моша Яковлевна пела Песнь Воздуха. Тихого и незаметного у поверхности земли, но всемогущего и опасного высоко в облаках. Одинаково легко рождающего легкие бризы и разрушительные смерчи. Без которого немислима жизнь и невозможна память о мертвых. И еще в Песни этой пелось о Великой Армаде, летящей высоко-высоко в облаках, состоящей из самолетов, дирижаблей и иных летательных средств, которыми управляют души пилотов, которых раньше срока забрало небо.

А Баба Кася пела о Слове. Которое было с начала времен, с которого все началось и которым все когда-нибудь закончится. И слово это - Любовь. Которая есть во всем живом и неживом, и вообще Род – это и есть Любовь.

Внезапно Яковлевна звонко хлопнула в ладоши. Песня оборвалась, и все вокруг в одночасье пропало: и гости, и богато накрытый стол. Остались только Петя и Марушка, да ещё невесть откуда взявшийся туман, наползший с озера.

Петя от неожиданности потерял равновесие, попытался схватиться за Марушку, но в итоге они оба упали на землю.

- А куда они все делись? – спросил Петя
- Они здесь, просто решили нам не мешать – ответила Марушка
- Опять подслушивают?
- Очень нужно – буркнул откуда-то из тумана Михалыч – у нас вообще куча более важных дел.
- Да – подтвердила Баба Кася – в частности, есть основания полагать, что Эвелина Бакстер так и не дождалась автобуса, вернулась в

избушку к Яковлевне, выпила всю настойку и теперь спит без задних ног. Сейчас мы возьмём профессора и пулей туда. Попробуем девочку все же наставить на путь истинный.

- Точно – сказал Степан – ребята катер, то есть, пардон, яхту, починили, с утра завтра отгонят к Яковлевне. А вы как они уйдут, зверей покормите. И Деду в лоток рыбы тоже дайте.

- Хорошо – дружно ответили Петя и Марушка. И тут же начисто позабыли про все данные обещания. Как-никак первую брачную ночь никто не отменял. Даже если она почему-то случилась среди бела дня.

18

Наутро туман только усилился и даже когда Петя и Марушка наконец-то пробудились от счастливого забытья, не думал рассеиваться. Тем не менее, надо было вставать и приниматься за дела. Около часа или даже полутора у них ушло на перегрузку уже окончательно растаявшей рыбы на лодку, сбор всяких тросов, поддонов и прочих причиндал, позволяющих доставить и погрузить корм для Дедушки и его семейства.

И вот они отчалили в туман на веслах по совершенно безмятежной глади озера. Петя вообще не ориентировался куда идет, но Марушка контролировала процесс и каким-то образом определяла нужное направление.

- Скажи, а Михалычу правда так много лет?

- Да. И остальным тоже

- А как такое может быть?

- Ну, если по-простому, то, когда ты становишься берегиней, то внутреннее время замедляется. Ты медленнее стареешь. Один год – примерно, как пятьсот или даже тысячу лет. Поэтому Михалыч и выглядит лет на пятьдесят, не больше.

- А Баба Кася как будто старше.

- Так она в более позднем возрасте пришла. Но это было тоже довольно давно: Баба Кася вправду была под Троей, правда уже в качестве берегини.

- И у неё был муж бог Аполлон?

- Да нет, конечно! – засмеялась Марушка – Аполлоном звали писца греческого, в которого она влюбилась лет триста или четыреста назад. Я слышала, что она чуть было не ушла от нас к нему, но он её чувства обманул. А кстати, разве тебе не сказали, что никаких богов нет?

- Сказали, но я как-то сомневаюсь. Вообще никаких?

- Никаких. Ну, может быть, где-то и есть, но на Земле точно нет. Вернее, бог один и это Род. А мы проводники его законов.

- А Индра, Один, Юпитер и прочие?

- Как правило, это уже сказки. Иногда случается, что мифы описывают реальные события, в которых кто-то из наших действительно принимал участие, но не смог обеспечить режим скрытности. Как мы с Китеж-градом в Батыево нашествие. Они нырять даже за нами хотели – Марушка весело засмеялась – после этого шлюзовую камеру, кстати, и сделали, чтобы не смущать лишний раз никого.

- Ты это видела?

- Нет, я тогда еще не родилась. Папа рассказывал.

- Марушка, а сколько тебе лет? -спросил вдруг Петя

- Петенька – сказала Марушка помрачнев – знаешь, почему у женщин не принято спрашивать о возрасте?

- Нет, ну я к тому, что...

- Потому что они могут взять и правду ответить. И потом иногда бывает тяжело это принять. Так вот – Марушка очевидно злилась, но старалась это скрыть – Если ты настаиваешь: я родилась зимой 1669 года. Когда точно никто не помнит, но думаю, что самом конце, февраль-март. Матушка моя была из старообрядцев, которые тогда подверглись первым гонениям, и её семья убежала в наши края из Новгорода. А батюшка мой уже около тысячи лет служил здесь, на том месте, где сейчас кордон Михалыча. Они влюбились друг в друга, сыграли свадьбу, но матушка при родах умерла. Меня взяли на воспитание в Китеж-град, поскольку батюшка был командирован в другое место и, хотя во мне души не чаял, не мог уделять необходимого внимания. Так что воспитывали меня по большей части Михалыч и Баба Кася. В 1690 году в возрасте двадцати одного года я прошла посвящение и стала берегиней, поступила в аварийную бригаду, где до сих пор и тружусь. Так что в этом году мне стукнуло 345 лет. Кстати сказать, я совсем забыла спросить: тебя, надеюсь, не смущает, когда у супругов большая разница в возрасте?

Марушка говорила всё это внешне спокойно и даже как бы в шутку, но в уголках глаз у нее блеснули слезы.

- Мне по фигу - сказал он просто - я люблю тебя и мне всё равно, сколько кому лет. Кроме того, ты так и выглядишь максимум на двадцать два-двадцать три года. Почему ты плачешь?

Слеза у Марушки всё-таки предательски скатилась.

- Нет, ничего - ответила она - хорошо, что ты так сказал. Мы приплыли, давай кормить зверей.

Действительно, недалеко оказался оранжевый буй, возле которого торчали два металлических шеста. С помощью захваченных приспособлений они закрепили на шестах поддон и опустили его в воду примерно на метр или полтора.

— Это для того, чтобы они могли спокойно есть рыбу, не привлекая внимания - объяснила Марушка - тут ила много, даже с вертолета видно не будет если что. Хотя если Дедушка начнет плескаться, то, конечно, увидят.

- Да уж - Петю снова невольно передернуло при упоминании о Дедушке - а как они узнают, что мы им привезли поесть?

- Мы им сейчас посвистим.

- Как это? - не понял Петя

- В свисток, как же ещё!

Она достала из кармана комбинезона глиняную свистульку в форме ящерицы и дунула. Но никакого звука не последовало

- Она у тебя не свистит - сказал Петя

- Она инфразвуком свистит - ответила Марушка

И действительно, через пару минут рядом с лодкой пошли круги, и на поверхности показалась голова Яруги

- Прrrrrривет!

- Привет Яруга! - сказала Марушка

- Здравствуйте! - неожиданно для себя сказал Петя - он все никак не мог привыкнуть, что с плезиозавром можно вот так запросто разговаривать

- Угощение? - спросила Яруга

- Деду Михалыч прислал. Она мороженая, но там много. Есть ещё витаминки, будешь?

- Благодарrrrrрствую! - сказала Яруга и раскрыла пасть. Марушка бросила ей слипшийся комок витаминов.

- И я хочу, и я! – это была, конечно, Буся – Ой, дядя Петя, привет! Ты принес мячик?

Пете стало неловко: оказалось, он начисто забыл про свое обещание.

- Принес-принес – сказала Марушка – я просто его забрала у дяди Пети, чтобы он его не потерял.

С этими словами она достала из бесчисленных карманов своего комбинезона яркий красный мячик и вручила его не менее пунцовому от смущения Пете.

- Дядя Петя, кидай! – завопила обрадованная Буся – только далеко. Я покажу тебе, как теперь быстро плаваю!

19

Обратный путь поначалу проходил молча. Петя переваривал услышанное, да и, откровенно говоря, немного стеснялся продолжить разговор. Но, наконец, собрался с духом и спросил.

- А что стало с папой? Он где теперь?

- Он умер – сказала Марушка

- Как же так? Он же бессмертный?

- Пока служит – да. Но потом он устал и отказался. Можно сказать, подал в отставку.

- И что? Пропал как Ойсин сына Финна?

- Нет, конечно. Просто прошел обряд прощания, переехал в Москву и жил себе в Лефортово, пока не умер

- Как обычный человек?

- Конечно. Я к нему в гости ездила регулярно. За покупками опять же. Тогда, правда, добираться было долго – железной дороги то у нас не было ещё.

- Когда же это было?

- Однако, ты спросил! Он упокоился на следующий год после того, как царя взорвали. То есть в 1882 году.

- Какого царя? – не понял Петя

- Александра Второго Освободителя, какого ещё – улыбнулась Марушка – Петька, ты дремучий какой-то совсем!

- Зато я во второй линейке⁴ кланом руководил!

- Серьёзно! Я тоже немного в неё играла! А у тебя какой клан был?

- Да маленький, разбили нас – с досадой вздохнул Петя – как раз перед поездкой. Вообще, конечно, я мало про всё это знаю – просто не предполагал, что оно вообще когда-нибудь может пригодиться. Но, честно сказать, тут события развиваются так, что и вроде бы твердые знания забыть недолго. Я вот, например, никак вспомнить не могу, как назывался тот роман у Стругацких, где чувак-программист попал в очень странный институт с магами и чародеями.

- «Понедельник начинается в субботу» он называется. И это была повесть.

- Точно! А знаешь, – после небольшой паузы продолжил Петя – мне почему-то все время кажется, что всё, что со мной произошло в последние дни как будто прямиком оттуда. Хотя говорящего кота вроде бы у нас ещё было. И дивана-транслятора.

- Ну, засунуть транслятор в диван – это только в буйные писательские головы могло прийти. Сразу видно, что они в вопросе совсем не разбираются

- Чего? – Петя удивленно бросил весла. Однако, лодка по инерции ещё двигалась и через пару мгновений воткнулась в скрытый, за все ещё достаточно плотным туманом, илистый берег. Марушка, привставшая на корме, упала прямо на Петю.

- Петька, же нельзя так тормозить – сказала она, смеясь – и ещё нельзя быть таким серьезным!

- Можно – строго ответил Петя, впрочем, уже обижаясь больше для виду.

- Вот в этом то и есть главное отличие твоё от героя повести. Он был умный, а ты у меня совсем дурачок – сказала Марушка и поцеловала Петю.

Петя сначала подумал еще разок обидеться, но здраво рассудил, что это будет совершенно ни к чему. Ещё он осознал, что теперь его ждёт совершенно новая, неведомая ему жизнь. Она, наверное, сильно изменит его.

Правда, это будет совсем-совсем другая история.

⁴ Онлайн игра Lineage II

*Подлинная история Алисы Лидделл
рассказанная под большим секретом
узкому кругу доверенных лиц*

2006-2019

*Я вас представляю:
- Пудинг – это Алиса
- Алиса – это Пудинг
- Да пошли вы, Нахер – сказал Пудинг
- Сами идите, Пудинг – ответил Нахер
- Прошу вас – нашлась Алиса – не ссорьтесь
Ведь скоро начнется футбол:
Англия Лудинг – Люксембург Гревенмахер
Счет скользкий 9-1, и я представляю, что будет,
Если мы не удержим фору в 8 мячей ...
Зазеркалье разбудит стихию свечей
и мир утратит покой ...*

1А

В тот вечер на город наконец-то спустился туман.

- Надо же – подумала Софи – все-таки мы увидим настоящий лондонский туман. Правда, Мишель, как назло, записалась на эту конференцию. Как будто нельзя было найти более подходящего места и времени для «экспозе ораль»¹!. Кстати, интересно, где она? Поди, опять красится.

Мишель в этот момент действительно красилась, но вообще-то дело было не в том, что она плохо выглядела. Просто ещё раз хотелось побыть одной и продумать своё грядущее выступление. Вопреки ожиданиям, о нем было совсем нелегко договориться. Притом ей пришлось столкнуться с настоящим британским снобизмом. Эта дура Аманда ... Аманда Синтия Джонсон, как явствовало из реквизитов её электронной почты. Вообще, может ли нормальный человек носить имя Синтия? Так вот, эта Аманда сначала вообще не отвечала на её предложение, потом согласилась, но таким тоном, как будто делает ей огромное одолжение. Между тем, Мишель Делгардэ, предки которой были непременными участниками всех мало-мальски крупных заварушек, начиная с Кре-

¹ Фр. *exposé oral* - «устное сообщение», или «устный доклад» - экзамен в виде устного ответа. Практикуется в университете при обучении по гуманитарным и прочим дисциплинам. Может также осуществляться в виде выступления на конференции.

стовых походов и заканчивая Второй мировой войной, не нуждалась и не нуждается ни в чьих одолжениях! Тем более от всяких ростбифов²!

- Неужели! – сказала Софи, увидев Мишель, наконец-то спускающуюся в лобби отеля

- Прости дорогая – Мишель ничуть не смутилась – я репетировала свою речь. Но мы, кажется, ещё не сильно опаздываем. Ты заметила, сегодня наконец-то туман!

- Да, говорят теперь это крайне редкое явление. Но, увы, вместо романтической прогулки по местам боевой славы Джека Потрошителя, нас ожидает зануднейший вечер в Кэрролловском обществе.

- Судя по всему, это и будут те самые знаменитые «путалки на сухую тему». Но, я надеюсь, мы быстро освободимся.

- Ты полагаешь?

- Такси, миледи – сказал швейцар

2В

В конце XIX века в Париже возникло сообщество художников, называвших себя «Наби» (Nabis), или «Пророки». Их идейным вдохновителем был Поль Гоген. Художники создали герметические общество, наподобие розенкрейцеровского Ордена, имевшее свои ритуалы и свой храм (так они называли мастерскую П. Рансона на бульваре Монпарнас, 25). Пророки имели свой наби-язык и ритуальные имена (nom mystique). Например, Морис Дени взял себе имя «Наби прекрасных икон», а Вюйяр – «Наби-Зуав» Новые пророки жаждали открыть, каким испытаниям подвергается художник в контакте с живописью. Свои картины они называли «иконами». Зачитываясь мистическими трудами Сведенборга, художники грезили о создании «другого искусства» и, надо сказать, их ожидал громкий успех, ибо в конце концов они возглавили одно из главных направлений искусства своей эпохи.

Нельзя в этой связи не упомянуть Католический Розенкрейцеровский Орден Храма Грааля Сара Пеладана, а также Розенкрейцеровские салоны, где выставлялись лучшие полотна художников-символи-

² Ростбиф – уничижительное прозвище англичан во Франции.

стов (Пьер Пюви де Шаванн, Фелисьен Ропс, Жан Дельвиль, Фернан Кнопф, Феликс Валлоттон и др). Ученик Пеладана, восторженный почитатель Барбе д'Оревильи и Вилье де Лиль-Адана, Жан Дельвиль основывает Салон Идеалистического Искусства и пишет трактаты «Искусство между Природой и Абсолютом», «Новая Миссия Искусства, Исследования Идеализма в Искусстве», продолжая задачи, намеченные его учителем.

Подобно алхимикам, все они следуют принципам: *nigrum nigro nigrius, obscurum per obscurius, ignotum per ignotius*. Темное познается еще более темным. Объяснить неясное еще более неясным³. Объяснить неизвестное еще более неизвестным.

ЗА

Заседание Кэрролловского общества поначалу было вполне обыденным. Выступил председатель, полный сутулый дядечка, затем казначей, наоборот, тощий и прямой как палка, затем та самая Аманда, которая заочно так не понравилась Мишель, но на поверку оказалась вполне милой дамой в модных очках. Во всяком случае Софи совершенно не нашла её ни чопорной, ни неприятной.

Аманда коротко поблагодарила кого-то (у Софи было не так хорошо с английским, чтобы на лету схватывать, о чем они там в данный момент заикаются) и сказала: а теперь я рада предоставить слово нашему специально приглашенному гостю.

Тот оказался грузным, но тоже вполне симпатичным мужчиной лет под шестьдесят. Правда, Мишель не преминула съязвить, что пиджак профессору маловат, а штаны напротив – как будто на размер больше. Ещё меньше ей понравилась его долговязая помощница со старым допотопным кассетным магнитофоном «Sharp». Все это, конечно, было совершенно нелепо и безвкусно.

Профессор между тем сделал знак, в зале как будто сам собой погас свет и включился магнитофон. Оттуда полилась какие-то невнятно журчащие звуки:

³ Источник: Н. Сперанская «Фигуры теофании. Очерки о возрождении античности».

- Дорогие друзья, - мягко начал профессор – я позволю себе обратиться ваше внимание на отрывок, который, безусловно, вы хорошо знаете. А именно – сцену в «Алисы в Зазеркалье», где она знакомится с Пудингом.

Там сказано:

«Я вас представляю:

- Пудинг – это Алиса

- Алиса – это Пудинг....

До этого момента всё в книгах Кэрролла было правдой: и Белый кролик, и Страна Чудес, и Зазеркалье. Но у любой лжи всегда есть первое слово, и оно было произнесено.

Проблема, дорогие друзья, состоит в том, что, как почти все англичане, Льюис Кэрролл страдал раздвоением личности: был одновременно и доктором Джекилом, и Мистером Хайдом. И если к Льюису Кэрроллу не может быть никаких претензий: он рассказывал правду, только правду и ничего кроме правды, то Чарлз Лютвижд Доджсон был вралем каких еще поискать. И получилось так, что как раз завершение «Алисы в Зазеркалье» дописывал именно Доджсон.

С этим ничего нельзя уже поделать, никогда же невозможно знать заранее, когда ваше раздвоение личности выкинет очередной фортель. Но все же – важно отметить, (исключительно справедливости ради) вот как там было всё на самом деле. Итак, я хочу подробнее остановиться на сцене Великого Обретения

- Пудинг – это Алиса

- Алиса – это Пудинг

4А

- Ты вообще поняла – шепотом спросила Мишель – что это было?

- Честно говоря, нет – также тихо ответила Софи – но, по-моему, всё шло очень мило, жаль только внезапно оборвалось.

Члены Кэрролловского общества тоже был в недоумении. И это ещё слабо сказано! За всю историю заседаний, которая вообще-то изо-

биловала странными мероприятиями, трудно было вспомнить что-то более нелепое и главное столь же неуважительное к собравшейся аудитории. Профессор нёс какую-то антинаучную чушь, а потом даже не попытавшись закончить выступление, вдруг пустил дым и исчез. Вместе со своей сомнительной помощницей и старым магнитофоном. Что было само по себе крайне невежливо по отношению к собравшимся, а с учетом той ерунды, которую он тут говорил – тем более.

Таково было общее мнение, которое выразил председатель, а остальные собравшиеся горячо поддержали.

Профессор не только позволил себе грязные намеки в отношении Чарлза Лютвижда Доджсона, но и извратил саму суть его произведений.

- А, по-моему, это даже было забавно – вполголоса сказала Мишель – вполне в духе Кэрролла

Но видимо сделала это недостаточно тихо, потому что за этим последовали гром и молнии.

- Ничего здесь, дорогая, не было забавного! – громко сказала та самая Аманда, гневно сверкая модными очками – Возможно, нашей иностранной гостье трудно осознать всю глубину кошунства, допущенного господином профессором, но хочу вас заверить, что это совершенно неприемлемо!

При этих словах достопочтенное собрание одобрительно зажужжало.

- А какая тема у твоего доклада? – тихонько спросила Софи

- Гендерный, сексуальный и мистический подтекст произведений Кэрролла – ответила Мишель – но я думаю, сейчас для него не самый подходящий момент

Софи утвердительно кивнула.

И вообще складывалось ощущение, что срочно пора на воздух.

- Нет худа без добра - подумала Софи – есть шанс все-таки прогуляться по туманному Лондону.

5B

Процессы, в которые я сейчас погружена, напоминают и прогулку отчаянного канатоходца над пропастью, и полет мыслителя в пламе-

неющий Эмпирей. Когда молния, внезапно появляясь как росчерк бога на темной глади небес, на миг освещает все сокрытое в ночи, мы можем ухватить взглядом самые удивительные контуры, столкнуться с самыми неожиданными явлениями (захваченными врасплох!), которые в конечном счете освобождают от сомнений все темные уголки бытия, и подтверждают, что названное однажды мною высшим смыслом, действительно является таковым.

6А

- Знаешь, а мне понравилось – сказала Софи – это конечно, абсолютная глупость, но ведь в Кэрролловском обществе так и положено. Было бы странно, если бы тут говорили что-то разумное. Кстати, ты можешь мне объяснить, зачем мы сюда заявились?

- Это все магистратура. Мне не хватало спецкурсов, и я решила, что Кэрролл будет в самый раз.

- Погоди, а как же рыцарь Персифаль и чаша Грааля?

- Они идут своим чередом, но мне нужно минимум три «экспозе ораль» причем на разную тематику. К сожалению, в результате я не только не нашла Грааль, но и утратила возможность получить зачет по Кэрроллу.

- Зато были обретены Пудинг и Нахер – сказала Софи

Мишель засмеялась:

- Да это крайне забавно. Как он там говорил:

«По счастью, в тот день «Лудинг» одолел «Гревенмахер» и все опасения оказались напрасны. Но Алиса осталась в Зазеркалье и стала там Королевой. Ни о каком возвращении домой речи уже не могло идти. Потому что ни до, ни после не было случая, чтобы произошло столь чудесное обретение.

Словом, в Зазеркалье решили, что это неспроста. Что Алиса должна стать той, перед которой преклонит колено и Белый Король, и Черная Королева, и Белый Рыцарь, и Черный Рыцарь, и Лев с Единорогом и прочие пташки шизокрылые»

- А потом - подхватила Софи - он сказал, что-то вроде того, что про это все знают, а он расскажет про то, что мало кто знает.

- Да-да, и понёс про то, что Алиса, Пудинг и Нахер с той поры поселились в заброшенном доме, стены которого умели слышать. И записывать то, что услышат. Единственное чего не умели делать стены: это как-то упорядочить свои записи.

- Боже, какая ахинея! Хотя, если вдуматься про меня можно сказать, то же самое.

Девушки весело захохотали

- Но знаешь – сказала Софи после того, как немного успокоилась - Мне особо понравилась у него одна фраза: «Точно неизвестно, полная ли это история Алисы Лидделл, но то, что она подлинная – могу вам ручаться»

- Согласна, это было не лишено изящества. Жаль, что после этого он сразу же испустил дым как Мерлин и пропал. И мы так ничего не узнали.

- Можно попробовать его разыскать!

- И с пристрастием допросить!

- Безусловно! О, вот наша гостиница!

- Давай об этом подумаем завтра. Очень хочется спать. Я, знаешь ли, «жаворонок», меня к полуночи просто срубает.

- Конечно, Мишель, спокойной ночи.

- И тебе дорогая.

Софи, напротив, спать совершенно не хотелось, поэтому она еще посидела в чате с Франсуа, который опять был на какой-то своей авиационной конференции и потому опять не мог ни о чём говорить, кроме самолетов. Потом приняла душ, потом смотрела в окно на ночной Лондон, пробовала новый крем, потом делала что-то ещё важное и только часам к двум добралась до постели.

Её сморил сон, в котором снова возник старый магнитофон профессора, сначала молча переливавшийся самыми необычными цветами радуги, а потом сам собой включивший кассету. Было слышно, как зашуршала пленка и из динамика пошла легкая музыка и сама собой появилась надпись: Сцена номер два: Алиса, Пудинг и Нахер идут обедать.

После чего всё вдруг на секунду пропало, и затем Софи увидела тот самый Зазеркальный дом, в одной из комнат которого были Алиса и Пудинг.

7

Пудинг сидел на табурете в соседней комнате, на безопасном расстоянии от Алисы и, раскачиваясь, громко и гнусаво декламировал:

*В тех пустых и усталых краях
Где лет триста не видели солнца
Он сидит. Не совсем у оконца
Где-то рядом. А, впрочем, впотьмах
Все равно где сидеть, чем заняться
Нет причин ни реветь, ни смеяться
Не тревожит ни радость, ни страх*

- Надо было все-таки отвязать Нахера – подумала Алиса. А то в одиночку Пудинг достанет кого угодно. Скучает он все-таки. Стихи еще читать начал... Но вставать с дивана решительно не хотелось.

- Вот именно – меня давно пора отвязать – встрял Нахер – и накормить. И вообще — это несправедливо. Вы ведете себя как скандалы.

- Вандалы – поправила Алиса – надо говорить – вандалы. Ведут себя как вандалы, а орут друг на друга как скандалы – Алиса вдруг замолчала. Наверное, потому что мысли внезапно кончились.

- Я требую уважения – не унимался Нахер. Я на той стороне одно время был профессиональным нотариусом. Я даже могу заверить вашу самоличность. А могу и не заверить. И тогда вы будете Никто – стоит мне только захотеть. Развяжите меня немедленно!!!

*В темноте не заметно, что сад
Весь осыпался. Прелой листвою
Пахнет в воздухе. Тема покоя
Здесь повсюду. Однако не рад*

Он тому, что искал неустанно рефреном гнусил за стенкой Пудинг. Алиса лениво приоткрыла один глаз:

- Нахер, будь ласточкой – иди вместе с батареей. Она все равно ни к чему не прикреплена – а мне вставать неохота. И еще – заткни, пожалуйста, Пудинга – скажи ему, что скоро обедать.

Нахер радостно подхватился, и весело помахивая привязанным к нему радиатором, убежал в соседнюю комнату.

*Слишком тихо и слишком туманно
С лишком всё» (повернулся он). Брат*

Послышался глухой удар и Пудинг замолк. Алиса посмотрела в окно – там пошел снег, но как обычно в Зазеркалье – падал он снизу-вверх.

- Хочется домой – вдруг подумалось Алисе. - С другой стороны - а что я маме скажу – где была все это время? И что там с моей кошкой – она, наверное, на меня обиделась и на руки больше не придет.

За стенкой было как-то странно тихо. Вполне ожидаемой драки почему-то не произошло. Пудинг театрально икнул и продолжил декламировать откуда-то вероятно из середины поэмы:

*Помидор я возьму про запас
Брат, увы! Мне домой ... в Зазеркалье
Провожу ... лишь обую сандалии
Вяло чешется выбитый глаз.*

- Есть, наверное, хотяят – подумала Алиса - А то с говорящих помидоров-то сыт не будешь. Ладно, пора ...

Алиса поднялась с дивана и еле слышно шепнула: «Мальчики, обедать!» Оглушительное эхо разнеслось по дому и через секунду радостные Пудинг и Нахер выбежали с вилками наготове. У Нахера на спине так и висела привязанная батарея – от этого он казался еще более нелепым. Алиса в который раз вздрогнула: она никак не могла привыкнуть к здешней акустике. Чем громче кричишь – тем хуже слышно. И наоборот.

8А

За завтраком Мишель сказала:

- Я ужасно спала сегодня
- Что такое?

- Мне снился очень странный сон

- Серьезно?

- Да, представь: наш вчерашний профессор продолжил рассказ своей истории

- Какое совпадение – сказала Софи – мне тоже сегодня снилось нечто на эту тему. Правда, профессора там не было.

- А у меня был – Мишель, казалось, совершенно не обратила внимания на слова Софи – сначала он просто говорил, а потом я увидела дом, на одной из дверей которого было написано: «Алиса, говорящие лилии и Белый Рыцарь». Дверь при этом сама собой открылась, и я как будто оказалась внутри. И увидела ту самую Алису, пудинга и Нахера

- И как они выглядели?

- Ну, сама Алиса выглядела примерно так же, как на сохранившихся фотографиях. Ничего необычного. Пудинг тоже был как пудинг, но с тоненькими ручками и ножками. А вот Нахер – он просто был ни на что не похож!

- То есть?

- Цилиндр не цилиндр, шар не шар

- Не понимаю

- Он всё время менял форму. И еще переливался разными цветами. Ерунда какая-то. И хаос. А ты ведь знаешь, как я не люблю хаоса.

Софи сочувственно кивнула и принялась за кофе

- Что ты обо всём этом думаешь? – спросила она немного погодя.

- Стану я ещё думать о всякой ерунде! Очевидно, что после того, как мы вчера наслушались этой галиматъи, наша нервная система решила несколько разгрузиться. В гипногенной теории сна это все прекрасно описано.

Софи понятия не имела о том, что такое гипногенная теория сна и поэтому сочла за лучшее кивнуть так, как будто всё было предельно ясно.

- А ты что видела во сне? – спросила, наконец, Мишель, покончившая с завтраком

- Да примерно то же самое – ответила Софи – только вместо профессора там был магнитофон

- Вот видишь – я оказалась права. Мы вчера вместо того, чтобы сделать доклад, получили проблему. А, как известно, во сне человек

пытается решить проблемы, мучающие его наяву, избавиться от них. Поэтому и сны были примерно схожие

- Кстати сказать, как нам быть с «экспозе ораль»? – озабочено спросила Софи

- Ничего страшного – дома найдем что-нибудь подходящее. Не может же быть, чтобы в Париже не нашлось пары сумасшедших англичан или американцев, которые могли бы послужить аудиторией. Кстати сказать, ты помнишь, что у нас семичасовой «Евростар»⁵?

- Конечно. Мне нужно на сборы часа полтора. А потом предлагаю прошвырнуться по магазинам напоследок

- Хочешь прикупить какую-нибудь дерюгу от Джона Гальяно?

- Разумеется – рассмеялась Софи – парочку. С моим бюджетом если что и покупать здесь, так это именно Гальяно. Хотя у меня был огромный соблазн купить ту меховую ночнушку, которую мы видели на днях, помнишь? Леопардовая. Она бы очень подошла для Франсуа. Он меня вчера разозлил пару раз.

- Ну, после этого ты как честная девушка должна будешь выйти за него замуж – захохотала Мишель

- Вот ещё - фыркнула Софи – я вообще после вчерашнего с ним не разговариваю!

- А он об этом знает?

- Нет, конечно! Как он может узнать, если с ним не разговаривают. Сама подумай!

9B

О близости любви и смерти сказано так много, что молчание о близости любви и бессмертия, кажется, по меньшей мере, подозрительным. Один осознаёт, как он наполняется жизнью, находясь рядом с объектом любви, другой – сгорает в гибельном пламени *mortido*, но сколько приближаются к осознанию того, что благодаря другому, они начали чувствовать своё бессмертие? Истинное бессмертие,

⁵ Скоростной поезд между Лондоном и Парижем идёт в туннеле под проливом Ла-Манш

убежденность в том, что «Я пребываю извечно». Существует большая разница между осознанием своего бессмертия на интеллектуальном уровне и глубинным проживанием или, мы бы сказали, примордиальным воспоминанием о мире Духа.... Признания вроде «только с тобой я понял, что такое жизнь» или «полюбив тебя, я вкусил смерти», меркнут рядом с «благодаря тебе я обрёл своё бессмертие»; два первых признания немыслимы в отрыве от земного, человеческого, а значит тленного, преходящего, ибо подразумевают собой Альфу и Омегу, начало и конец, рождённое и гибнущее. Третье – не знает никаких бинарных пар, ему чужда любая дихотомия, оно отвергает время. И если эта любовь вынуждает искать близости с объектом любви, сие объясняется жаждой бессмертия, перманентного пребывания в упомянутой убежденности, когда сама Кровь чувствует каждое движение, каждый вздох, каждую мысль другого человека.

10А

- Смотри, это он!

- Кто?

- Ну как кто, тот самый профессор – сказала Мишель – причем он садится в наш вагон

- Какая прелесть – рассеяно сказала Софи, которую в этот момент более всего занимал вопрос, угадала ли она с размером блузки – надеюсь его места будут достаточно далеко от наших. В противном случае, боюсь, что мы обречены на продолжение лекции.

Однако места профессора и его помощницы оказались строго напротив. И хотя ни Софи, ни Мишель не особо жаждали активного общения, но разговор волей-неволей завязался.

- Не мог ли я видеть юных леди где-либо раньше? – первым делом спросил профессор.

И понеслось.

Мишель не упустила случая съязвить насчет лекции, но профессор совершенно не обиделся и через минуту они уже оживленно болтали о какой-то ерунде про Грааль и Дионисийские мистерии, тем более что профессор довольно бойко говорил по-французски.

Правда, Софи показалось, что в своей речи проскользнула пара странных оборотов то ли на ангума⁶, то ли на бургундском диалекте. Это было несколько удивительно, ведь он по идее должен был учить классическое литературное произношение. Но Софи, если честно не придала этому значения. Она не слишком участвовала в общей беседе (впрочем, когда слово брала Мишель, вставить в разговор свою реплику было задачей не слишком простой), а больше рассматривала спутницу профессора – высокую, худую и на вид довольно хмурую женщину, которая представилась Эвелиной и потом сидела молча, уткнувшись в свой ноутбук.

Профессор между тем предложил выпить чай или кофе, Мишель с жаром согласилась, и они вызвались сходить в буфет принести что-нибудь для всех, потому что столики там наверняка все уже заняты.

Софи и Эвелина остались наедине и, поскольку дальше молчать было неудобно, Софи спросила:

- А вы давно работаете с профессором?

- Через месяц будет семь лет – рассеяно ответила Эвелина. Её голос оказался довольно приятным и спокойным – но мне иногда кажется, что прошла целая вечность

- Вы англичанка?

- Скорее нет, чем да – коротко Эвелина и опять зависла – Я родилась далеко отсюда, но в Англии живу с шестнадцати лет – добавила она после небольшой паузы.

«О-ля-ля, вот и поговорили!» - подумала Софи – когда же я, наконец, научусь общаться с иностранцами. Вот что значит другая культура»

- Прошу меня простить - продолжила Эвелина - но профессор, как всегда внезапно, дал мне срочное задание.

- Да он у вас, судя по всему, вообще внезапный мужчина. Мы до сих пор с Мишель находимся под впечатлением того, как он эффектно исчез с лекции

- Ах, это – улыбнулась Эвелина и это получилось у неё как-то искренне и совершенно обезоруживающе – ничего не поделаешь. Я сама не до конца привыкла к его выходкам

- Но он мог хотя бы закончить историю!

⁹ Юго-западный диалект французского языка в настоящее время мало распространенный

- Вы знаете, это вряд ли. Скажу вам по секрету, он иногда так и задания мне дает – на полпути остановился и поди пойми, что все-таки необходимо сделать.

- Нелегкая у вас работа – засмеялась Софи – но у этой истории хотя бы существует окончание?

- О да! Кстати сказать, я могу попытаться хотя бы частично компенсировать возникшие неудобства. У меня печатный экземпляр доклада профессора, если хотите я вам его дам. Вы же читаете по-английски!?

Софи кивнула и через минуту перед ней на столике лежала увесистая распечатка, переплетенная железной пружиной, на титульном листе которой красовалось «Подлинная история Алисы Лидделл»

- Ничего себе! Воскликнула Софи – боюсь я не так хорошо читаю по-английски, чтобы осилить всё это за час с небольшим

- Если вам понравится, вы можете взять её с собой

- А как же профессор?

Эвелина махнула рукой:

- Я думаю он и не вспомнит про него. Ибо в данный момент они с вашей подружкой кажется нашли более интересную тему. Так что ещё дня три или четыре ничто другое кроме Грааля его волновать не будет. А за это время я ему распечатаю новый экземпляр, если он о нём вообще вспомнит.

11

«Сцена номер три: Алиса, говорящие лилии и Белый Рыцарь».

«Бог, если конечно это был он, придумал всего одну вещь – равновесие. И ещё зеркало. Нет, все-таки итога получается две. Поэтому в конечном итоге: сколько ты отдашь, столько и получишь. Просто можно поменять. Например, чувства на деньги и наоборот. Но при этом гарантированно проиграть в любом случае. Вторая неприятность заключается в том, что ты получишь своё, скорее всего, тогда, когда тебе это не особенно нужно. Либо ты не сможешь это оценить

в полной мере. А отдавать придется из последних сил, в тот момент, когда к этому меньше всего готов.

При этом важно понимать, что расплата неизбежна. Как за хорошее, так и за плохое. Просто она может произойти не в этой жизни, а потом. На той стороне или в следующей жизни. Но это скорее исключение из правила. Есть еще один способ – не брать ничего и ничего не отдавать. Многие, кто хотел бы обмануть равновесие так и поступают. Но штука в том, что после этого жизнь сразу прекращается. Замирает на нуле.

Зеркало Бог придумал для тех, кто хочет провернуть – так ли всеильно равновесие? Нет ли какой-нибудь возможности его обмануть и выгадать что-то для себя сверх положенного. Правильный ответ – нету. Но человеку свойственно верить в любые глупости, лишь бы настоять на своем. Получить больше, чем отдал...»

Так говорил Пудинг, а Нахер и Алиса сидели и слушали. Пудинг, строго говоря, вещал постоянно, но по-настоящему внимательно слушали его сравнительно редко. Нахер утверждал, что в Пудинга при выпечке засунули радиоприемник. Тогда радиоприемники были довольно примитивные, не то, что сейчас. Ни о какой настройке речи даже не шло. В итоге управлять вещанием можно было только одним способом – треснуть хорошенько Пудинга, чтобы антенна внутри него немного сдвинулась и попала какая-нибудь другая волна.

«Беда в том - говорил обычно Нахер - что когда я, преследуя вышеуказанные цели, бью Пудинга, он считает, что это банальная драка, норовит дать сдачи, и в итоге совершенно невозможно предсказать на что именно он переключится»

Алиса обычно замечала на это Нахеру, что когда он начинает нести какую-нибудь ересь, то его бей не бей – веселее от этого не становится. Но сегодня разговор не клеился. В предчувствии весны все в Зазеркалье становились какими-то молчаливыми и сосредоточенными. Снег уже практически сошёл и скоро пора было Алисе Объявлять Весну. Может быть, дело было именно в этом.

«Закон сохранения энергии – продолжал Пудинг – также означает, что обмен между Зазеркальем и Предзеркальем всегда должен быть эквивалентным. Пусть не ежесекундно, но в долгосрочной перспективе. Если, например, к нам пришла королева Алиса, то неизбежно когда-нибудь из Зазеркалья должно что-то исчезнуть, перейти в Предзеркальный мир.»

- Выходит, я могу уйти обратно? – с удивлением подумала Алиса. Вчера ей так хотелось домой, а сегодня эта мысль её почти опечалила. Но мысль получилась достаточно громкой. Настолько громкой, что в округе проснулись все, включая говорящих лилий.

- Не факт, милочка – послышался из палисадника высокий и до омерзения писклявый голос Старшей Лилии - Неужели вам неизвестно, что при переносе вы потеряете часть энергии, и если повезет, то окажетесь на той стороне без руки или ноги. Да еще и дряхлой старухой – было слышно, как Лилии дружно захихикали.

- Пудинг, как ты думаешь, может нам все же прополоть грядки? – нарочито тихо, чтобы все услышали, шепнула Алиса. А то наши старушки, я смотрю, совсем страх потеряли. Отправим их в качестве искупительной жертвы на ту сторону.

- Я представляю – сказал Нахер – там они вернее всего превратятся в кусок дерьма. Предстанут, так сказать, в своем истинном облики

- Что из дерьма вышло, пусть туда же и вернется – подытожил Пудинг - аминь.

- Ну, какие же вы грубияны – как можно более елейным голосом сказала Алиса – я же просила не ронять мою королевскую честь. Можно же найти синонимы – перегной, компост. Учишь вас, учишь хорошим манерам, а толку ноль.

Лилии не на шутку перепугались. Неизвестно чем бы все это для них закончилось, но ситуацию спас Белый Рыцарь. Стараясь как можно более величественно восседать на своем коне с царпиной на левом боку, он появился на вершине западного холма и торжественно произнес:

- Всемилостивейшая королева Алиса! Пришел час, когда ты должна объявить приход весны! Готова ли ты?

- Готова, белый рыцарь, готова – у Алисы вдруг испортилось настроение – то ли от предстоящей занудной церемонии, то ли еще от чего – и она как будто действительно превратилась в Королеву: пре-
существенную и надменную.

- Нахер, проводи господина Рыцаря в оранжерею – молвила Королева Алиса. Именно не сказала, а молвила.

Нахер удивленно уставился на Алису, поразившись произошедшей в ней перемене, а потом заорал что было сил, чтобы никто не услышал:

- Зачем его провожать? Он первый раз что ли? Дорогу запомнить не может, дуболом несчастный.

- Вот именно поэтому и проводи – также громко ответила Алиса – он же деревяшка, откуда у него мозги.

- Что вы там бубните? – спросил Пудинг

- Да ничего – уходя, ответил Нахер – сейчас Рыцарь цветочков нарвет, церемония будет. Ты главное лото не забудь. А то со скуки помрём.

12А

Софи с удивлением помотала головой. Поезд прибывал на Северный вокзал. Пассажиры уже толпились на выход, а над ухом у нее громко что-то обсуждали Мишель и профессор, по всей видимости крайне довольные друг другом.

- Дорогая, я смотрю ты совсем погрузилась в свою книгу – бросила на ходу Мишель – собирайся мы почти приехали!

Софи посмотрела на Эвелину

- Вам понравилось? – спросила Эвелина

- Аж челюсть отвисла – честно призналась Софи – я не знаю правда понравилось или нет, но ...

- Берите-берите – сказала Эвелина и опять как-то по-особому улыбнулась - в этом нет никакой проблемы. Тем более что в ближайшее время мне, судя по всему, придется принять живейшее участие в обсуждении перипетий судьбы рыцаря Персифаля

- Мне похоже тоже – сказа Софи, скосив глаза в сторону Мишель

- Я всё слышу – почти не поворачивая головы сказала Мишель – и настоятельно попрошу тебя не отпускать шпилек, а лучше всего: заказать нам такси, потому что я в данную минуту очень занята.

И продолжила, обращаясь к профессору:

- Приводимые вами аргументы, безусловно, весьма оригинальны, но я вынуждена заметить, что рассмотрение проблемы с подобного ракурса не позволяет оценить её во всей полноте и многогранности...

13B

Почти все свои сны я вижу глазами мужчины. В иные моменты меня сопровождает женская фигура. Она любит лабиринты, башни, горы и винтовые лестницы. Глазами женщины я смотрю свои сны чрезвычайно редко (когда я ощущаю себя в лунном теле женщины, я, как правило, спешу удостовериться в этом посредством зеркал). Все архетипические фигуры, которые встречаются мужчине, присутствуют в моих сновидениях и визионах. Разделяясь во сне на женщину и мужчину, я постигаю таинство андрогината. Ради сохранения баланса начал, а также с целью предотвращения тотальной доминации “внутреннего мужчины” я усиливаю свою “внешнюю женщину”. Пока продолжается их противостояние и взаимодополнение, я нахожусь по ту сторону пола, и это положение меня полностью устраивает.

14A

- Ооооооооох! – выдохнул Франсуа

- О, дааааа! – в том ему повторила Софи. В принципе это действительно было «о, да!», но все же, не такое мощное, как у них порой случилось

Франсуа издал немного странный звук (Софи пришло в голову, что он хрюкнул и она чуть не прыснула со смеху) и повалился рядом на свободную подушку.

- Ты мой тигр – нежно сказала Софи

- Вообще-то я думал, что лев – для порядка обиделся Франсуа

- Сегодня ты тигр – строго ответила Софи – и вообще, я же тебе сколько раз говорила: не спорь со мной никогда!

Франсуа кивнул

- Кстати говоря, ты знаешь, что тигр по китайскому гороскопу – это взлетный знак?! – продолжила Софи

- Китайские тигры летают? Никогда бы не подумал!

- Нет, конечно. Но люди, рожденные под этим знаком, рвутся к неведомому, готовы к вызовам и все такое. В общем, полет мысли и фантазии.

- Да, я такое люблю.

- Ну так ты и родился в год Тигра. Поэтому ты мой тигр и есть – сказала Софи и поцеловала Франсуа. Тот было зарычал как тигр и попытался снова схватить Софи, но она ловко увернулась и убежала в ванную

- Не вздумай тут заснуть в моё отсутствие – сказала она - У меня есть к тебе очень важный разговор.

Но Франсуа, конечно же, как обычно заснул. Выйдя из ванной Софи, застала его мирно посапывающим и расположившегося на кровати строго по диагонали.

«Поросенок ты, Фа-фа, а не тигр» - подумала Софи – «вот и веди теперь важные разговоры с кем хочешь»

Она накрыла Франсуа одеялом и пошла к окну, за которым уже было особо ничего не видно, кроме ночных огней. На подоконнике лежала та самая распечатка, которую ей в поезде отдала Эвелина. За это время она успела прочесть её раза два или три. Текст, кстати, оказался также не полным – не хватало, по-видимому, нескольких финальных сцен.

Сначала Софи показалось, что это очередное продолжение сказки Кэрролла, коих на самом деле выходит по мешку в год и ничего интересного в них, как правило, не содержится. Авторы таких книг пытаются переощеголять первоисточник в околёсице, или же наоборот, все объяснить и расшифровать. Но в любом случае в финале Алиса у них вырастает в прекрасную девушку и выходит замуж за лирического героя, подозрительно напоминающего самого автора.

Однако, в данном случае первое впечатление было ошибочным. Хотя ахинеи профессор нанес никак не меньше, чем Кэрролл, но в ней всё же была какая-то интрига. Софи подумала, что пора идти спать, но вместо этого зачем-то снова открыла наугад книгу:

15

Сцена номер четыре: Алиса объявляет Весну.

Белый Рыцарь поставил коня на тормоз, извлек откуда-то из-под седла букет говорящих лилий и с видимым усилием, опустившись перед Алисой на одно колено, произнес: «Разреши вручить тебе прекраснейшая королева этот букет и припасть к твоим ногам...»

- Дом в дым, дым в даму, а дама в маму - назло Белому Рыцарю тут же забубнила Черная Королева.

Но тот, по счастью, был глуховат и ничего не слышал. Его речь согласно этикету, вообще-то предполагалась длинной и цветистой, но то ли оттого, что повторял он её уже в неизвестно какой раз, то ли от перепадов давления в связи с переменной погоды, звучала она монотонно, и всех откровенно клонило в сон. Лилии так просто неприлично зевали. Пудинг и Нахер устроились за троном играть в лото, да и Алиса постепенно начала клевать носом, пару раз чуть не уронив корону, а с ней и королевскую честь. Но, слава богу, мир устроен так, что всё когда-нибудь кончается, в том числе и торжественная речь Белого Рыцаря.

- ... и пусть наша досточтимая Королева в эту знаменательную ночь равноденствия вновь объявит приход Весны!»

Все облегченно захлопали.

- Ах, Весна! – неестественно радостно защебетала Белая Королева – Пора обновления, пора любви!

- Дырку просверлить не забыла? – по обыкновению передразнила её Черная Королева – какая еще пора любви, тебе пора на свалку!

- Вам, милочка этого не дано понять – с максимально возможным презрением в голове сказала Белая Королева и достала из складок мантии подозрительно похожий на заточку жезл, вероятно с целью побольнее ткнуть им Черную Королеву - Вам ведь, голубушка ...

Алиса подняла руку, и все сразу же замолкли. Нахер, правда, при этом уронил фишки от лото.

Черный Рыцарь, доселе молчавший, вышел на два шага вперед и произнес: «Внесите зеркало!».

Теперь, согласно ритуалу, Алиса должна была произнести заклинание и объявить приход весны. Чтобы та пришла в Зазеркалье. Ничего сложного.

Лев и Единорог, специально вызванные для этого случая, торжественно внесли старое зеркало, без рамы и с облупившейся от времени и влаги задней поверхностью. После зимней спячки они были немного тормозные, но это и к лучшему - устроить битву за сезон им предстоит минимум два раза четыре. Зеркало чинно вплыло в залу и Алиса, проковыляв на фантастически неудобных туфлях, положенные 15-20 метров, подошла к нему.

Взглянув в зеркало, Алиса вдруг увидела с той стороны ребенка. Маленькую девочку лет 3-х или 4-х, держащую в руках плюшевого зайца, с вытаращенными от удивления глазами.

- Зай-Заяш, ты видел? – не своя глаз с Алисы, тихонько прошептала девочка, обращаясь видимо к зайцу.

- Привет. Как тебя зовут? — спросила Алиса

- Его зовут Зай-Заяш – сказала девочка, показывая на зайца.

- А тебя?

- А меня – не скажу.

- Ну как хочешь. А меня вот зовут Алиса.

- Ты королева? Настоящая?

- Да. – Алиса непроизвольно улыбнулась – Тут у нас есть ещё две королевы, но я среди них главная.

- Приятно познакомиться – вдруг с совершенно взрослой интонацией сказала девочка - А мы с бабушкой зайцу тоже приклеили корону, но она отвалилась. И у него теперь голова грязная. И мама с папой ругаются.

Алиса улыбнулась и вдруг поняла, что говорить, собственно, не о чем. Но просто так взять и прервать разговор было бы невежливо. Поэтому она задала стандартный вопрос, совершенно не догадываясь о том, какие это за собой повлечет последствия:

- А ты сейчас в Лондоне?

- Нет, мы на море, – затараторила девочка - на этих на Филипах ...

- На Филиппинах – поправила Алиса

- Ну да, мы приехали на море, тут отель называется Alice in Wonderland, я первый раз в отеле, мама говорит, что отель так себе, но что тут был большой праздник на Новый год, но мы опоздали. А так хотелось посмотреть, как приходит Миллениум...

- Миллениум?

- Ну да Милениум. Папа сказал, что сменился год век и тысячелетие, а мама сказала, что на самом деле это будет в следующем году, потому

что двухтысячный год должен пройти, чтобы на самом деле всё сменилось, а папа сказал: неважно, а мама сказала ...

- Погоди, какой ты говоришь год?

- Двухтысячный. Я не знаю, что это такое, но так папа сказал, а я умею считать только до 7, потому что мне не нравится цифра 8 – сказала девочка - И Зай-Заюш не умеет – он только до 4-х. А ты правда в зеркале, или просто мне снишься?

Чтобы не упасть, Алисе пришлось за что-нибудь схватиться, и потому она чуть не опрокинулась вместе с зеркалом. Новостей было слишком много.

- Конечно, я тебе снюсь! Сейчас ты пойдешь и во сне ещё раз заснешь и вам приснится как вы с Зай-Заюшем пойдете в школу и получаете там хорошие оценки. Скажи только – зеркало, перед которым ты стоишь - какое оно

- Такое старое в коричневой раме. Тут в отеле все новое, а зеркало старое. Мама сказала, что это неуважение – ставить старое зеркало и что она больше никогда сюда не придет и папе не позволит....

- Постой ... Там наверху на раме есть цветок, лилия? С отбитым нижним лепестком?

- Да.

- Хорошо. Иди спать. Спокойной ночи тебе и Зай-Заюшу. Ты сейчас заснешь, а когда проснешься, то сразу же вырастешь и тоже станешь королевой.

- Такой же, как ты?

- Гораздо лучше. А Зай-Заюш вырастет в большого и важного зайца. И будет главный среди зверей.

- И ему тогда вымоют голову?

- Обязательно. А теперь иди.

Алиса послала девочке воздушный поцелуй. Девочка улыбнулась и, запихнув подмышку зайца, не прощаясь, убежала.

В зеркале снова отражалась Алиса, но лучше бы ей в этот момент было себя не видеть. От страха и отчаяния даже ноги в королевских туфлях перестали болеть. Поворачиваясь, Алиса успела подумать о том, что не очень удивится, если никого за спиной не окажется. Но вся компания была на месте. Правда, выглядели они как-то странно. На их лицах присутствовало совершенно осмысленное выражение, от привычного идиотизма не осталось и следа.

- Вы все слышали? – спросила Алиса. В общем-то, это и так было понятно, но надо же было что-то сказать

- Да Королева – просто ответил Белый Король. Мы не хотели тебе говорить, боялись, что ты умрешь, но видишь, как все получилось – зеркало само дало тебе ответ.

- То есть вы всё знали?

- Конечно.

- И что прошло больше ста лет?

- Да. У нас есть нормальные часы – мы, в общем и целом, знаем, что происходит на той стороне. Там действительно сейчас двухтысячный год.

- И значит, мне некуда возвращаться?

- Да, Королева. Твой дом снесли, твои родственники либо умерли, либо разъехались, а зеркало, через которое ты пришла сюда, теперь находится на Филиппинах, в отеле, который носит твоё имя, вернее имя книги, которая была написана в честь твоего путешествия в Страну чудес. Они приобрели его по случаю лет 8 или 9 назад. Правду сказать, оно действительно там не к месту. Раньше зеркало находилось в похожем отеле в Америке, а еще раньше его вывезли во время Великой Войны из Англии.

Алиса, шатаясь, добрела до трона и села, хотя тут уместнее сказать «плюхнулась» или «рухнула». Некоторое время все молчали. Наконец Алиса собралась с силами и спросила:

- Так вы все это время морочили мне голову?

- Нет – сказала Черная Королева – мы исполняли свои роли, также, как и ты. Голос Черной Королевы звучал непривычно ясно и чисто без привычного сварливого дребезжания.

- Каждый из нас – сказала Белая Королева – попал сюда также, как и ты. А до этого у нас была совершенно другая судьба. У каждого своя. Я, например, была королевой Коннахта, а потом Василисой, ведуньей Великого Леса.

- А я Торесмундом, королем Белой Геты – Белый Король едва заметно улыбнулся.

- А я был сначала оленем, потом лососем, а потом Хун-Хун-Ахну, одним величайших героев народа майя-киче – сказал Белый Рыцарь

- А меня, как только не звали - Лилит, Билькис, Альмака, Македа, - усмехнулась Черная Королева – И чего только про меня не сочиняли.

На самом деле мое имя - Ирис, я дочь Счастливого Йемена, а большую часть своей жизни прожила на Черной Земле Птаха.

- А тебя как звали Черный рыцарь? - спросила Алиса.

- Меня звали Лягва Одихмантьевич, и я где только не жил. Правда, я никогда не был королем.

Алиса вопросительно посмотрела в сторону Пудинга и Нахера.

- Не, не, не, мы тут не причём – обиженно заявил Пудинг. Это они там себя выдают невесть за кого, а мы не такие. Я вот Пудинг, а он, соответственно, Нахер. Ты нас призвала, и мы теперь будем с тобой.

Нахер, словно в подтверждении сказанного, снова рассыпал только что подобранные фишки, но ничего не добавил.

- Королева, он говорит правду – сказал Белый Король – ты их оживила. Никто из нас не может никого оживить. Именно поэтому ты и стала Королевой.

- И останешься ей – сказала Черная Королева – ибо теперь ты знаешь, что выбора у тебя нет.

Алисе вдруг расхотелось плакать. Алиса не могла больше удивляться. Алисой овладела апатия. Алиса встала с трона и просто безо всяких усилий, совсем по-королевски сказала:

- Хорошо. Сегодня воскресенье, к тому же мне надо отдохнуть. Но, начиная с завтрашнего дня, каждый из вас по очереди будет являться ко мне, и рассказывать свою историю. Да, кстати ... Алиса вдруг вспомнила, что надо было завершить церемонию. Повернувшись к зеркалу, она протянула руку и насколько смогла величаво махнула говорящими лилиями и произнесла: ПУСТЬ ПРИДЁТ ВЕСНА!

- Да будет так – эхом ответили все подданные,

- Да будет так - в унисон пропещали говорящие лилии в саду, птицы и звери в лесу, а также Турляля и Траляля в своем домике, Шалтай-Болтай на своей стенке и вообще все, кто мог хоть что-нибудь говорить во всем Зазеркалье.

- Да будет так - повторили со значением даже Пудинг и Нахер, хотя раньше они в подобных случаях никогда этого не делали.

16B

В течение многих лет я жила в состоянии внутреннего разрыва, который сводился к конфликту с современной эпохой. Желая видеть своими собеседниками Шеллинга, Ницше, Жерара де Нерваля, Антонена Арто, Лотреамона, Артюра Рембо, я отвергала своё время и строила стену между мной и современниками, ядовито отвечая миру: «Я не нуждаюсь в людях. Я нуждаюсь в людях, проходящих мимо». Лишь недавно я стала осознавать, что в эту эпоху, в самом конце цикла, словом, в мир, где всё еще слышится отзвук приговора «Бог умер», продолжают приходить люди, которые несут в своей судьбе, в своем мировоззрении, в своем творчестве семена новой эпохи. Это те, на чьи плечи легла нелегкая задача положить начало философскому и культурному возрождению. Вопреки сопротивлению времени, вопреки свинцу, не желающему превращаться в алхимическое золото, они несут в себе предчувствие возвращения богов

17A

- Знаешь – сказала Мишель – я очень переменялась после этой нашей поездки в Англию

Они с Софи сидели в «L'ecritoire», как раз недалеко от филфака. Лекции у бакалавров еще не закончились, а поток магистров уже схлынул, поэтому в кафе было относительно тихо.

- Мадемуазель понравился ирландский профессор? – спросила Софи

- Не говори ерунды! – Мишель была явно не в игривом настроении

- Если я дала отставку Гастону это еще не значит, что мне непременно понадобилось окрутить профессора

- Гастон, вроде бы, казался довольно милым

- На проверку он оказался круглый идиот – отрезала Мишель – так что довольно о нём.

- Прости, дорогая – сказала Софи – я вовсе не хотела тебя огорчить. Я просто не очень поняла, причём тут поездка.

- Если ты помнишь, тема моей магистерской диссертации - Священный Грааль

Софи утвердительно кивнула

- Знаешь почему я её выбрала?

Софи отрицательно помотала головой. Мишель отхлебнула изрядный глоток кофе и сделав паузу, будто собираясь с духом, продолжила.

- Это не простое любопытство. Священный Грааль – это если угодно крест нашей семьи. Все мои предки с тринадцатого века ищут этот проклятый Грааль.

Софи с некоторой иронией продекламировала:

Лишь в небесах определяли

Кто смеет ведать о Граале.

За что б тебе такая честь

Знать, что Грааль священный есть?!⁷

Однако Мишель похоже была настроена весьма серьезно.

- Примерно так – сказала она без тени улыбки – Я, по-моему, тебе говорила, что, хотя род Делагардэ уже много веков живет в Провансе, еще со времен готского короля Теодориха Великого.

- И неоднократно! – не слишком вежливо ответила Софи, состроив характерную гримасу

- Я иногда повторяюсь в последнее время – Мишель как будто пропустила шпильку - Так вот, все началось с Альбигойского крестового похода. Одни из моих предков, Гийом Делагардэ обратился в веру катаров, стал «совершенным» и принял новое имя Кламен. Его брат Жиль, напротив, участвовал в крестовом походе в составе католических войск и участвовал во взятии Тулузы, Каркасона, еще многих других крепостей и, наконец, в знаменитой осаде Монсегюра, положившей конец альбигойской ереси.

- И там он встретил своего брата?

- Как раз нет. Перед сдачей крепости альбигойцы организовали побег четверых человек, в числе которых был и он. Один из альбигойцев, шевалье Арно-Роже де Мирпуа, родственник владельца замка так сообщил об этом трибуналу: «Бежавших звали Гюго, Амьель, Экар и Кламен. Это были четверо Совершенных. Я сам организовал их побег,

¹⁰ Цитата из романа «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха (1210)

чтобы они унесли наши сокровища и сверток, в котором заключались все тайны катаров».

- И куда же они бежали?

- Не всё так просто, дорогая. Они не то, чтобы бежали, а просто исчезли, растворились. Их более никто и никогда не видел: ни во Франции, ни в Наварре, ни в Испании, ни где-либо ещё. Также неизвестно, что именно это были за реликвии, но практически все сходятся во мнении, что в Монсегюре хранился именно Священный Грааль.

- Я что-то припоминаю – сказала Софи – хотя, честно говоря, никогда не интересовалась альбигойцами. Но разве не могли они просто погибнуть ночью в горах? Сорваться с обрыва вместе с поклажей. Может быть всё это там и лежит до сих пор где-нибудь.

- Вряд ли – возразила Мишель – Жиль Деллагардэ, который был очень зол на своего брата, немедленно бросился в погоню с большим отрядом. Когда они добросовестно обшарили все дороги и убедились, что беглецов нет и в помине, они попросили подкрепление и принялись за обследование ущелий, пещер и вообще любых закоулков, где могли укрыться беглецы или где могли найтись хоть какие-то следы их пребывания. За две недели, которые были даны защитникам Монсегюра для подготовки к восшествию на костер, ничего обнаружить не удалось. Не нашлось ничего и впоследствии уже в самой крепости. Четверо взрослых мужчин просто исчезли, не оставив никаких следов!

- Как такое может быть?

- В том то и дело, Софи, в том то и дело! Жиль Деллагардэ решил, что их сделал невидимыми Святой Грааль. И дал перед лицом Господа обет посвятить свою жизнь поискам этой реликвии. Далее поиски продолжил его сын, потом внук и все остальные потомки. Включая, разумеется, меня.

Софи ничего не говорила, но при этом очень внимательно посмотрела на Мишель.

- Я знаю, ты, наверное, решила, что я сумасшедшая – продолжала Мишель – но это не так.

- Я ничего такого не имею в виду – ответила Софи – просто твоя история слишком необычна. Продолжай, прошу.

- Сложность в том, что никто точно не знает, как выглядит Грааль. По словам одних — это скромная чаша со стола апостолов. Другие го-

ворят, что она из золота и украшена драгоценными камнями. По уверениям третьих это кубок, выточенный из изумруда. Кто-то говорит, что Грааль вообще не существует в материальном мире.

- Как же тогда это вообще можно искать?

- Ну, поначалу искали людей. Медиумов способных видеть скрытое, это правда, не увенчалось особым успехом. Потом занялись письменными источниками. В нашем фамильном замке собраны все возможные исторические и литературные источники, связанные с Граалем.

- Неужели?! Ты живешь в замке? – удивилась Софи

- Это громко сказано – живу. Там хранятся реликвии, а хозяйева мотаются по миру. Видимо даёт себя знать кровь предков-готов.

18B

Украдкой ходил я к Башне Молчания, пугая проворных грифов; ни одни ворота не открылись, и я постучался в небо. Будут ли силы отвергнуть приглашение, кода я найду свой единственный дом? Ненавидь меня самой бесчеловечной жалостью, опиши все подвиги, которые я не свершала; великий мистификатор останется таковым даже за пределами слова. За дрожью, терзающей моё горло, сокрыта железная хватка арахнофобии, будь у меня десятки ног, я и тогда не убежал бы от тебя. Когда мы выплёвываем жизнь, нас не становится меньше. Как кентервильское привидение я гремлю цепями своих привычек и проклятый пятновыводитель стирает из памяти все твои следы, оставляя на сердце моём язвы. Ничто и ничтожество – такие разные люди, но мы далеки от них в своём порыве быть нечто. Меня всегда было трое, а считать я научился только сегодня, я ощущаю себя Каином опьянённым, моя триадичная мысль собрана в целое. Я вижу, приближается человек, и жить ему суждено не мало...

19

Сцена номер шесть: Алиса слушает Белого Короля

Алиса, Пудинг и Нахер сидели в саду в летней беседке за столом, накрытым синей скатертью с крайне серьезным выражением лиц. Собственно, скатерть – это была идея Пудинга (он сел по правую руку от Алисы), а на выражении лиц настоял Нахер, расположившийся соответственно слева. Но Алисе ничего специально делать не приходилось – лицо приняло необходимое выражение как бы само собой безо всяких усилий.

Белый Король тоже был весьма серьёзен.

- Присаживайтесь, ваше величество – сказала Алиса. Ведь вы действительно были король и на той стороне?

- Да, королева.

- Как вас тогда звали?

- Торесмунд Эйрих Химернит – младший, сын Фридериха Злого и Аргирре Багряной

- Как?! - Пудинг едва не поперхнулся, хотя вроде бы во рту у него ничего при этом не было – Торе-Эрих как?

Белый Король снисходительно улыбнулся:

- Язык моего народа давно забыт, я не буду утомлять вас непривычными для вашего уха звуками. Я был избран королем того народа, который вы знаете как вестготы, хотя это не совсем верное название. Мы себя называли: Белая Гета, потому что изначально жили севернее других родов, где снег лежит очень долго. Но это было слишком давно. Я родился уже в степи, на краю Ойума, недалеко от Черного моря. Мои родители были вынуждены бежать туда из-за кровной мести. Там умер мой отец, и мы с матерью похоронили его в море по обычаю наших предков. Потом я поехал к дяде в Италию, и получилось так, что за короткий срок от мора погибли все вожди Белой Геты, и мне в неполных двадцать два года пришлось возглавить свой клан. Жизнь получилось беспокойной – я минимум четыре раза терпел поражения в крупных сражениях и едва уберегся от врагов, два раза спасался от резни, которую устраивали мои вчерашние союзники. Но при этом, я пережил всех своих врагов, дожив до почтенных лет, и выиграл, по меньшей мере, дюжину битв. Возможно, поэтому

о многих эпизодах моей жизни и сложили легенды, которые дошли до сегодняшних дней. Хотя, по правде сказать, правды там не сильно много.

- Почему вы оказались здесь? – спросила Алиса.

- Вероятно потому, что я совершил поступок, которому никто не в силах дать оценку.

- Он был настолько ужасен? – спросил Нахер

- Нет, когда человек делает что-то однозначно плохое, его дальнейшую судьбу определяют достаточно быстро. Также, как и в том случае, если он совершал добрые дела, либо вообще ничего важного в жизни не сделал. Но если плохое и хорошее сложно переплетено между собой и, кроме того, нарушены Основополагающие Правила - Король слегка занулся и вздрогнул - то Канцелярия порой принимает странные решения.

- Как? Канцелярия? – удивилась Алиса – а разве это не Бог и архангелы принимают решения?

- Королева, – Белый Король на секунду замолчал и провел рукой по подбородку – дело в том, что в Предзеркалье так рассказывают о Боге, Небесных Вратах и всём прочем так, как это наиболее понятно людям. Но это не то, что есть на самом деле. По крайней мере, я не видел ни Небесных Врат, ни апостолов, ни Бога.

- Расскажи, что ты видел, когда умер – едва ли не хором сказали Пудинг и Нахер.

- Хорошо – сказал Белый Король.

История Белого Короля о том, что он увидел на Той Стороне.

Я умер достаточно глупо: замёрз. Мы по случаю удачного набега на бургунов банально перепились (впрочем, было отчего: мы не только сумели славно пограбить Женеву и Берн, но и заманили в засаду погоню, перебив большую часть преследователей) и я проспал два дня. А первой ночью выпал снег, и никто топить замок не подумал. Равно как и найти меня. В общем-то, я сам виноват: я так долго распускал слухи о своей мужской доблести, что все в это поверили. И когда я пропал, решили, что я уединился с дочерью бургунского графа – боялись беспокоить.

Смерть наступила во сне – я просто не проснулся. Когда все случилось, и душа покидала тело, я увидел себя со стороны и, честно говоря, расстроился: толстый, неопрятный, весь красно-сизый, да еще и пепельного цвета – до сих пор не понимаю, как так может быть одновременно.

Но грустить было решительно некогда – вообще надо сказать, что сразу после смерти впечатлений едва ли не больше, чем сразу после рождения. Так вот, о том, что я видел: Долину. Долина смерти, Долина покоя называл её мой отец. Но это не вполне верно, потому что ни Смерти, ни Покоя в том смысле, как это понимают в Предзеркалье, нет.

Самое интересное то, что в Долине хоть однажды был почти каждый, но ... почти никто об этом ничего достоверно не помнит. Бывают случаи, когда случается какой-то сбой, и через поставленную защиту пробивается какой-нибудь эпизод, кто-то вспоминает о чем-то, но природа мудра – обычно то, что удаётся нам запомнить и может быть положено на бумагу, совершенно не соответствует действительности. Ад, Рай и Чистилище, например.

В Долине всё устроено гораздо проще. Есть тело, есть душа. Тело – это только оболочка: когда оно изнашивается – человек умирает. Душа спускается в Долину и садится к своему Костру. В Костре каждый видит то, что ему больше всего не хватало наверху. Если наверху ты искал любовь и так и не нашел, будет тебе любовь, много любви, такой как ты хочешь (главное точно знать, чего ты хочешь). Если тебе не хватало свободы – будет свобода. От всего. Ты сможешь побыть, кем пожелаешь: птицей, рыбой, пуговицей, слюдой в горах и т.д. Ты увидишь все это в своем Костре, и это будет только твой Костер и ничей больше. Сидящий рядом с тобой будет видеть что-то другое. Когда душа насытится видениями, она опять поднимается наверх. Но в кого превратиться – никогда заранее не знает. Это решает Канцелярия. Никто ее не видит, не знает, но периодически в Долине на небе загорается надпись, когда той или иной душе необходимо подниматься наверх. И внизу всегда подпись – Канцелярия. Вроде богов что-то, в смысле всеисильности.

- И что вы видели в своем Костре? – спросила Алиса.

- Дело в том, что мне нечего было желать – сказал Белый Король. Я был любим моим народом, я не получил власть по наследству, но при

этом мне не пришлось никого убивать, чтобы её захватить. Когда я стал вождем Белой Геты, мы стояли на пороге уничтожения – нас давили гунны с одной стороны, с другой бургунды, с третьей ромеи. Мой дядя и лучшие войны были убиты в междоусобице, нам нечем было кормить своих жен и детей и практически нечем их защищать. Мужчины были деморализованы либо вечно пьяны.

В жизни вообще мало место для чуда, но мы его совершили – через двадцать лет мы были сильны, от прежних проблем не осталось и следа: нас уже боялись соседи, а не мы их. А через тридцать лет моя казна была больше римской, причем я разделил её так между родичами, что междоусобица была исключена, а нарушать правила было просто никому не выгодно. Я совершил много жестокостей, но почти не делал подлости, что и сейчас и тогда представить довольно сложно, если ты управляешь государством.

У меня были прекрасные друзья, три любящие жены и шестеро детей. Причем с одной из жен мы сражались бок о бок, когда она была на шестом месяце беременности и при этом спасла меня от весьма вероятной смерти. Чего ещё желать? Мне всего хватало, но никто не может жить вечно. Поэтому в Костре я видел не то что хотел, а то, что было на самом деле. И это поистине ужасно. Вернее сказать, сначала все было неплохо. Я увидел расцвет нашей империи в правление моего младшего родственника Теодориха Великого, в котором Белая Гета сыграла не последнюю роль. Как говорится, сердце радовалось. Но потом моему взору предстали гораздо более печальные картины. Потому что я увидел, как деградирует войско Белой Геты, я видел, как многих воинов взял в плен византиец Велизарий при осаде Рима, я видел, как медленно угасает наш род и исчезает язык. Я видел, как воины теряют силу и мудрость, погрязая в междоусобице. И это было невыносимо. Я не мог помочь своему народу, я не мог защитить его! Да что там: я не мог пальцем пошевелить, я даже не мог понять со мной ли мой меч.

- А как звали твой меч? – спросил Нахер.

- Дружище! – Белый Король неприятно, совсем по-волчьи, ослабилась, и как-то недобро сверкнул глазами – Никогда, слышишь, никогда воин не назовет постороннему человеку имя своего меча. Примета плохая.

- Но ведь у Дитриха Бернского ... - начал было Нахер

- Ну, ты еще великана Экке вспомни – Белый Король неожиданно сменил тон и засмеялся как-то добродушно и почти совсем по-детски –

Это же глупые сказки для пьяных гостей на пиру. Должен же бард был что-то придумать. Да и потом: одно дело на пиру чушь нести, другое – реальный бой.

- Нахер, не отвлекай короля – вмешалась Алиса - Продолжайте, пожалуйста

- Положение моего народа становилось все хуже. Наконец вожди Белой Геты решили покинуть Италию и пробиваться обратно в Ойум, точнее даже восточнее – в Крым. Там тогда еще держалась Таврика, и в Мангупе можно было услышать речь наших предков. В той ситуации это было верное решение, но как же сложно оно давалось! Я видел, как до Дуная дошла лишь треть воинов и половина обоза. А авары, которые гнали нас как зайцев, знали свое дело хорошо: мы, в конце концов, оказались в ловушке. Примерно такую же я в свое время организовал для германцев у переправы через реку По. На самом деле это не сложно, разумеется, при наличии достаточного количества бойцов и минимальных мозгов у командира – ты нападаешь при переправе с двух сторон, и войны, не успев развернуться в боевой порядок, погибают, а обоз просто тонет, а ты потом вылавливаешь все ценное, разместив людей вдоль берега. Я не то чтобы плакал или ругался – если бы у меня были глаза они бы, наверное, лопнули, а зубы – стесались от злости и бессилия. Бессилие – это страшно, но пока ты жив — это трудно в полной мере понять.

И тут случилось чудо. Во-первых, я вдруг ощутил, что смог повернуть голову. Обычно, сидя перед Костром, ты ничего вокруг практически не видишь, я уже, кажется, упоминал об этом. А тут я повернулся, и увидел своего отца Фридериха.

Также я увидел не менее славных воинов: Теодориха Великого, Алариха, который взял Рим тогда еще бывший величайший из великих столиц, Рикимера, который совершил прорыв флота в Средиземное море за 150 лет до этого и разграбил Афины и еще многих – у меня если честно рябило в глазах – когда несколько веков сидишь и пляшишь на огонь поневоле теряешься при виде чего-то иного.

- А сколько прошло лет? – спросил Пудинг

- Я так думаю, что 400 или 500 - сказал Белый Король – точно не могу знать. Но главное - я вдруг понял, что могу встать. А ведь это немисливо на Той Стороне – встать ты можешь только если Канцелярия разрешит, перед тем как отправиться с новым назначением

на эту сторону. Но видимо в тот раз что-то недосмотрели, или не знаю, что уж там произошло, но факт: я стоял, я мог двигаться, со мной были мои родные и соратники. Они тоже смогли подняться. Я не знаю, кто первый заорал: вперед!!! Наверное, все одновременно. И мы пошли – прямо в Костер

Белый Король на секунду замолчал и пожевал губами, собираясь с мыслями, или может быть желая скрыть волнение, а затем продолжил рассказ:

- Мы очутились на левом берегу Дуная, ровно там, где это было нужнее всего. Надо сказать, что арьергард сражался отлично – они заняли выгодную позицию и дали переправиться основной массе людей. Им оставалось только самим погрузиться на плоты. А вот те, кто высадился на другой берег были обречены – на них двигалась кавалерия аваров числом около 200 человек и дальше еще шла пехота, состоящая из какого-то сброда, на вскидку два ромейских манипула, ну то есть максимум человек триста-триста пятьдесят. А на берегу им с позволения сказать «противостояли» человек 30-40 пацанов лет по 16, которые еле мечи-то держали. И с ними может быть 4-5 опытных воина. Все пешком, обоз в боевой порядок не выставлен, стоят как в чистом поле ... васильки. В общем чтобы их перебить у аваров на все про всё ушло бы минут 20-30 не более.

Так или иначе мы подросли очень вовремя. Но тоже следует правильно понять: я, откровенно говоря, не представляю, чем мы смогли бы реально им помочь. Имея в виду, что бестелесные призраки нанести урон всаднику в полном обмундировании, на несущемся во весь опор коне не могут. Разве что напугать. Да и напугать надо ещё успеть. У лошадей, как известно, середины не бывает: она либо боится хруста ветки за версту, либо, если это настоящий боевой конь, скачет куда нужно невзирая ни на что. А там были именно боевые кони, каждый из которых весит вместе со всадником в доспехах почти тонну. Несется на очень приличной скорости. Даже если ты дважды бессмертный и неуязвимый, тебя просто с дороги сдует ветром, который кавалерия поднимает. Я бы на месте аваров просто пёр бы вперед, внимания ни на что не обращая, и ничего бы мы не смогли сделать. Но тут просто повезло. Насколько вид у нас был страшный – судить не могу со стороны не видно. Возможно, свою роль сыграл не вид как таковой, а запах: смрад, копоть от Костра. Трава, кстати, под ногами жухла, было

дело. И птицы истошно оралы. Мы еще боевую песню затянули ну как умели: гортани то нет, вырывается не звук, а шипение. Я стоял в первом ряду, по правую руку Аларих и Рикемер, по левую Теодорих Великий и мой отец, и еще кто-то совсем древний, я даже не знаю, как его зовут.

- Видимо в совокупности это всё сработало – Белый Король довольно усмехнулся – аварские кони дружно как по команде повернули и понесли прочь. И, конечно, потоптали свою же пехоту. В общем пока суть да дело, обоз весь и арьбергарт переправился, все расставились и по большому счету уже аварам ничего хорошего не светило, потому что расклад сил принципиально изменился.

- А дальше? – Алиса и Пудинг зачаровано слушали Белого Короля. Нахер при этом опять сидел какой-то насупленный, но молчал, в разговор не вмешивался.

- А дальше оказалось, что язык за прошедшие 500 лет так изменился, что говорить то я говорю, а они больше половины слов не понимают. Сгрудились в кучу, дрожат от страха. Выбежал священник вперед, давай крестом в меня тыкать – изыди, мол, нечистая сила. Я ему говорю - я Торесмунд король Белой Геты, вот почти что император Теодорих Великий, вот Аларих, величайший король готов глава Объединенных Племен, мы вам помогли, конечно, но торопитесь, пока авары не опомнились. А они только поклоны бьют и талдычат свое ... «Исус спаси, Исус». Стрелять еще стали ... придурки.

- А вы что сделали? - спросила Алиса.

- Да, собственно, ничего особенного, моя королева. Я повернулся, плюнул с досады, хотел с отцом поговорить, коль уж такой случай представился, но вдруг все пропало: и Дунай, и Гета, и товарищи мои. И вот теперь я перед вами, правда, в виде шахматной деревяшки. Занозы теперь вот кушаю, когда дурно, да гонцов тренирую. Dixi.

- Получается вы здесь уже более тысячи лет?

- По меркам Предзеркалья так и получается. Но время по разные стороны зеркала течет неравномерно. Вы я думаю, уже имели возможность в этом убедиться, но в полной мере поймете это немного позже, когда поговорите со всеми.

- Скажите, а что это за поступок, которому нельзя дать оценку? – спросила Алиса – ведь как я понимаю, из-за него вы так страдали у Костра и все последующие события тоже, наверное, как-то связаны с ним?

- А я есть хочу – сказал вдруг Нахер.

- Ой, и я – подхватил Пудинг - Алиса, давай мы пообедаем, а потом Король нам дальше расскажет.

Белый Король недовольно сверкнул взглядом, однако, быстро взял себя в руки. Но промолчать было, видимо, выше его сил:

- Конечно Королева, аппетит добрых вассалов и в особенности их глистов надо уважать. Я подожду вас здесь.

- Сам ты глист – обиделся Нахер - А я хочу макароны. У нас есть макароны?

- Конечно есть – улыбнулась Алиса - Пойдемте.

Так Алиса, Пудинг и Нахер отправились в дом, чтобы доесть макароны. Ибо верна старая армейская мудрость: война войной, а обед по расписанию.

20А

- О чём ты задумалась? – спросил Франсуа – у тебя все хорошо?

- Да, вполне – ответила Софи – я просто немного устала. Провела сегодня почти два часа с Мишель.

- О, это само по себе нагрузка! Я с трудом могу выдержать её болтовню и десять минут. Ещё эти претензии на аристократизм и постоянные рассказы про Дионисийские лупонарии.

- Фа-фа, сколько можно повторять: не лупонарии, а мистерии! Лупонарий – это публичный дом. Но ты еще не в курсе последних новостей: у нее есть родовой замок!

- Быть этого не может! Наверняка называется Делагардэ?!

- Ну, разумеется, как ещё он может называться.

- Это уже чересчур! – Франсуа возмущенно фыркнул - Почему ты ей всё не выскажешь?

- Меня пока что-то останавливает. Кстати говоря, я её пригласила на салон в Ле Бурже. Ты вроде бы говорил, что у тебя остался приглашенный?

- Да, остался. Только с условием, что ты сама с ней будешь заниматься.

- Вот именно, поэтому я её и позвала. Ты опять станешь глух как тетерев и кроме своих самолетов ни на что реагировать не будешь.

Мне в прошлый раз хотелось тебя убить, насколько было скучно одной. Я даже подумывала тебя бросить после этого, но потом меня что-то отвлекло.

- Это точно, на авиасалоне ни о чём, кроме авиации! Но согласись, все остальное время я всегда готов услужить моей маленькой Софи

- Молодой человек, немедленно уберите руки! Тем более вы их не помыли

- Но это недолго исправить!

- Прости, милый, я хочу ещё немного позаниматься. Кстати сказать, по дороге я слышала истошные вопли из квартиры соседа. Видимо там начинался футбол

- Как я мог забыть! Сегодня же Лига Чемпионов. Я еще успею на второй тайм – Франсуа подхватил остатки ужина и бросился в соседнюю комнату – Я уйду, но я еще вернусь и тогда берегись, коварная Софи.

Софи послала Франсуа воздушный поцелуй, потом загрузила посудомойку и села за книги.

21.

Сцена номер семь: вторая история Белого Короля.

Белый Король, как показалось, за время их отсутствия даже не пошевелился: сидел в той же позе, и с тем же выражением лица. Напрочь отсутствующим, можно сказать - лишенным какого бы то ни было выражения.

- Ваше величество – окликнула его Алиса – мы вернулись.

- Да, королева, я готов продолжать – Король встрепенулся и опять его внешний вид несколько преобразился. У него во взгляде не было прежнего стального блеска, и его глаза, как показалось Алисе, потеплели и погрустнели. Собственно, последовавший рассказ к этой перемене вполне располагал.

История Белого Короля о поступке, которому невозможно дать однозначную оценку.

Мне придется начать с объяснений. Ибо слишком сильно изменились нравы за то время, которое отделяет мою эпоху от вашей, королева. Я говорю о женищинах. В моё время женищина не пользовалась очень уж большой свободой. Даже в домашних делах должна была слушаться главу семейства: дочь – отца, жена – мужа, сестра – брата. Но при этом род признавался живым и дееспособным, только если все его женищины были на месте, у очага. Если женищина попадала в плен, то это был едва ли не конец всего рода: совет старейшин мог расформировать род и лишить его права голоса. Поэтому перед сражениями женищины часто воодушевляли воинов, а во время особо важных битв могли повлиять на их исход, идя навстречу обратившимся в бегство мужчинам, оставивая их и побуждая сражаться до победы. Вообще, многие действительно важные решения принимались вождями только после совета с женой, хотя обычно это старались не афишировать. Но при этом, в обычаях нашего народа допускалось иметь одновременно несколько жен, если воин способен был их прокормить. Более того, если, например, ты женился на одной из сестер, а другая почему-либо не нашла себе мужа, то старший мужчина в роду был обязан по истечении определенного срока принудительно взять её в «младнице» жены и соответственно по возможности завести детей. Вне зависимости от того, хочешь ли ты этого, или хочет или нет этого сама женищина.

Как я уже упоминал, одна из моих жен, а точнее – моя первая жена, однажды сражалась бок о бок со мной, будучи беременной. И несмотря на это роды прошли благополучно. Она вообще была исключительная женищина. В мелочах довольно сварливая и нудная, в минуты настоящей опасности всегда поддерживала меня и не раз выручала. И хотя наш брак был заключен не по любви, а для прекращения кровной мести, которая длилась место между нашими семьями почти два десятка лет, в результате мы полюбили друг друга. И, наверно, жили бы душа в душу много лет до самой смерти, если бы не её сестра.

- От баб все зло – буркнул Нахер, но Алиса и Пудинг сразу зашикали на него, чтобы замолчал.

- Королева, вы зря ругаете Нахера – усмехнулся король – он не так уж и не прав. Я бы только с одним поспорил: в моем случае зло пришло не

от баб вообще, а от одной вполне конкретной. Её звали Амаласвинна.

- Ну и имечко – теперь уже не выдержал Пудинг – как вообще это можно выговорить?

- Мальчишки, я думаю, что ужасно невежливо так часто перебивать рассказчика – строго сказала Алиса.

- Ладно, мы больше не будем – сказал Пудинг, шмыгнув носом.

- Итак, её звали Амаласвинна, - продолжил Король - Амала. А мою жену - Матасунта, ласково я звал её Мату. Мату была, возможно, не первая красавица Белой Геты, то точно не из последних. Да и не в красоте дело: хотя её темно-синие глаза, и особая стать заставляла оборачиваться всех мужчин. Было в ней что-то колдовское, хотя я ни разу не видел, чтобы она прибежала к магии или чему-то подобному. Её сестра Амала хотя и не обладала такой красотой, но за счет той же самой внутренней магии и еще природной хитрости умела расположить к себе людей и долго водить их за нос. Не знаю, научилась ли она этому сама или переняла такое поведение у своего прежнего мужа, но, когда она вернулась к нам после его смерти, можно сказать, что перед нами предстал внешне кроткий ангел со злым, поистине змеиным сердцем.

Перво-наперво, Амала решила, что должна стать не просто «младшей» женой, а королевой Белой Геты. У нас королева – это не просто жена короля. Королева должна пользоваться почетом и уважением во всем народе. Мату в народе не слишком любили. Считали странной, слишком порывистой. Даже её самоотверженное участие в битве воспринимали скорее негативно: королева в положении должна готовиться к рождению наследника, а не носиться с мечом вместе с воинами.

Так или иначе, Амала решила погубить Мату и занять её место. При этом на людях она демонстрировала внешнее дружелюбие и даже любовь к Мату. Во всяком случае, та ничего не подозревала. Равно как и я. А Амала зашла в своей игре довольно далеко. Однажды, она даже подстроила так, что я застал их с Мату за чересчур жаркими объятиями, которые не вполне соответствовали традициям нашего народа и скорее были уместны для греков. Мату при этом была явно смущена и не знала, что ей делать. Но я в тот раз не стал поднимать шума и тем более её наказывать. У нас такие вещи, конечно, не поощрялись, но и строго не запрещались, если не вели к родовой междоусобице. Да и потом, я подумал, что среди жен лучше иметь мир и согласие, нежели ссоры. Пусть даже это согласие было несколько двусмысленного свойства.

Однако, и ссоры не заставили себя долго ждать. Один из моих боевых товарищей Ормар – очень смелый, порядочный и честный парень, выделялся своей красотой. На праздник летнего солнцестояния у нас традиционно устраивались состязания, в результате которых победителю королем и королевой вручался подарок: это мог быть конь, оружие, драгоценный кубок. В один из таких праздников Ормар победил в соревнованиях по борьбе. Мату попросила разрешения самой вручить ему приз. Я не возражал. Когда она вручала приз, все заметили, что королева особенно тепло смотрит на Ормара и он отвечает на её взгляд также слишком пылко. Между ними вспыхнула любовь. Это заставило действовать и меня, и Амалу.

Я улучил момент и начистоту поговорил с Ормаром. Если бы он начал врать и изворачиваться, я бы наверняка убил его. Но Ормар честно сказал, что влюбился в мою жену, но слишком уважает меня, чтобы оспаривать ее на поединке или еще каким-то образом. В конце концов, он сказал, что добровольно покинет Белую Гету, если я сочту это необходимым и поклялся на своем мече, что будет соблюдать данное им слово. Я, правду говоря, был расстроган. Ормар был проверенным человеком, и сомневаться в его слове не приходилось. Кроме того, клятва на мече – это серьезно – тут уже в дело вступают не люди, а боги. Мы все свято верили в то, что преступившему клятву не будет покоя ни в этом, ни в том мире. Поэтому я с легким сердцем расстался с Ормаром и считал инцидент исчерпанным. Мату я даже ничего не стал говорить, поскольку был уверен в ней.

Но Амала повернула дело так, что моя уверенность очень быстро сменилась подозрениями и ревностью. Она, разумеется, не действовала напрямую. Сначала она отправилась с Мату за маргаритками. Эти цветы мы использовали на церемонии праздника богини любви, но, согласно заведенной традиции, если девушке нравился кто-то из парней, то она могла подарить цветы и ему. Амала подарила свои маргаритки Ормару, но пустила слух, что это сделала Мату.

Дальше – больше. Амала несколько раз обставила дело таким образом, что она Мату и Ормар отправлялись на пешие или конные прогулки вместе. При этом, при возвращении Амала приходила или приезжала первой, а Мату и Ормар оставались как бы наедине. И всякий раз находился кто-то, кто сообщал мне об этом. В неопределенном роде, в виде сплетни. Помимо всего прочего это могло стать проблемой во

взаимоотношениях с дружиной: личная жизнь обычного воина никого не волновала, но вождь – совсем другое дело. Если ты не можешь справиться со своей женой, что уж тогда говорить о войске.

Я решил действовать. Перво-наперво я отослал Ормара в небольшой поход на бургундов. При этом я четко дал ему понять, что воспользовался его обещанием. Мне показалось, что Ормар отправился в поход скорее с радостью, чем с сожалением.

На следующий день я собирался поговорить с Мату. Но получилось так, что не успел. У нас вышла ссора с соседями – тоже готами, но из другой семьи. Не помню уже, из-за какого конфликта, между молодыми людьми вышла стычка, в которой один погиб. Поскольку убийца был из Белой Геты, чтобы не допустить кровной мести, мне пришлось ехать к Эрманариху, вождю соседнего рода, совместно разбираться в обстоятельствах происшедшего и вынести наказание. Вместо себя я оставил Хало – это был очень уважаемый, но уже достаточно пожилой старейшина.

Дорога туда и обратно, само разбирательство и последующее застолье (нечто среднее между пиром в честь благополучного разрешения конфликта и тризной по погибшему) заняли, в общей сложности, дней десять или пятнадцать. Но когда я вернулся, пришлось горевать уже всерьез. Мату умерла. Её сожгли на погребальном костре, воздав все почести какие полагаются жене короля и храброму воину: в этом отношении Хало сделал все безупречно. Но вот в отношении причин её смерти мне никто не мог ничего толком разъяснить. Все говорили, что Мату сорвалась со скалы, при этом непосредственных свидетелей, кроме Амалы и её служанки, не было. Все остальные очевидцы находились достаточно далеко от места происшествия и видели только, что они втроем подошли к обрыву, потом Амала и служанка отошли примерно на двадцать шагов, а Мату, немного постояв на краю, вдруг внезапно падает вниз. При этом очевидцы располагались так, что солнце были им ровно в глаза и деталей этого события никто не видел. Амала же, в свою очередь, сообщила, что Мату с самого утра была немного не в себе: все время молчала и почти не реагировала ни на какие её вопросы. Чтобы немного развеяться она повела её прогуляться, посмотреть на цветущие поля к большему оврагу. Они подошли к самому краю, немного постояли, а потом Амала пошла, чтобы распорядиться насчет еды, которую они взяли с собой. В это время Мату внезапно взяла и прыгну-

ла с обрыва. Когда они поспешили ей на помощь, она уже была мертва – в том месте овраг был особенно крут, и на дне его лежало много острых камней. Амала считала, что это все из-за Ормара: с тех пор как он уехал, Мату ходила сама не своя.

Ормар, кстати, вернулся через месяц живой и невредимый с богатой добычей. Для него смерть Мату была шоком не меньшим чем для меня.

Так или иначе, по нашим законам старшей женой стала Амала, и мы даже на следующий год зачали ребенка. Но родить его она не успела. Все решил случай – однажды я невольно подслушал её разговор, в котором она бранилась со служанкой и проговорила о том, как подстроила смерть Мату. Когда они пришли на обрыв, Амала сказала, что Ормар погиб. Я точно не берусь утверждать, как это было обставлено: то ли один из её слуг нарочно принес эту фальшивую весть, то ли она украла у Ормара какой-то талисман и показала его Мату, но факт в том, что Мату поверила. Вероятнее всего она так была потрясена этим известием, что на время потеряла память и стояла как вкопанная. Я замечал это за ней не раз: если Мату что-то сильно взволновало, она становилась как будто неживая и вообще плохо соображала, что делала. Возможно, она в таком состоянии могла бы сама без посторонней помощи упасть в обрыв. Но для верности Амала подговорила одного из своих слуг, и тот спрятался в кустах неподалеку. Когда Амала отошла от Мату на приличное расстояние, он выстрелил из маленького кельтского лука – стрела попала в шею или другое место, не закрытое одеждой. Мату повалилась в обрыв и возможно умерла дважды: от пущенной стрелы и от удара об острые камни. Солнце, в этот момент как я уже говорил, било свидетелям в глаза и потому они не увидели короткой стрелы. А когда все подбежали, Амала, или её подручные, вынули стрелу и замаскировали рану. Все было сделано так, что никто никогда ничего бы не узнал. Но Амалу подвела жадность. Она не заплатила служанке оговоренную плату, а та стала пенять ей на это. Так всё и открылось.

- И что стало с Амалой? – спросила Алиса. От этой истории ей было явно не по себе.

- Я очень разозлился – равнодушно сказал Король - В ту ночь я сделал вид, что ничего не произошло, но наутро сразу же разыскал Ормара и рассказал ему о том, что узнал. Ормар в свою очередь сказал мне, что Мату взяла с него слово не прикасаться к ней и не пытаться убить меня. Там, откуда вы родом, Королева, это, кажется, называлось гейс.

- Нет, так говорили не в Англии, а в Ирландии – встрял всезнающий Пудинг

- Простите, Королева, я не знал этого – видно было, что Король немного смутился от своего промаха, но, тем не менее, быстро справился с собой и продолжил – Как бы там не было, я лишний раз убедился, что Мату вела себя образцово. И от этого моя ненависть к Амале разожглась еще больше. И вот здесь, Королева, я перехожу к тому своему поступку, которому не в силах дать однозначную оценку.

Король на секунду замолчал, видимо собираясь силами, и стало слышно, как подкрадываются сумерки. Алисе сделалось немного жутко.

- По закону – продолжил Король – за подобное преступление я должен бы был созвать совет старейшин и устроить суд над Амалой и служанкой. Но тут могли возникнуть осложнения: она была беременна, и потому старейшины могли отложить смертный приговор до рождения ребенка. А за эти три-четыре месяца могло произойти все что угодно. Кроме того, в случае умерщвления Амалы неизбежно возникали проблемы с её родственниками. Вернее сказать, у родственников возникал бы неплохой повод к войне. Они вряд ли бы этим воспользовались, да я и не слишком боялся войны, но лишний раз испытывать судьбу мне не хотелось. Одним словом, мне ни с какой стороны было невыгодно поступать по закону. Поэтому мы с Ормаром на следующий вечер связали Амалу и её служанку, погрузили их в телегу и увезли ровно на то самое место, где они убили Мату. Там мы поставили их на край того же обрыва и толкнули на те же самые камни. Амала умерла почти сразу, а служанка осталась жива, но мы её добились. Затем подкопав часть склона, мы его обвалили и представили дело таким образом, что имел место несчастный случай. Мол, Амала со служанкой пришла почтить память своей сестры, но склон обрушился и оттого они обе погибли. Еще через год Ормар нашел того слугу, который стрелял в Мату из лука, и убил его в походе.

- А ребенок, которого носила Амала? – спросила Алиса

- Разумеется, он погиб – сказал Король

Алиса в ужасе закрыла лицо руками.

- Вы правы, ваше величество – немного погодя сухо сказала она – вашему поступку очень трудно дать однозначную оценку.

- Не печальтесь, Королева – Король, казалось, пытался успокоить Алису и от этого заговорил с прежней мягкой зазеркальной интонацией –

люди разных эпох с трудом понимают поступки друг друга. У меня было восемнадцать или девятнадцать детей, но выжили только четверо. Я сам был вторым ребенком в семье, а всего нас у матери родилось шестеро, дожили до пятнадцати лет только трое. Времена были другие, и человеческая жизнь ценилась иначе, чем теперь. Я полагаю, что мой поступок ужасен не смертью ребенка, а тем, что я излишне поддался жажде мести. Я совершил правое дело, но дурным образом. Я был в Долине смерти, но не обрел там покой. Я спас остатки моего народа, но теперь оказался здесь, где каждый день – это суцья мука. Я все это время стараюсь как-то изменить свой жребий, совершить что-то, что позволило бы мне окончательно решить свою судьбу. Но здесь это невозможно. Тренировать гонцов, грызть опостылевшие занозы, да пытаться увидеть Никого – вот всё что мне позволено в моем нынешнем положении.

- Ваше величество! – Алиса сама не понимала, как в такой ситуации можно улыбаться – но ведь это только так говорится: не вижу никого. Я тоже не никого вижу, также, как и вы. Никакого Никого просто не существует.

- Королева - обиженно произнес Белый Король – я, безусловно, высоко ценю вашу доброту и обходительность, но поверьте, совершенно нет необходимости меня успокаивать и говорить о том, что Никого нельзя увидеть. Я привык смотреть в лицо фактам и трезво оценивать ситуацию. Вы видите Никого, я - нет. Пока я его не увижу, у меня нет надежды на перемену участи. Вероятнее всего, боги послали мне такое испытание. Что ж, его надо выдержать с честью! – Белый Король с видимым раздражением встал - Честь имею!

И он медленно пошел прочь от беседки. И чем дальше удалялся, тем больше начинал, по обыкновению, комично прихрамывать. Правда Алисе, Пудингу и Нахеру теперь вовсе не казалась смешной его манера передвигаться. Да и царапины на руках, шее и боках Белого Короля стали восприниматься иначе: весьма вероятно, они в точности повторяли шрамы от мечей, стрел, которые были нанесены много веков назад королю Торесмунду его многочисленными противниками и недоброжелателями.

22В

Внутри меня все восемь тысяч голосов вошли в чертоги немоты, и лишь движениями рук я создаю теневые фигуры: на той стене, за которой тебя по-прежнему нет. Играть на арфе рядом со спящим ребёнком, не замечать ни света звёзд, ни тех разочарований, что посещают нас под убывающей луной, писать письмо придуманным пером, овеществлять все мыслеформы старцев. Сжатыми в кулаки словами я подписываю открытки, отправляя их прямо в позапрошлый век; мои адресаты по сей день не забыты и, откровенно сказать, я тоже не забыта ими, поскольку уже много десятилетий получаю ответы. Это рисунок. Человек, распятый в пространстве: распятый между двумя Демиургами – высшим и низшим, между Солнцем и Луною, между божественной сутью и животной природой внутри себя самого. Человек стоит, раскинув руки и кричит. Кричит! Из уст его раздаётся первая буква Творца, переливающаяся всеми цветами радуги

23

Сцена номер восемь: ночь с понедельника на вторник.

После рассказа Белого Короля спать решительно не хотелось. Алиса, Пудинг и Нахер стояли на крыльце и наблюдали, как ночь постепенно наползает на Зазеркалье. Было отлично слышно, как вяло препираются говорящие лилии в саду, как готовятся ко сну неведомые лесные звери, как вздыхает в своей берлоге Единорог (завтра у него намечена первая в сезоне битва со Львом – Пудинг называл это по аналогии с теннисом турнирами Большого Шлема). Все, в общем-то, было как обычно. Но что-то не давало Алисе покоя – казалось, что после беседы с Белым Королем Зазеркальный мир был уже не вполне волшебным и каким-то чуть-чуть искусственным. Хотя при этом он продолжал ей нравится.

- Мне кажется, что Зазеркалье стало какое-то ненастоящее – сказала Алиса

- Оно какое было, такое и есть. Ты меняешься – ответил Нахер. Ты растешь или еще что-то в таком роде, с этим ничего не поделаешь.

Кроме того, всякий разговор меняет человека, а такой как сегодня – тем более.

- Да, я уже совсем большая, мне скоро стукнет сто пятьдесят лет – горько усмехнулась Алиса

- Подумаешь сто пятьдесят – встрял Пудинг – мне скоро стукнет ... триста миллионов лет. Я пережил, дай бог памяти семьсот фаз индустского цикла и ровно четверть из них были Кали-Юги, но эта будет самая тяжелая.

- Пудинг, может хватит уже – сказала Алиса – надоело про Кали-Югу. Ты хуже моей тётки Милли, которая полжизни прожила с мужем в Индии, и когда вернулась домой от её индийских анекдотов через неделю стали все прятаться. Если ты не можешь сидеть молча, то хотя бы почитай стихи.

- Только, прошу тебя, не «Упанишады» - уточнил Нахер.

Насчет стихов Пудинга два раза просить не приходилось никогда. Через минуту он уже стоял на табуретке, обмотавшись в синюю скатерть как в тогу и с лавровым венком на голове (лаврушка была, разумеется, сухая, стащил с кухни). В полном соответствии с античной традицией, закатив глаза, Пудинг начал декламацию. Как он впоследствии объяснил это был индейский религиозный гимн, вольно переведенный сначала на португальский, потом – не менее вольно с португальского на французский, и только потом с французского на английский⁸. Итак, Пудинг декламировал:

Я капля дождя среди облаков
Ожидаящая своей очереди, встречи с землей
Я скучаю о времени, когда был как воздух
Или тогда воздух был тверд?
И если немного захотеть
Можно было пойти по облакам
Чтобы посмотреть на жемчуга града
И прикурить от небольшой молнии
Пока табак не отсырел

¹¹ Алиса и Нахер не без оснований подозревали, что это все было форменное вранье, и Пудинг сочинил стих сам, потому что даже при всех скидках на трудности перевода, на религиозный гимн это никак не тянуло.

- А что же дальше? - спросила Алиса Нахера. Что будет с Королем, со мной, со всеми нами?

- Мне кажется, рано думать об этом – ответил Нахер – после того как ты объявила Весну и приказала всем рассказать свои истории, начался новый процесс. Надо подождать, пока все расскажут о себе. Потом можно будет что-то предпринимать.

- Не знаю, как мне это поможет – вздохнула Алиса - пока что настроение отвратительное.

Пудинг тем временем не унимался:

В плотном строю призраков
Нет места для маневра
И мы обречены падать вниз
Разбиваясь об условности и умирать
Чуть не долетев до земли
Слова о славной охоте
не должны вводить в заблуждение
Это говорит жертва а не охотник
Все что остается - это уповать на
Следующий цикл, который по всем приметам
Обещает быть более удачным...

- Знаете, мальчики – вдруг сказала Алиса - пора бы нам и спать укладываться.

- Я не хочу – сказал Пудинг. Мне понравилось быть статуей. Я останусь тут на табурете, до тех самых пор пока вот этот нахал – Пудинг величественно указал перстом на Нахера - не принесет свои извинения.

Нахер вопросительно посмотрел на Алису, Алиса едва заметно кивнула. Нахер отработанным движением подхватил Пудинга в охапку вместе с табуретом и понес в дом. Хватка у Нахера всегда была железная, потому Пудинг даже не брыкался, но в знак протеста запел какой-то заунывный гимн на незнакомом языке, утверждая при этом, что именно его пел король Теодорих, когда шел со своим войском в атаку на врага.

- Я скоро приду – крикнула им вслед Алиса.

Ей хотелось побыть одной. Ночь уже вполне спустилась на Зазеркалье и, кроме полоумных светлячков, было решительно ничего не видать.

Но Алиса все равно взглядывалась во тьму и ей начало казаться, что она вовсе не в своем странном саду, а на море, в Уэльсе, куда они ездили отдыхать с сёстрами каждое лето.

Бесконечное море, на которое она часами смотрела по вечерам.

Огромные пустоши с валунами, среди которых можно было прятаться. И овраг с белой глиной, в котором они играли и однажды перемазались так, что их отмывали в буквальном смысле слова несколько часов. Как тех самых «трёх очень милых феечек» из детского стишка.

Вкусные воскресные марципаны, купленные в кондитерской. Да дело не в марципанах. Просто она, наконец, осознала, что уже никого нет в живых: ни мамы, ни папы, ни сестер, ни её самой бы не было на этом свете, если бы она не попала в эту дурацкую Страну Чудес, а потом в Зазеркалье. Тебя на самом деле нет, хотя ты все же есть – вот в чем штука.

И не спасает даже то, что возможно все они не умерли, а переродились в кого-то ещё согласно «Упанишадам», но все равно это уже не они, а кто-то другой, который, вернее всего, совсем не помнит прошлого воплощения.

В общем, Алиса стояла и плакала. Первый раз с того момента, как с ней стали происходить все эти чудеса и несуразности. По-настоящему, в голос, не капризничая, а именно страдая.

Первый раз за почти сто сорок лет, если брать по счету Предзеркалья. Ей не хотелось быть никакой королевой, и даже хозяйской чудесного дома и сада. Ей хотелось снова быть маленькой. Чтобы кто-то из родных немедленно пришел и утешал, уговаривал, дал чего-нибудь вкусного, чтобы все было как раньше. Чтобы не было всех этих однообразных чудес и все оказалось обычным сном, о котором можно рассказывать за чаем, болтая ногами и глядя на море. И уж если дома вдруг никого нет, то пусть хотя бы пришла её кошка, которая никогда не бросала Алису в трудную минуту.

Тут она почувствовала, что кто-то тычется ей в руку влажным теплым носом. Но это была не кошка. Алиса открыла глаза и увидела перед собой Льва и чуть поодаль Единорога. Они, вероятно, услышали, как она плачет, и пришли в сад.

- Не плачь, Алиса – сказал Лев – тырываешь мне сердце, и ему тоже.

- Да – подтвердил Единорог – а если у нас разорвется сердце, то битва завтра не состоится.

Алиса хлюпала носом и молчала.

- У каждого своя судьба – продолжал Лев – вот ты думаешь: нам очень хочется биться друг с другом? Вовсе нет.

- А зачем же вы бьетесь? – удивилась Алиса – разве не за корону Короля?

- Ты думаешь, нам нужна эта железка? – засмеялся Единорог – даже если бы она была золотая – она ни мне, ни Льву совершенно не нужна.

- Тогда я не понимаю – сказала Алиса – что вас заставляет?

- Судьба – ответил Лев.

Вот тебе и весь сказ! Алиса ничего не поняла. Какая еще судьба? Но чтобы не повисала неловкая пауза, которые она терпеть не могла, Алиса решила что-нибудь спросить.

- А как вы узнаете свою судьбу? Может вам судьба не биться, а, например, как Труляля и Траляля кататься на тележке в лесу по утрам и коллекционировать всякое барахло?

- А судьбу можно увидеть – сказал Лев.

- Каким образом?

- Очень просто! Возьмись одной рукой за его рог – Лев показал лапой на Единорога, а второй держи меня за нос.

Алиса встала с крыльца и сделала все так, как сказал Лев.

- Теперь закрой глаза и приготовься – продолжил Лев

- Как приготовиться? – спросила Алиса

- Да никак. Просто держись крепко – сказал Лев – Смотри!

Вместе со Единорогом они издали какой-то немыслимый звук: получилось нечто среднее между рыком, свистом и звуком горна. И началось. Хотя лучше бы оно не начиналось.

Алиса вдруг увидела себя. Но не теперешнюю, а какую-то другую, взрослую, в общем-то даже ни капли не похожую, в странных одеждах. Она плывет на лодке по большой, можно даже сказать, огромной, бескрайней реке.

Рядом с ней стоит мужчина, очень красивый. Она держит его за руку. Она очень любит его. Но она также знает, что скоро умрёт, что внутри неё яд, который убивает медленно, но неотвратно. Яд действует уже давно, и ей осталось не долго. Важно успеть насладиться, последними минутами близости с любимым человеком. Тот все говорит

о какой-то аудиенции во дворце, о чем-то, наверное, важном, но неуместном в данную минуту. А она пытается поцеловать его напоследок, но это запрещает этикет. Наконец, чувствуя, что сейчас она потеряет сознание, и, пренебрегая всеми условностями, она обвивает руками голову мужчины и буквально впивается в него с поцелуем. Потом ужасная боль, круги перед глазами.

И Алиса видит себя совершенно в другой обстановке. Теперь она какая-то высокая сухощавая старуха, прежде очень красивая, а теперь морщинистая и злая – от нее в страхе разбегаются не только люди, но вся прочая живность, включая стрекоз и водомерок. Совершенно голой она идет купаться в озере, её слуги покорно ждут на берегу. Как только она погрузилась в воду по грудь, неожиданно из-за кустов высовывается мальчишка, который стреляет из пращи камнем. Камень попадает ей точно в середину лба, она теряет сознание и уходит на дно. Вода много воды. При этом, никто из слуг и пальцем не шевелит, чтобы её спасти.

И снова перемена картины. Алиса видит себя, а может вовсе не себя, а несчастную Мату. Не такую уж и красивую, но действительно невозможно синеглазую. Она видит, как Амала сообщает ей о якобы смерти Ормара. У неё темнеет в глазах, и эта черные круги по синему фону – на минуту кажется, что это сама Смерть. Затем цвета возвращаются, но ей уже все равно. Она безучастно стоит и слушает что говорит Амала, потом медленно бредет к обрыву, чей-то крик заставляет её повернуться ... стрела летит очень быстро, но ей кажется, что это происходит очень медленно ... глухой удар, она всё-таки еще жива, но это не имеет никакого значения – она вновь поворачивается и прыгает в обрыв.

Но в ту секунду, когда почва из-под ног уходит, она из несчастной Маты, жены короля Белой Геты Торесмунда превращается в маленькую девочку, которая бежит по цветущей летней пустоши. Она снова Алиса, она снова дома, а её сёстры Лора и Эдит – они где-то отстали и сейчас её догонят ... стоит только обернуться и их можно увидеть ... но обернуться не получается, снова наступаем мрак. Теперь густой и непроглядный. Вот теперь точно Смерть.

Видимо Алиса потеряла сознание и упала. Потому что следующее, что она помнила – это склоненные над ней морды Льва и Единорога

- Жива! – сказал Лев

- Ты идиот! – сказал Единорог.

Лев для приличия оскалился, но возразить ему было нечего, и он отошел в сторонку.

- Что это было? – всхлипывая спросила Алиса – получается это всё-было со мной? – от пережитого потрясения слезы снова потекли у неё по щекам.

- Наш Лев сегодня какой-то совсем безмозглый – ответил Единорог – нашел отличный способ тебя успокоить.

Лев ворчливо, но достаточно тихо рыкнул в ответ:

- Ну, конечно, теперь тебе водить. Запой свою жалостливую песню, ругай меня последним словами. Заслужил я, что сказать.

Он поднялся и, понуро направился прочь:

- Прости меня Королева – на прощанье сказал Лев. И уже обращаясь к Единорогу, грозно рыкнул – а с тобой, олень недоделанный, мы завтра встретимся. В честном бою!

- Иди-иди ... – ответил Единорог – Действительно, Королева, прости его. Лев – воплощение силы, когда он видит, что что-то идет не так, ему главное сразу прийти на помощь, начать действовать. А что именно делать – он просто не успел подумать.

Алиса ничего не отвечала. Единорог еще немного посмотрел на неё и вдруг неожиданно высунул свой длинный шершавый фиолетовый язык и ловко лизнул с её щек все слезы. Было очень щекотно, и Алиса против воли засмеялась.

- Ну вот, так-то лучше – удовлетворенно заметил Единорог – смеяться всегда лучше, чем плакать, хотя может быть и не всегда для этого возникает подходящая ситуация.

- А все-таки что это было? – Алиса снова стала серьезной – Лев говорил, что это моя судьба.

- Я так не думаю – сказал Единорог - Мы со Львом действительно пара не разлей вода, у нас общая судьба. И если мне и Льву надо узнать, чем кончится очередная битва, то достаточно нам обоим дотронуться друг до друга и закрыть глаза. Это работает. Но если кто-то третий становится между нами, и хотя бы чуть-чуть касается каждого из нас, то ... одним словом он видит нечто важное, скрытое от посторонних глаз, но это не обязательно касается лично его.

- А ты видел то же что и я? – спросила Алиса.

- Да – ответил Единорог – и возможно что-то из этого действительно происходило с тобой раньше. Или произойдет когда-нибудь позже. Но

также может оказаться, что мы втроем просто видели обычный сон. Твой сон.

- Опять начинается эта путаница! - в сердцах бросила Алиса - Почему в этом Зазеркалье всё так сложно и непонятно!?

- Ничего сложного и непонятного в Зазеркалье как раз нет – возразил Единорог – просто ты человек, а я нет. У людей все сложно, потому что у них есть тело, и есть душа. Которые чаще всего друг другу не подходят. А когда есть душа, но нет тела – всё гораздо проще.

- Голова идет кругом от всех этих разговоров – сказала Алиса.

- Ты просто очень устала за сегодняшний день. А теперь уже ночь, пора спать. Если хочешь, я покатаю тебя до утра, ты выспишься у меня на спине. Помнишь, мы раньше так катались?

- Да – сказала Алиса – забираясь на широкую спину Единорога и устриваясь там поудобнее – я как-то потом забыла про это, наверное, отвлекли какие-то другие дела. Или ты спал зимой. У тебя всегда так уютно и мягко.

- Это потому, что я – воплощение нежности.

- Надо же ... - Алиса уже почти засыпала – а интересно, кто же у Зазеркалье воплощение ума?

- О, у нас таких тут сроду не было – ответил Единорог.

И затянул свою волшебную песню, под которую сладко засыпала не только Алиса, но и все обитатели Зазеркалья. И всем снились добрые волшебные сны. Алиса опять попала на свою пустошь, на которой росли цветы. И долго гуляла на ней с сёстрами и мамой. И ела вкусные пирожные. И весело смеялась. И всё было как раньше. Невозможно хорошо. Так и закончился этот понедельник, который не зря называют «день тяжёлый».

24А

- Что с вами, мадемуазель?

- Я в порядке! – еле ответила Софи.

«Чертов Франсуа!» – подумала она – «зачем только я его послушала»

Вчера после футбола он уговорил её пойти в клуб, где они встретили друзей. В итоге все немилосердно напились. Софи тоже несколько потеряла бдительность и потому прийти с утра на лекцию было сродни

подвигу. Правда напрасному, потому что она, как выяснилось, заснула.

- По-моему вам необходимо пойти домой – тихо, но твердо сказал преподаватель

- Да, пожалуй – ответила Софи – простите меня, я действительно себя неважно чувствую.

Не слишком твердо ступая, но все же стараясь держать спину прямо, она пошла к выходу.

«Господи, как же мне плохо» – думала при этом Софи – «а ведь это мы ещё не были в Ле Бурже!»

25B.

Завтра придёт Калипсо, завтра не будет нового дня, лишь только лист календаря уступит место своему сыну, бросившись в пропасть мусорной корзины. Вместо мозгов у календарей – числа от 1 до 31, тяготеющие к двенадцати возвращениям, законно теряя некоторые из дней; календарям неведом инстинкт самосохранения, и этим они превосходят нас. Я – как следствие Дыхания – однажды разомкну уста, и тот же самый крик прорвётся сквозь вынужденную немоту, - так можно кричать только когда умираешь (нет, когда уже умер); почему есть ловушка для снов, но нет ловушки для бессонницы?

26A.

- А ты знаешь: в этом что-то есть! – сказала Мишель

Над ними в очередной раз с рёвом пронесся какой-то летательный аппарат и у Софи снова заложило в ушах. Поэтому она смогла понять только конец фразы:

- ... я вообще даже немного завидую тебе.

- Чему именно? - переспросила Софи - я не расслышала

- Я говорю: так прекрасно, что ты всегда поддерживаешь Франсуа в его начинаниях.

Софи неопределенно пожала плечами, а про себя подумала, что если поддерживать Франсуа во всех его начинаниях, то никакого здо-

ровья точно не хватит. Скорее уж его приходится ограничивать для его же блага, собственно.

- Мне кажется, нам надо перебраться туда, где потише – сказала Софи – тут невозможно разговаривать, да и народу битком. Интересно, есть ли где-нибудь здесь сравнительно спокойное место.

- По-моему, я видела что-то при входе – сказала Мишель – там был кофейный автомат и несколько стульев

- Я думаю, это именно то, что нам сейчас нужно!

- Тогда вперед!

Стулья чудесным образом оказались свободны. Вернее сказать, на одном из них сидела странного вида старушка, но ещё как минимум два имелось в наличии.

- Уфф, наконец то никто не ревет над головой – выдохнула Мишель – я вообще поражаюсь как ты все это переносишь. Ты ведь уже в третий раз здесь?

- Четвёртый или даже пятый – поправила Софи – мы познакомились с Франсуа как раз здесь четыре года назад.

- Ничего себе, какая вы крепкая пара! Я и подумать не могла. Я лично вообще никого не выдерживаю больше года, а уж тем более если он постоянно говорит об авиации

- О-ля-ля, Мишель, ты же только что утверждала, что мне завидуешь!

- Сдаётся мне, ты хочешь поймать меня на противоречиях – фыркнула Мишель – но у тебя ничего не выйдет, дорогуша! И вообще, я хочу кофе!

- Я тоже! Хотя, мне кажется, из автомата на что-то приличное рассчитывать не приходится.

- Ну а вдруг! – с этими словами Мишель решительно направилась к аппарату

- Заверяю вас, там вполне приличный кофе – вдруг подала голос старушка - Я уже сняла пробу.

Софи от неожиданности вздрогнула. Ей показалось что бабушка говорила каким-то чрезвычайно низким, можно даже сказать утробным голосом. Но старушка откашлялась и продолжила во вполне нормальном диапазоне:

- Обычно в автоматы заряжают дешевый кофе, но здесь, видимо, не поскупились.

- Благодарю – сказала Мишель, которая уже успела получить свою порцию – действительно очень недурно. Софи, я настоятельно рекомендую!

- Позвольте представиться – церемонно сказала старушка – меня зовут Кассандра Приамониду. А вас зовут, я так понимаю, Мишель и Софи?

- Совершенно верно. А вы из Греции? - спросила Софи

Бабушка утвердительно кивнула

- Могу сказать, что вы прекрасно говорите по-французски! – сказала Мишель

От её комплимента мадам Приамониду расцвела и затараторила. Причем теперь голос её внезапно стал высоким, едва ли не переходящим на фальцет:

- О, языкознание и филология – это вообще моя страсть. Без ложной скромности могу сказать, что я знаю довольно много языков, как ныне употребляемых, так и уже мертвых. Помимо собственно французского, я немного изучала аквитанский и бретонский диалекты, хотя, по правде сказать, их следовало бы признать вполне самостоятельными языками ...

Софи пошла к автомату налить себе кофе, но тот заскрежетал, забулькал и завис.

«Почему мне всегда везет как утопленнику?» - с досадой подумала Софи – «Мишель выпила последнюю порцию. Голова начинает болеть. И ещё бабка эта болтливая»

- Дифтонги, милочка – это крайне важная вещь – доносился голос мадам Приамониду, который теперь вообще, казалось, переходит в ультразвук

«Ну вот, уже пошла заправлять про дифтонги» – вздохнула Софи

В принципе, можно было бы уйти куда-нибудь в другое место, но моральных сил на это решительно не было. Автомат между тем ещё немного подумал, фыркнул и все-таки соизволил налить кофе. Софи сделала глоток – кофе действительно вкусный, даже трудно поверить. Она постояла еще немного разглядывая какую-то рекламу возле автомата, допила кофе и, вздохнув, направилась к Мишель и бабке.

К ним уже подошел Франсуа, который привел с собой еще одну старушку. Та была ещё более странная на вид: вся седая, в каком-то мятом бесформенном балахоне, но с цепким, совершенно не старуше-

чьим, можно даже сказать, волчьим взглядом. Софи, одним словом, она понравилась ещё меньше мадам Приамониду.

- Милый – решила съязвить она – я смотрю, тебя решительно невозможно оставить одного. Ты сразу же нашел себе подружку!

- Кто же устоит перед настоящим французским темпераментом и шармом! – в тон Софи ответила старушка

Софи засмеялась и почувствовала, что первое впечатление было обманчиво: старушка оказалась вполне милой.

Франсуа немного смутился:

- Я, собственно, просто помог мадам, она потеряла подругу. Кстати, познакомься, это мадам Мошэ

- А теперь мы нашлись – игриво сказала мадам Приамониду – и познакомились с очаровательными молодыми людьми

Мадам Мошэ при этом выразительно посмотрела на Кассандру Приамониду, и во взгляде её явственно читалось, что она считает последнюю законченной дурой. Софи подумала, что мадам Мошэ ей нравится всё больше и больше.

- Софи, мадам Кассандра пригласила нас завтра на вечеринку – сказала Мишель

- Могу себе представить – сказала Софи с некоторым сомнением, подумав, что вечеринка для тех «кому за сто» может не оказаться достаточно захватывающей и искрометной

- Отчего же, это прекрасная мысль! – не преминул вставить свои два сантима Франсуа

- Кроме того – продолжила Мишель – вечеринку устраивает профессор О’Брайен. Тот самый, у которого мы были тогда на лекции в Лондоне ...

Окончание фразы Мишель Софи не расслышала, потому что над головой опять что-то взревело и вдобавок, кажется, выстрелило.

27B.

Могущество языка в том, что он способен дать человеку возможность дышать вслух, рождая гармонию (или напротив хаос) между пространством памяти и эхом божественного звука. Что значат Сло-

ва для того, кто утратил способность понимать их? И где та черта, отделяющая гармоничность от ограниченности? За жизнью слова нет смерти его, ибо оно было произнесено, чтобы обратиться в единственную из всех понятных для нас вечностей – в прошлое. Мы звучим постоянно, звучим, даже когда закрыт рот и нет того, кто услышал бы нас. Перерастая самих себя, мы не перерастаем звук, но происходит нечто большее – мы выходим за пределы сказанного.

28

Сцена номер девять: Черная Королева и цветы.

- Знаешь, чем отличаются цветы от деревьев? – спросил Пудинг

- Отстань от меня – огрызнулся Нахер – надоели твои глупости

- Всем доброе утро – сказала Алиса. Она действительно хорошо выспалась и проснулась в прекрасном настроении.

- Доброе утро – хором сказали Пудинг и Нахер – мы уже съели все вчерашние макароны и хотим чего-нибудь ещё.

- Вот в этом я несколько не сомневаюсь – улыбнулась Алиса.

- Компот – сказал Пудинг

- Вишневый – добавил Нахер

- Яичница – сказала Алиса – в лучшем случае с сыром, если он, конечно, ещё остался. А компот будет только тому, кто наберет вишню. И только после обеда.

- Яичница тоже ничего – сказал Нахер – тем более, если компота все равно нет. Тем более, что она уже готова. Мы уже даже все разложили по тарелкам. Вставай скорее.

Это было что-то новенькое. Пудинг Алиса быстро привела себя в порядок и пошла на кухню. Свежеприготовленная яичница действительно аппетитно расположилась в тарелках на столе.

- Так что вы там говорили про деревья и цветы? – спросила Алиса.

- Деревья, кустарники и цветы различаются языком – начал Пудинг – язык деревьев долгий, потому что они живут долго. Мы успеем сказать тысячу слов, а деревья – от силы одно или два. По сравнению с нами деревья тугодумы, но они не растрачивают силы на пустые и сию-

минутные мысли. Цветы и травы наоборот – их язык стремительный, как молния. За секунду они успевают подумать сотню-другую мыслей, но в следующее мгновение они начисто все забывают.

- Не понятно – сказала Алиса, уплетая яичницу – ты говоришь то про язык, то про мысли.

- А это одно и то же – сказал Пудинг – что язык, что мысли.

- Как это? – удивилась Алиса

- Да он как обычно глупости болтает! – сказал Нахер.

- Ничего не глупости! – возразил Пудинг – язык и мысли связаны. Если у тебя быстрый язык, то и мысли быстрые, а если медленный, то и мысли тягучие как древесная смола. Тут уж никак не станешь думать о пустяках.

- Он совершенно прав! – подал голос кто-то из садовых лилий.

- Можно подумать, что вас кто-то спрашивает! – не очень вежливо ответил Нахер - И вообще – какая разница, у кого какой язык. Кроме того, у нас сейчас есть дела поважнее.

- Какие же? – саркастически спросил Пудинг

- Например – сказал Нахер – надо идти набрать вишни в лесу.

- А как же Черная Королева? Вам неинтересно, что она расскажет?

- Мы успеем – ответил Нахер. А если даже и опоздаем, то совсем чуть-чуть. У Черной королевы не бывает коротких историй. А вишни страсть как хочется. Компоту.

Пудинг молча кивнул. А на соседнем холме уже показалась Черная Королева. Она как обычно не шла, а как будто невысоко плыла над землей, почти не перебирая ногами. Только сейчас Алиса осознала, что все прочие обитатели Зазеркалья всё же ходили ногами, как и обычные люди. И уж точно никогда не бежали изо всех сил, чтобы остаться на том же самом месте.

- Пошли скорее – буркнул Нахер.

Видимо сказал он это недостаточно громко, потому что Черная Королева услышала и еще с холма ехидно ответила:

- Идите-идите, скатертью дорога.

Пудинг и Нахер только хмыкнули в ответ и пошли в кладовку искать корзинку. Королева между тем предстала перед Алисой. Хотя может быть и наоборот – Алиса предстала перед Черной Королевой. Как ни крути, а она чувствовала, что у Королевы больше опыта в таких делах, когда надо подать себя, уметь держаться: как бы она не дурачи-

лась и какие бы не говорила глупости, это были царственные глупости. Настоящие королевские.

- Ваше величество – после небольшой паузы церемонно начала Черная королева – где вам будет угодно меня выслушать?

- Сама не знаю – Алиса решила, что играть в дворцовые манеры было бы глупо, и потому стала говорить нормальным языком.

- Может быть в саду? Заодно насладимся лилиями – Черная Королева произнесла это с таким видом, как будто бы Алисе эта мысль уже пришла в голову, но она по каким-то причинам не могла первой это предложить. Хотя, по правде говоря, Алиса до этого момента в сад вовсе не собиралась.

- Можно и в саду – нерешительно сказала Алиса - Но там лилии в последнее время ужасно болтают. Не знаю, что на них нашло. Они не будут нам мешать?

- Ничего – ответила Черная Королева – это поправимо.

Она взяла Алису под руку, и они вдвоем поплыли (не пошли, а именно поплыли) в направлении сада. Алиса успела с удивлением подумать, что за все время пребывания в Зазеркалье передвигаться подобным образом она могла только вместе с Чёрной Королевой или с её помощью.

29А

- Господи, какой длинный день – сказала Софи

- А, по-моему, замечательный – сказал Франсуа – я лично очень доволен

- Ну еще бы – ты подцепил очаровательную старушку!

- Софи, я не думал, что ты такая ревнивая.

- Нет, она действительно очаровательна, я с тобой согласна.

- Вот именно! И знаешь, что самое примечательное – она не иллюзорно разбирается в военной технике, особенно старой, до 1950 года. Мы прекрасно провели время в обсуждении упоительных мелких нюансов.

- Фа-фа, а ты еще спрашиваешь почему я ревную. Уверена, будь ей хотя бы не больше 80-ти ты бы женился на ней, а я бы осталась с носом. Правда, ваше счастье было бы недолгим: я бы тогда отравила вас обоих.

- Не дуйся – Франсуа весело рассмеялся – я, конечно, одержим авиацией, но не настолько.

- Но все равно я не понимаю – сказала Софи – зачем было соглашаться на эту дурацкую вечеринку? Ну ладно Мишель – она с приветом, но ты! Ты же не дал мне даже шанса сослаться на мигрень.

- А ты поняла, где будет вечеринка?

- Честно говоря, даже не пыталась.

- Так я тебе сообщаю – она будет именно там, где мы с тобой были четыре года назад. На следующей день после первого знакомства – помнишь?

- Это на набережной? Где танцевали танго на земляном полу?

- Именно!

- Боже! Это меняет дело. Но почему же ты сразу мне об этом не сказал?!

- Я хотел, чтобы это стало сюрпризом.

- Франсуа, ты фантастический олух! Я была в шаге от того, чтобы отказать от этой затеи. И тогда мало того, что сюрприза бы никакого не было, так еще и из-за тебя я бы не попала в свое любимое кафе! Кстати сказать, а почему мы в него никогда больше не ходили?

- Бог его знает. Как-то позабылось.

- Безобразие! Если ты не будешь меня водить туда регулярно, я тебя точно брошу!

- Как можно, Софи. Мы обязательно туда пойдем и не раз. Собственно говоря, уже завтра, то есть сегодня.

- Да, уже поздно. Спокойной ночи, Фа-Фа.

30В

Я сажусь рисовать, выбирая для этого плоские камни; женская голова, растущая из корня дуба, а вместо мозга – черный кот, умирающий с голоду. Я рисую много и неостановимо, ровно до того момента, пока не придёт новое письмо, где человек всё так же неизменен; человек, но не пространство, - оно-то меняется постоянно, принимая вид то бескрайнего поля, то деревянного креста. Оно всегда ограничивает, оно всегда конкретно, а вот человек не имеет иного имени,

кроме имени Жертва. Он даже не знает меня, но всё-таки кричит в моё правое ухо, не считаясь с усталостью, медью в крови, желанием поглотить все звуки.

31

- Я немного знакома с нравами цветов – разговор Чёрная Королева начала ещё по дороге в сад – ибо родилась в Счастливом Йемене. Это самый край Аравийской пустыни: там только песок, горы и жара. Очень красиво, но жить довольно трудно. Летом если оставаться долго на солнце можно умереть. Зимой же холодно и дует такой ветер, что, кажется, мясо от костей вот-вот оторвет.

- Это мало похоже на счастливое место – заметила Алиса

- Верно – усмехнулась Черная Королева – но такова наша любовь к родине, а иногда и национальный юмор. Однако же, помимо зимы и лета бывает еще и весна. А весной пустыня преобразается. Конечно, есть места, где дожди не выпадают годами, но моя семья жила в воистину благодатном оазисе. Весной пустыня расцветала. Это продолжалось недолго: недели две или три, но за это время происходи поистине чудеса. Земля покрывалась удивительными растениями, которые успевали вырасти, расцвести, поразить тебя своей красотой и умереть едва ли не на следующий день под палящим солнцем. Я обожала наблюдать за цветами и довольно скоро научилась понимать их язык.

Алиса удивленно посмотрела на королеву и сказала:

- Только сегодня с утра Пудинг говорил о том, что язык цветов стремительный, а у деревьев - долгий. Я, правда, не очень поняла, что это значит.

- Пудинг прав – ответила Черная Королева, отворяя калитку сада и пропуская Алису вперед – вообще, я обратила внимание, что он, хотя и выглядит недотёпой, редко говорит по-настоящему глупые вещи. Что до цветов, то они действительно живут так мало, что им некогда подбирать слова, строить фразы, думать о том, правильно ли ты сказал или не совсем. Да и большинству из них, между нами говоря, думать особенно то и нечем.

- Я бы попросила –голос старшей Лилии не узнать было невозможно – выбирать выражения. Несмотря на ваши короны и прочее ...

Договорить она не успела, потому что черная Королева издала какой-то короткий пронзительный звук: свист не свист, шорох не шорох, всхлип не всхлип, а все равно что-то странное и ещё более неприятное, чем дребезжание лилий. Абсолютно все лилии мелко затряслись и замолчали.

- Видишь, это и есть язык цветов – невозмутимо пояснила она

- А что вы им сказали? – от удивления Алиса как будто сама потеряла способность говорить и слова давались ей с некоторым трудом

- Ну, цветы как таковых слов не используют – сказала Королева – их слишком долго выговаривать. Они реагируют на сигналы, большинство из которых человеческое ухо не слышит. Можно назвать это эмоциями. Можно также сказать, что это образы, передаваемые на расстоянии. В данный момент я просто объяснила лилиям, что если они не перестанут нам мешать, то их ждут очень большие неприятности.

- Мы их часто стращали прополкой – сказала Алиса – но все же они так не пугались.

- Цветок не так боится быть сорванным, сколько ... - Королева вдруг осеклась на полуслове – впрочем, для нашего разговора это совсем не важно. Если тебе любопытно – потом спроси у них сама. Я думаю, они с удовольствием тебе расскажут о своих бедах, но теперь вряд ли они обретут дар речи раньше заката. Поэтому я предлагаю вернуться к моей истории.

Алиса кивнула, и Черная Королева продолжила рассказ.

История Черной Королевы

Так вот, чтобы закончить о пустыне. Весной пустыня похожа на рай, но он наступает внезапно и также внезапно заканчивается. За две-три недели, максимум месяц унылый желто-серый пейзаж преобразуется и расцветает безумными красками, наполняется небывалыми пьянящими ароматами. Всё оживает, всё ликует. Это совершенно не похоже ни на тропические леса, ни, скажем, на умеренный климат твоей родины. Это всегда шок, потрясение, буря. Но потом солнце – даря-

щее жизнь всему живому, но, одновременно с этим, и все живое убивающее - солнце сжигает все дотла, и следующие одиннадцать месяцев ты прячешься от его лучей, получая передышку лишь по ночам. И то если не очень холодно и еще не дует дурной ветер с нагорья, от которого пополам разламывается голова.

Такие условия жизни, безусловно, сказываются и на характере моего народа. Мы очень импульсивны, часто ни в чем не знаем меры, но если надо, то готовы ждать очень долго, чтобы потом совершить задуманное. Причем это может быть как абсолютное добро, так и необыкновенное злодеяние. Даже среди других народов пустыни моих соплеменников называли сумасшедшими. С этим, вероятно, был согласен и мой отец, поскольку, обладая высоким положением и хорошо вооруженными вассалами, он, тем не менее, однажды собрал семейный совет и объявил, что мы с маленьким братом и матерью должны уехать. И там отдать себя под покровительство его старого друга, снискавшего расположение жрецов Амона в землях Хет-ка-Птаха (вы зовете их Египет) и получившего должность при крупнейшем храме. Отец успокаивал нас, говорил, что это ненадолго: самое большее на год. Но получилось так, что его мы больше не увидели: той же зимой он и два моих старших брата погибли, преданные своими слугами и сподвижниками. Счастливый Йемен счастлив далеко не для всех.

Мать и младший брат пережили отца всего на несколько месяцев - невесть откуда пришел страшный мор. Умерли в том числе и мои родственники, а также жена и дети нашего покровителя. Таким образом, из всей некогда большой семьи нас осталось только двое. Наш покровитель к тому времени занимал уже видное положение в жреческой иерархии и потому без особых усилий смог устроить меня в школу при храме Амона-Ра в нижней столице, которая называлась тогда Мехат-та-уи⁹. Она считалась второй в стране после школы в Но-Аммон¹³. У нас не учились царственные особы, но дети крупных сановников – запросто. Ими там просто было все переполнено, как река крокодилами весной.

- Это что-то вроде Итона или Кембриджа? – спросила Алиса

- Наверное – сказала Черная Королева – я не очень знакома с обычаями твоей родины. К тому же я училась примерно на две тысячи четыреста лет раньше. Не хочешь ли присесть?

Алиса не глядя опустилась на садовую скамейку, до которой, как оказалось они уже успели дойти. Она была слишком поражена.

- Это было так давно?! – только и смогла спросить она.

- Увы, да – Черная Королева то ли вздохнула, то ли усмехнулась – слишком давно, в правление фараона Амен-хот-ни Третьего из династии Джут-мосе¹⁴ но я все хорошо помню в мельчайших подробностях. То был период небывалого расцвета Черной Земли Птаха. Они так называли свою страну. И это очень точно передавало их мировосприятие: они были помешаны на земле. Во всяком случае, глядя на детей вельмож и учителей жреческой школы, казалось, что их ничего больше не интересовало. Земля, только земля. Я так понимаю, что в мире, откуда ты пришла, ценится, прежде всего, золото.

- Не обязательно золото – ответила Алиса – Деньги. Бумажные деньги, акции, ассигнации, облигации, еще какие-то слова, которые кончатся на «ции». Я, правда, не знаю толком, что это такое, но все взрослые об этом только и говорят. Ну, разумеется, еще про скачки и газоны. А бабушка, пока была жива, всегда говорила, что из-за денег все сошли с ума и старая добрая Англия скоро кончится.

- Очень похоже – сказала Черная Королева – но представь, что денег как таковых в помине не было.

- Как так?

- А так. Золото, конечно, было, но оно рубилось на куски. К тому же тогда его было слишком много – иной раз железо и серебро ценились даже дороже. Но и то, и другое, и третье было нужно, чтобы получить землю.

- Землю?

- Да землю. Купить землю, взять её в аренду, обменять один участок на другой, поделить землю между наследниками и так далее. Земля ценилась, разумеется, только такая на которой можно было что-то выращивать, а это довольно узкая полоска возле великой реки, которую вы теперь зовете Нил, а они называли Хапи. Но земля – это мерило всего. Если у тебя нет земли, то ты никто, на тебя даже не посмотрят. Если у тебя много земли – то тебя будут слушать, невзирая на то, что ты можешь болтать совершеннейшую ерунду. Ни-

¹² В греческом произношении – Мемфис. Здесь и далее египетские имена даются в их действительном произношении со ссылками на более привычный нам греческий вариант.

¹³ В греческом произношении – Фивы

¹⁴ В греческом произношении Аменхотеп III из династии Тутмосов, или XVIII династия Нового царства по современной историографической традиции. Правил 1388-1351 гг. до н.э.

что другое не ценилось. Хотя они умели делать такие вещи, которые и сегодня недоступны ни одному народу. Строили огромные здания, в которых было не жарко даже в самый палящий зной, создавали совершенные скульптуры и изваяния, некоторые из которых потом увезли в Рим. Там их через многие века однажды попытались украсть воины нашего доблестного Белого Короля Долбосмунда, ой прости, конечно же, Торесмунда. Но у них ничего не вышло, даже разбить толком не сумели.

- Вы ведь нарочно это сказали! – неодобрительно заметила Алиса
- Прошу вас, не делайте так большие. Злиться совершенно ни к чему. Рассказывайте просто так.

Черная Королева внимательно посмотрела на Алису. Алиса ожидала, что та опять отпустит какую-нибудь колкость, но Королева вдруг неожиданно согласилась:

- Да, конечно, ты права. Так вот, Черная Земля Птаха была удивительной страной. Но для меня она навсегда осталась чужой и непонятной. Они засевали каждый клочок своей плодородной земли, снимая три урожая в год. Но потом толком не знали, что делать с этим огромным урожаем. А дать земле отдохнуть или вырастить на ней красивые цветы им в голову не приходило.

- У них совсем не было цветов? – удивилась Алиса

- Были - сказала Королева - но что это были за цветы! Чтобы цветок вырос по-настоящему красивым, он должен найти свое место. Чтобы он был не просто лепесток как попало сидящий на ножке, а чтобы дышал, пел, источал ароматы.

- Садоводство – это целое дело – согласилась Алиса – вот у нас ...

- У вас северная страна – перебила её Черная Королева – где все по-другому. Цветы Севера не такие как цветы Юга. Цветок Юга сам выбирает место, где ему расти и вокруг него надо создавать сад. По крайней мере, так было в моё время. Но в Черных-Землях-Тучного-Птаха понимали только в пшенице, ячмене, чечевице и всем что можно съесть, или из чего сварить пиво. На всю страну там был один настоящий сад. Но зато какой!

- Это был сад фараона – спросила Алиса

- Почти

- Как это?

- Сад располагался при храме и школе, но поскольку фараон был верховным жрецом Амона-Ра, то можно сказать, что и сад был его. Но он

там никогда не появлялся. Зато я пропадала в нём целыми вечерами. Сад был очень старым – говорят его заложили тысячу лет назад при великих фараонах Нечехирете и Хнум-Хуфу¹⁵, но я думаю, что это сказки. Тем не менее – он был совершенен.

- Я тоже однажды видела сад, который показался мне совершенным – вздохнула Алиса – но потом, когда я попала туда, оказалось, что там крашенные розы и вообще не слишком уютно

- Могу тебя понять – ответила Чёрная Королева – это весьма пространенная история. Многие и сейчас пытаются создать идеальный сад, но если неправильно подойти к делу, обязательно появится какой-то изъян

- Мама говорила, что самый лучший сад в Англии находится в Челси

- Если говорить начистоту, ваш сад в Челси совершенно никуда не годится. Это огород, там аптекари выращивают то, что им нужно, а садовник просто пытается придать всему этому некое подобие величия и гармонии. Мой же сад был совершенно иным. В нем возможно не было строгой геометрии и всего того, на что обращают внимание сегодня. Но зато растения в нем были счастливы – они пели, а не бурчали и скрипели как, например, наши лилии

- Разве такое возможно? – удивилась Алиса – я думала, что у всех лилий такой противный голос

- В том то и дело! – Черная Королева явно увлеклась, встала со скамейки, и стала энергично расхаживать взад-вперед по садовой дорожке – Понимаешь, если растения правильно размещены они образуют единое целое. Наши дуры-лилии – это на самом деле малые части одной большой Лилии, которая, к слову сказать, и мудра, и прекрасна. Но для того, чтобы они могли быть её частью, они должны вырасти в нужное время и нужном месте. А иначе – будут как наши.

Лилии при этих словах недовольно зашелестели, но что-то сказать вслух побоялись.

- И если цветы посажены правильно – продолжала Черная Королева – то они могут общаться между собой, и с теми, кто знает их язык. Рассказывать о том, что происходит в самых отдалённых уголках мира. Какие вести приносит ветер и птицы. И все в таком духе. Од-

¹⁵ В греческом произношении - Джосер и Хеопс

ним словом, правильно посаженный сад – это ключ к пониманию всего мира. А тот сад, как я уже говорила, был посажен исключительно правильно. Поэтому, практически не выходя из храма, я была в курсе всего что происходило не только в столице, но и вообще везде по миру, куда смогли дотянуться корни Великого Братства Цветов.

- Как интересно! – воскликнула Алиса

- Ещё бы – Черная Королева довольно улыбнулась – я была тогда, в сущности, ребенком и воспринимала это как продолжение детской сказки. Например, я знала, что говорится во всех храмах и дворцах, как вельможи плетут интриги друг против друга, что они говорят на людях и что в кругу семьи. Я слышала о том, что старый фараон при смерти, а молодой наследник страдает редкой болезнью – он не может смотреть на солнечный свет. Его глаза не переносили солнце, высшим жрецом которого он являлся и которому был посвящен при рождении. Лекари ничего не могли поделать. Молодой наследник выходил на улицу только с сумерками и переезжал в основном по ночам. Он мало разговаривал, отчасти потому, что жил уединенно, но более всего оттого, что вокруг него было полно соглядатаев и наушников, приставленных то ли его матерью, то ли бесчисленными жрецами-министрами.

И вот однажды я узнала, что он вскоре посетит наш храм.

В тот день он вошел в храмовый сад, где я по своему обыкновению что-то пересаживала, и разговаривала с цветами. С ним была свита: чиновники, лакеи. Но я сразу поняла, что это одновременно и есть та самая охрана, и шпионы, которые не дают шагу ступить. И вдобавок палачи, которые в случае чего отправят наследника, да и самого фараона на свидание с Усиром¹⁶. Царевич всё это прекрасно знал. Ему было очень тяжело, и я это видела. Поэтому и решилась на дерзкий и странный поступок – я, не поднимая головы, произнесла на языке цветов:

- Привет тебе, брат!

Это был всего лишь тихий шелест, который мог услышать только знающий язык. Но он услышал! И чудо свершилось – он ответил:

- Привет сестра. Не выдай себя, и не обижайся на мои слова и жесты. Я вынужден так поступать, чтобы никто ничего не заподозрил.

Затем царевич огляделся и обратился к сопровождавшему его внуку высоким резким неприятным голосом:

- Этот сад весьма вульгарен, но я бы хотел взять пару цветов для себя.

Евнух бросил взгляд на старшего жреца храма, старший жрец – на помощника по хозяйству, помощник опрометью метнулся ко мне, едва не падая с ног от страха. Я молча протянула ему выкопанный из земли куст и опустив голову прошелестела:

— Это лучший цветок в саду, брат! Особый цветок мудрости! Через него ты будешь знать все что происходит в подвластной тебе земле Птаха, где растет хоть одно растение.

- Спасибо, сестра! – ответил царевич – да хранит тебя Усир. Если я предстану перед ним первым, то обязательно попрошу за тебя

И брезгливо взглянув на неказистый с виду цветок, к которому жрецы уже спешно искали горшок, он повернулся и покинул сад.

32А

Да, это действительно было то самое кафе в Латинском квартале на левом берегу, где они были с Франсуа на следующий день после своего знакомства. Софи вспомнила земляной пол, полутьму, барную стойку, и людей, почти всех одетых в черное, которые сидят по кругу и выходят танцевать танго. Софи поразила тогда, что это были не только студенты и молодёжь, а практически люди всех возрастов.

Франсуа в тот день признался, что влюблён в неё и они счастливые тоже кружились в танго, конечно с поправкой на то, что Софи танцевала его третий или четвертый раз в жизни, а Франсуа, как выяснилось впоследствии, со страху все позабыл, что разучивал, и выделял ногами что-то несообразное. Но, как ни удивительно, им хлопали, а одна пожилая мадам сказала что-то вроде того, что в танце важно чувство, а не движения.

Но сейчас никакого земляного пола не было и в помине. Также, как и характерной барной стойки. Тем не менее, не было никаких сомнений, что это именно тот зал.

Посередине стоял огромный дубовый стол, во главе которого видимо должен был сидеть профессор. Так по крайней мере явствовало из

¹⁶ В греческом произношении – Осирис

расставленных табличек. Вообще, обстановка была весьма торжественная: приглушенный свет, изошрённо сервированный стол. Все это требовало соответствующих нарядов, так что Софи даже засомневалась, достаточно ли они с Франсуа соответствуют ситуации. Может стоило надеть не черное, а коричневое платье?

Однако, остальных гостей пока что видно не было и внимание Софи привлекли таблички с именами. После имени гостя там ли какие-то стихи или изречения. Напротив своего имени она прочла:

«День этот, этот, этот день,
Есть королевской Свадьбы день.
Если ты рождением и выбором Бога
Приглашен на это празднество,
То возрадуйся!

- Странная какая табличка! Франсуа, а у тебя что написано?

- Тоже стихи:

Тотчас иди на гору,
Где стоят три величественных храма,
И узри там все от начала до конца.
Вначале тщательно проверь себя:
Пусть тот, кто весит слишком
Мало, остережется.
Ни одного гостя не потерпит эта Свадьба
Кто не хранит бдительность и нечист.

- Смотри, а у Мишель какая-то цитата без конца и без начала:

«Поскольку ты просил, чтобы я послал тебе тайную книгу, которая была открыта мне и Петру Господом, то я не смог бы отослать или отказать тебе; но я написал её еврейским алфавитом и послал её тебе и только тебе. Но так как ты — священник (в деле) спасения святых, старающийся искренне и не озабоченный передачей этого текста многим — того, что Спаситель не пожелал сообщить всем нам, своим двенадцати ученикам. Но да благословенными будут те, кто спасены будут через веру в это рассуждение».

- И что все это значит?

- Это апокриф Иакова из библиотеки Наг-Хамади – вставила подошедшая Мишель - А у вас по всей видимости стихи из «Химической свадьбы Христиана Розенкрейца». Только перевод какой-то немного странный.

Софи и Франсуа посмотрели на Мишель с чувством крайнего изумления

- Ну что вы так уставились?

- Химическая свадьба чего? Кого?

- Франсуа, дорогой. Ты когда-нибудь слышал о розенкрейцерах?

- Нуууу ... не исключено. Что-то смутно припоминаю.

- Припоминаю! – хмыкнула Мишель – это один из самых древних и таинственных орденов, если конечно не врать в расчёт тамплиеров!

- И у них тоже был святой Грааль? – спросила Софи

- Что значит тоже! – возмутилась Мишель

В этот момент в зал вошли профессор, Эвелина и две старушки, поэтому разговор пришлось прервать: начался бесконечный «бонжур и щебет» как называл Франсуа процесс взаимных приветствий и ритуальных ничего не значащих вопросов. Но так или иначе все расселись, разлили вино и слово взял профессор.

- Друзья мои! Я счастлив, что смог собрать вас всех в этом симпатичном кафе. Хотя, признаться, получилось это до некоторой степени случайно, но, как известно, когда везёт, то везёт во всём. Не думаю, что сильно погрешу против истины, если скажу, что каждый из собравшихся здесь являет собой пример удивительной судьбы. Можно даже сказать, что все мы в той или иной мере застряли между умопостигаемым и чувственным мирами. Это безусловно накладывает отпечаток на судьбу каждого из нас, усложняя нашу жизнь в бытовом отношении. Но вместе с тем, никто кроме нас не в состоянии обозначать абрисы сакральных сторон, невидимых на поверхности, сущностных процессов непрерывно мятущегося разума ...

33В

Когда свет проник в лоно матери, и я обжѣг об него глаза, когда нить, протянутую из моего пупка, отрезали, я понял, что идти в жизнь – это быть в вечной опасности и одиночестве, но последнее я сумел полюбить: без решѣток на окнах я зарешечен словами, и, ни один человек не называл меня по имени, ибо я откусил язык обществу и навсегда отказался от многоликого «мы». Я выходил на улицу с заходом солнца, пылил свои строгие костюмы в нежилых домах, тронутых разрушением, мои ладони чесались от того, что я давно не смеялся. Я забыл, как это делать. Я потерялся в вечных несоответствиях между шуткой и правдой. Семь ночей я вижу урбанистические пейзажи, а потом наполняю ванну вином и пью его кожей.

34А

Когда всерьез танцуешь, разговаривать особенно некогда. Разве что перекинуться парой слов во время смены композиций. Поэтому разговор идет обрывками.

- Фа-Фа, наконец-то мы можем потанцевать! Я уже отчаялась.

- Да уж. Сначала эта речь профессора, потом мадам Кассандра. Чего интересно на нее нашло? Она, по-моему, хотела убить мадам Мошэ.

- Правду говоря профессор мне до этого не казался столь безнадежным! Как он сказал? Сущностные процессы гнетущего ...

- Мятущегося разума, Софи! Мятущегося! И еще этот как его ... особый путь человека испившего нектара мудрости. Кстати сказать, вино хорошее. Оно слегка помогло мне скрасить эту занудную речь.

- Фа-фа, да ты выпил почти все что было на столе! Знаешь, как на тебя недовольно зыркала Мишель!

- Я не обратил внимания, но могу себе представить. Впрочем, ей сейчас не до нас – они с профессором увлеклись абрисами сакральных стон. А выпил я, кстати, потому что нервничал: сегодня для меня очень важный день! И для тебя тоже

- Я заинтригована!

- Пока это секрет!

- Ну начинается!

- Софи, это действительно важно. Но пока что пусть будет сюрприз!

Становится невозможно разговаривать, потому что звучит «Por una Cabeza»

- Софи, ты два раза сбилась при заходе на круг

- Милый, я всего лишь пыталась увернуться, чтобы ты не отдал мне ногу. Так что за сюрприз?

- Так я тебе и сказал.

- Вы так жестоки, месье!

- Сейчас будет «El Chorclo», а потом возможно я сменю гнев на милость

Снова разговор прерван, ибо под «El Chorclo», ей богу, грешно болтать

- Софи!

- Да?

- Ты не знаешь куда все запропали?

- Понятия не имею.

- Вот! А ведь это я попросил их нам не мешать

- Даже Мишель?

- Нет, Мишель увлек беседой профессор. Или она его куда-то там увлекла

- Я немного тревожусь за профессора.

- Бог с ними! Софи. Я хочу сказать тебе кое-что очень важное.

В этот момент начинает играть «Libertango». Франсуа держит медленный, спокойный темп, они кружатся, совершая не слишком сложные шаги.

- Софи!

- Да!

- Выходи за меня замуж!

- Прости, я не расслышала

- Да все ты расслышала, не притворяйся!

- Всё равно повтори!

- Выходи за меня замуж! Я серьезно.

- Фа-фа - Софи чуть не спотыкается то ли от удивления, то ли от волнения – ты всё заранее запланировал, или это импровизация?

Франсуа останавливается и молча достает из кармана коробочку с кольцами. Изящные вещицы, сделанные с отменным вкусом.

«Наверняка пришлось копить на него с полгода» – думает Софи – «Они великолепны»

Музыка как будто усиливается и звучит особенно тревожно. Франсуа смотрит вопросительно на Софи, но та молчит.

- Так как? – говорит он после приличной паузы

- Франсуа, я обязательно выйду за тебя. Но не теперь – Софи говорит это очень тихо и явно с трудом, но глаз не отводит

- Почему?

- Я не могу сейчас. У меня есть некоторые дела, которые надо завершить.

- Какие еще дела?!

- Фа-фа, прости, я не могу тебе этого сказать. Но поверь – это очень важно.

- Ты обманываешь меня! И просто не хочешь! Так бы сразу и сказала! – Франсуа разворачивается и уходит

Софи остается одна. Мелодия замолкает. Софи еще немного стоит, затем медленно подходит к столу, берет свою сумку и чуть слышно говорит:

- Бедный Фа-фа ... как неловко всё обернулось

Затем её взгляд падает на лежащую на столе записную книжку. Софи наконец-то дает слабину, шмыгает носом и вполголоса сквозь слёзы говорит:

- О, похоже растяпа Мишель забыла свой ежедневник.

Она кладёт записную книжку в сумку и медленно покидает пустой и полутёмный зал.

35

- И что же было дальше? – спросила Алиса

- Больше мы не виделись – сказала Черная Королева – но для человека, знающего язык цветов, видеть своего собеседника совсем не обязательно. Цветы же почти никогда не видят друг друга, но тем не менее ближе друг к другу чем люди. Царевич же с тех пор, как получил в свой сад мой цветок, был в курсе всего что происходило во дворце. Ему не нужны были шпионы и осведомители – за него это делали, лилии, эв-

калиты, лотосы. Тмин, анис и кориандр предупреждали о кознях врагов и планах отравителей. Миртовые деревья и платаны сообщали, о чем говорят ученые мужи в храмах и библиотеках. А инжир и олива раскрывали тайные мысли девушек. Одним словом, каждый делал свою работу и перед царевичем как на ладони была вся страна. Его никто не мог обмануть.

И потому он добился успеха. С виду нелюдимый и болезненный он поразил своего отца точностью суждений и острым умом, чем заслужил его доверие и в конечном итоге стал соправителем, а затем и фараоном. А умение проникнуть в мысли женщин позволило ему стать не только официальным мужем, но и действительно очаровать красивейшую из женщин Черной Земли Птаха: Нафрати-та, которая стала его главной женой.

- Как это главной? – не поняла Алиса

- Это первая из жен фараона, коих ему полагалось иметь несколько десятков. Она была очень красива и очень умна. Однако при этом и жутко злобная. Говорили, что в ней яду больше, чем в майском скорпионе. Она исподволь ожесточила его и из несчастного и чуткого он становился нервным и злым. Отец царевича довольно скоро умер, и он вззошел на трон под именем Нефер-хеперу-Ра-Амон-хотеп

- Как?

- Аменхотеп как зовете его вы. А жену его вы зовете Нефертити – усмехнулась Черная Королева – наверное, тебе привычнее такое имя. Но я, уж прости, по старой привычке не могу серьезно воспринимать эти греческие куцые прозвища. Но изволь, чтобы не путать тебя, я дальше буду говорить так, как тебе проще. Первое время дела у царевича шли неплохо. Он ловко избегал конфликтов и внутри страны, и на международной арене и не применяя силу заработал громадный авторитет. Как ты уже понимаешь, не последнюю роль в этом сыграл и тот цветок, который я ему преподнесла. Но в один несчастливый день всё кончилось.

- Почему? – спросила Алиса

- Я не могу тебе точно сказать – ответила Черная Королева – потому что меня убили накануне

- Не понимаю.

- Да чего тут не понять! – Черная Королева казалось была несколько раздражена – дело проще простого. Меня убили, когда я шла в свой

сад, чтобы как раз прополоть вот такие же лилии. Все до них руки не доходили. Сад располагался во внутреннем дворе храма и надо было пройти через довольно длинную и полутемную галерею. Там меня видно и ждали. Кто-то ударил меня сзади по голове, потом тело сложили в мешок и бросили в одну из бесчисленных заводей за городом. Рано или поздно труп съел бы крокодил, или иная речная живность.

- Но ведь этого не произошло?! – неуверенно сказала Алиса

- Нет. Цветы всё же спасли меня. Я вроде бы умерла, но не совсем. Через три или четыре дня я смогла встать и пойти. Я не была живой в обычном понимании: мне не хотелось ни есть, ни пить, я сравнительно спокойно переносила холод и жару. Однако, меня видели люди, я могла с ними разговаривать, до них дотрагиваться и все в таком духе. Но самое главное – теперь я все время слышала Голос Цветов. Я сама до какой-то степени стала цветком, с виду оставаясь человеком

- Как такое возможно? – удивилась Алиса

- Не знаю – ответила Черная Королева – но выбравшись из грязного болота, я сразу же пошла обратно в свой храм. И увидела, что он почти полностью сгорел – вероятно там случился пожар, или же его нарочно подожгли. Рабочие уже разбирали мусор, но сад погиб весь безвозвратно. Меня саму никто не узнал, приняли за какую-то бродяжку и прогнали. Что не удивительно: я выглядела не молодой девушкой, а настоящей старухой, примерно, как и сейчас.

- Но, Ваше Величество, вы вовсе не выглядите старухой – запротестовала Алиса

- Алиса, дорогая – усмехнулась Черная Королева – что есть, то есть. Я, кроме того, совершенно не знала, что делать дальше. Сев под чудом уцелевший после пожара платан, я машинально запела Песню Цветов. И Платан мне ответил! И рассказал, что произошло. Если вкратце – кто-то украл цветок из сада фараона. Этот же кто-то ударил меня по голове. А потом устроил беспорядок в моем саду, уничтожив почти все прочие цветы и растения. Фараон примчался в храм на следующий день. Увидев содеянное, он страшно рассердился. А той же ночью внезапно вспыхнул пожар. Который уничтожил храм практически без остатка. Не стану ничего утверждать, но возможно это было сделано по приказу фараона. Ибо он резко переменился с той поры. По дошедшим до меня слухам, вернувшись в свою резиденцию, он повелел организовать праздник Хеб-сед, «праздник хвоста».

- А что это за праздник? - спросила Алиса

- Ритуал магического перерождения фараона. Его обычно устраивали на тридцатый год правления, когда фараон был уже довольно стар и таким образом пытались восстановить его силу, а значит и мощь всего государства. Но в этот раз Хеб-сед праздновался на четвертый год правления в специально возведенном для этого храме бога Йота, которого вы почему-то зовете Атон. И фараон не пригласил на него никого из жрецов других богов. А на праздничной церемонии объявил, что сам становится одновременно и царем, и богом и принимает имя Эхнейот или Эхнатон. Но это еще куда не шло – он вообще запретил употреблять слово бог и начал массово преследовать жрецов, которые не хотели соблюдать этого установления.

- Он сошел с ума? – спросила Алиса

- Многие считали так – ответила Черная Королева – были и те, которые подозревали фараона в каких-то далеко идущих коварных планах. Но я думаю только мне одной удалось узнать правду.

- Вы сумели еще раз встретиться с ним?

- Нет, конечно – Черная Королева засмеялась каким-то особенно неприятным, трескучим смехом – как могла я обычная замарашка, да еще с проломленной головой добраться до фараона. Я думаю, это и в твоей стране было бы невозможно, а уж в Черных Землях Птаха и подавно. Все получилось одновременно и проще, и сложнее. После того, как я переночевала возле сгоревшего храма, встал вопрос – куда идти. А идти мне было в общем-то некуда. И незачем. И потому я пошла к себе домой, в Счастливейший Йемен.

- Как же вы пошли? – удивилась Алиса

- Да обыкновенно. Ногами. У меня не было денег и нормальной одежды чтобы укрываться от солнца днем и холода ночью. Но я и не испытывала чувства голода и холода. Я была не вполне жива, но и не мертва. Поэтому я просто шла, а когда мое тело изнемогло, я просто падала на землю и лежала там до тех пор, пока силы каким-то образом ко мне не возвращались.

- Но как такое может быть?

- Я не знаю, дорогая моя. Вероятно, я все же частично перешла в мир цветов, и они помогли мне. Но путь по пустыне (мне пришлось идти кружным путем вдоль Нила, а потом через Синай и Набатейю) занял у меня очень много времени. Я потеряла счет дням и брела по караван-

ным тропам пока были силы. Несколько раз я теряла сознание и лежала засыпанная песком, пока пустыня не оживала весной. Тогда я вставала и могла идти дальше. Одежда моя превратилась в лохмотья, тело иссохло. Меня боялись и считали призраком, злым демоном, убивающим младенцев. Лилит – это ведь стало моё имя. От имени демона лилу, на которого испокон века сваливали все похищения пропажи детей и прочие неприятности.

- Но ведь вы не ... я хочу сказать, не делали ничего такого? – Алиса была явно встревожена

- Девочка моя, конечно же нет! Да и пройдя по изнуряющей жаре хотя бы пару часов ты лишней раз рукой не сможешь шевельнуть, не то, что украсть кого-то. Но люди глупы и, кроме того, им там невыносимо скучно, это я хорошо помню по прежней своей жизни. Поэтому они маются ерундой и сочиняют небылицы. Один раз на меня набросились и побили камнями. После этого я стала передвигаться только на закате и рассвете. Одним словом, это был ужасный путь. Но я все же прошла его. И однажды теплым весенним днем снова увидела родную землю. Стояла чудесная погода, только что прошли обильные дожди, и пустыня расцветала. Ты знаешь, я была счастлива! Я поняла, что стоило идти так долго, чтобы увидеть эту красоту! Стать её частью. Я не пошла к людям – кто бы узнал меня прежнюю. Я просто легла на землю и закрыла глаза. Чувствуя, как мои братья-цветы пробиваются на поверхность, растут, рвутся к свободе и счастью. Которое будет недолгим, но абсолютным. Этого не дано испытать и понять людям! А потом я заснула. И мне впервые за долгое время приснился сон.

- И что было во сне?

- Я плыла по Нилу на ладье фараона. Я была в дорогих и красивых одеждах, и сама была очень красивой, не хуже этой напыщенной дуры Неферти-ра. Царевич, то есть уже фараон, был тоже очень красивый. Он правил своей ладьей, но при этом в одной руке держал тот цветок, который я ему подарила и смотрел на меня не отрываясь. Его глаза не болели от солнечного света и сами светились таким лучистым огнем, что описать невозможно. Мы молчали, но в то же время говорили на языке цветов. Я говорила, что люблю его и что он должен быть крайне осторожен, потому что его супруга Неферти-ра, пусть и отослана им под надзор в отдаленный храм, но все ещё опасна. А он говорил мне, чтобы я ни о чем не беспокоилась и объяснял, зачем ему нужно было про-

возгласить себя и царем, и богом. И почему нужно было восславить бога Йота и стереть имя бога Птаха. И еще много других важных для него вещей, которые я не запомнила. Но самое главное – он сделал это чтобы спасти меня, чтобы отныне Цветы были полновластными хозяйками Черной Земли Птаха и чтобы она превратилась в один прекрасный сад. После этого мне захотелось скорее обнять его я вскочила со скамьи, чтобы как можно быстрее прильнуть к нему и выразить свою любовь. Но ...

- Что?

- Ничего – Черная Королева как-то осеклась и помрачнела – все кончилось. Видение пропало, и я оказалась здесь. В том самом виде, к которому все привыкли. И теперь все время бегу, чтобы остаться на одном месте. И не могу радоваться Цветам. Не знаю почему. Может быть у нас просто лилии такие дуры попались. А может потому, что здесь все как будто бы ненастоящее. Зеркала ещё эти, дождь и снег вверх ногами, ветер в обратную сторону. Я устала. Проводи меня до калитки, будь добра.

Алиса молча кивнула. Взяв под руку Черную Королеву, она буквально потащила её к калитке. Которую уже открывали Пудинг и Нахер, под завязку нагруженные собранной вишней.

36B

Моя мысль была чиста, как первозданная месть, я ощущал себя Каином опьянённым, я нёс своё наказание на поверхности век, а впереди простирались равнины. Я готов был обменяться жизнью с любым человеком, лишь бы знать, что ему суждено прожить ещё хотя бы десять лет; моё тело покрылось страданием и ритмы всех возрастов нашли себе по морщине, моё лицо стало похоже на карту: я побывал во всех странах, а умереть предстояло в своей. Всё начиналось с борьбы и разве мог я теперь идти безоружным? Из меня выливаются слёзы, когда улыбка обнаруживает усталость, а руки – голод: я голоден до прикосновений, я не растратил тепла на пустотную муку совокупления. Когда я прихожу домой, я надеваю парик, - он полностью преобразует моё лицо, - принимаю гостей в

широкополой шляпе цвета золы и называю себя женским именем. Раньше у меня было четыре руки, и я мог одновременно мастурбировать, писать письмо и заваривать чай, - но, выбрав тебя из тысячи, я потерял одну пару рук, а с ними – надежду дожить до завтра. Я гнил в подземелье общества, я дожидался, когда скудный луч света проникнет в мой разум, но лишь холодные пальцы луны касались лба моего и я плакал, собирая слёзы в пиалу. Меня зовут Каин. Я сделал тебя из субстанции сна, я перепутал даты на календаре, и никому из нас не успеть тебе на помощь.

37А

- А я же говорила – не надо было так делать – сказала мадам Мошэ, размешивая сахар в чашке с чаем - но ты меня, как обычно, не слушаешь. Вообще, вся затея дурацкая. И профессор тоже хорош: зачем было нести двадцать минут этот бред про умопостигаемые миры?

Кассандра Приамониду только фыркнула в ответ

- И кстати – продолжала мадам Мошэ - когда ты уже перестанешь вскидываться при упоминании Аполлона? Столько лет прошло.

- Никогда! – прорычала мадам Приамониду – не лезь в это, не по разуму оно тебе!

- Раба любви! – саркастически заметила мадам Моше – была ты у меня одна контуженная, а теперь двое вас. С обаятельным, но вдребезги пьяным французом.

- Ммм – только и смог произнести Франсуа. Сказать, что после объяснения с Софи он напился – это не сказать ничего.

- Еще рюмочку? – спросила мадам Мошэ и не дождавшись ответа достала откуда-то из складок своей длинной юбки небольшую бутылочку зеленого стекла и налила из нее в рюмку Франсуа

- Я больше не ммм...могу – еле выговорил Франсуа

- Можешь-можешь – твердо сказала мадам Мошэ и практически насильно влила ему рюмку в рот.

Франсуа с полминуты непонимающе хлопал глазами и переводил дух. Постепенно лицо его приобрело осмысленное выражение. Он как будто бы протрезвел, и даже собирался что-то сказать, но затем разра-

зился длинным нецензурным ругательством и, заплакав, снова упал на стол.

- А некоторые, помнится, говорили, что французы на самом деле неэмоциональные – сказала Кассандра Приамониду

- А некоторые помнится говорили, что нет ничего лучше, чем предложение руки и сердца под звуки танго – сварливо ответила мадам Мошэ – и результат как обычно превзошел ожидания.

- Раз на раз не приходится. Может не тот момент выбрали. И вообще, чего ты опять начинаешь! Что делать то теперь они хотят?

- Решили устроить послезавтра посиделки в старом доме – вступила в разговор подошедшая Эвелина – профессор не может до конца определиться, потому назначил решающую проверку. У вас тут как дела?

- Как сажа бела – сказала мадам Мошэ – жених пьян, невеста сбежала.

- С бабами вообще тяжело – задумчиво сказала Кассандра Приамониду, глядя куда-то в окно, где была, откровенно говоря, непроглядная темень и более ничего

- А с мадемуазель что?

- Мне кажется – важно сказала Кассандра Приамониду – она либо правда не причем, либо очень профессионально скрывает свои намерения.

- Очень ценный анализ! – не преминула съязвить мадам Мошэ – всё проясняющий.

- Прошу, не начинайте снова – сказала Эвелина – у меня и так голова гудит. И вино в этот раз кислое какое-то. Кстати, баб Мош, у тебя не осталось настойки твоей? Хоть пятьдесят капель?

- Само собой – мадам Мошэ уже снова разливала настойку по рюмкам – Кася, душа моя, ты будешь?

- Буду – сказала Кассандра Приамониду – сопьешься с тобой, станешь ахинею пороть как профессор. На нас кстати уже официант пялится, того гляди ещё скандалить начнет

- Да пошел он нафиг! – мадам Моше перешла при этом на русский язык - Пусть лучше нашему сбитому летчику такси вызовет! Ну давайте, девки, со свиданьем!

- Ой, крепкая – поморщилась Эвелина – отвыкла я. А вообще, баб Мош, баб Кась, как я по вам так соскучилась! Сил моих нет просто!

- Терпи, Ленка, недолго осталось – сказала баба Моша.

- Да чуть-чуть совсем – кивнула баба Кася
- Давайте споем – предложил Эвелина – только потихоньку
- Это можно – обрадовалась баба Моша. И завела:

Пора в путь-дорогу,
Дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идем,
Над милым порогом
Качну серебряным тебе крылом

Эвелина и баба Кася, конечно же, подхватили:

Пускай судьба забросит нас далеко, — пускай!
Ты к сердцу только никого не допускай!
Следить буду строго,
Мне сверху видно все — ты так и знай!

- Радость полета есть высшее наслаждение – пробормотал Франсуа
- А хороший парень, понимающий – заметила баба Моша – зря она, конечно, его так.
- Да все будет нормально, Яковлевна – ответила баба Кася – Ленк, ты правда попроси официанта вызвать таксомотор. И на чай побольше оставить надо, чтобы не дулся.
- Ещё на чай ему, упырю – недовольно буркнула баба Моша, но все же полезла в кошелек за купюрами.

38В

Мне хотелось раствориться, исчезнуть, изойтись детским радостным смехом в уроборическом кровосмешении. В исчерпанном нечто обрести долгожданное Ничто и стать Всем. В спасительной пещере укрыться от стрел осознанности и превзойти себя в умении забывать. Познать экстаз и восторг, чтобы возложить плоды его на алтари невинности; лишиться звания героя и имени ремесленника, возраста диктатора и пола королевы, лишиться способности различать цвета и запахи. Стать кругом и решить квадратуру круга. Больше не быть

и быть вечно. Тот, кто хотел увидеть самый яркий свет, погрузился в изначальную тьму. Тот же, кто, погрузившись, выжил, увидел, что яркий свет есть самая густая тьма. Слепец протянул ему вилку, между зубцов которой запеклась потемневшая кровь, и Велимир постиг, что больше не хочет видеть. Круглая каменная башня с шестью маленькими окнами, фигура человека мужского пола, карабкающаяся по стене. В башне находится слепец и он притягивает того второго, - оба безымянные, но можно стать Адамом и дать имена каждой живой твари, будь то человек или зверь. Слепец ушёл в одиночество песни, другой же – стремится нарушить его покой криком. И он кричит. Громче, чем способен выдержать слух. По-настоящему бесстрашный осмотрел миллиарды возможных страхов и понял, что они суть одно – несовершенство познающего, ставшее доблестным совершенством познавшего.

39

Сцена номер десять: компот из вишни и Белый Рыцарь

- Ничего себе, вы набрали вишни – сказала Алиса – две больших кастрюли компота плюс еще осталось. Вчера весь вечер ушёл на приготовление.

- Мы старались – сказал Пудинг – и не говори, что вишня невкусная!

- Вишня очень вкусная – сказала Алиса – я даже не предполагала, что тут такая растет. Но вы лопнете, если всю её съедите. Даже в виде компота. Треснете как Шалтай-болтай

- Не треснем! – пробормотал Нахер с набитым ртом – вот ещё. Одно дело – ненадежный человек-яйцо, а другое – мы с Пудингом. Тертые калачи. Едали и не такое. Сживвали в ресторанах!

- Вы там тоже рот рукавом вытирали? – язвительно осведомилась Алиса

- В настоящих ресторанах ещё не так себя ведут – сказал Пудинг
Нахер утвердительно кивнул и продолжил чавкать и причмокивать. Алиса вздохнула и посмотрела в окно. На пригорке показался

Белый Рыцарь. Зачем-то оставив своего деревянного коня на самом вершине холма, он пешком стал спускаться к дому что-то бормоча себе под нос. Но зазеркальное эхо многократно усиливало его слова и вот уже весь дом практически содрогался от грохота:

- Однажды вечером я уснул и проснулся в облике оленя. Я снова был молод и весел сердцем и тогда я запел о приходе Недмеда и его народа и о собственном моем преобразении ...

- Сказание о Туане Мак Кайриле – констатировал Пудинг

- Да, дальше будет про Фир Болг, приход богини Дану, первая битва Маг Туиред, вторая битва Маг Туиред – сказал Нахер

- В любом случае, это не слишком похоже на его обычную «Песню о старичке» - сказала Алиса

- Прошу, не упоминай о ней – воскликнул подошедший Белый Рыцарь - Слишком долго это длилось и слишком много такого, что приходилось вычеркивать из памяти, потому что эта проклятая песня не оставляла места в голове. Я был олень! Я был вепрь! Я сидел среди тех, кто выносил решения у Партолона. Я был царь-лосось! А в следующем воплощении я пересёк океан и прославился как Хун-Хун-Ахну, величайшим героем народа майя-киче. Там я попал в царство мертвых, где мне отрубали голову и повесили её на дерево. Но я чудесным образом выжил и вернулся. Однако, никогда ни на том, ни на этом свете я не испытывал таких унижений как при исполнении этой дурацкой песни.

- Но она действительно очень милая – робко возразила Алиса

- Милая! – Белый Рыцарь совсем распалился и едва ли не кричал – Конечно она милая, когда слушаешь её один раз в год. Но когда ты каждый день должен её петь на протяжении многих лет – это совсем не мило, и вовсе не прекрасно. Ах, если бы ты могла знать, какие песни я пел. Как чудесна была мелодия моего великолепного голоса! Как приятно ушам чарующих юных дев! Голос мой был печален и сладок.

Белый Рыцарь вдруг замолчал, прикрыл глаза и начал раскачиваться видимо в такт чарующему голову прежних времен. Пауза несколько затягивалась и тогда Пудинг сказал:

- Может быть компоту?

И подвинул кружку Белому Рыцарю. Белый рыцарь открыл глаза, и сказал:

- Да!

Но потянулся не за кружкой, а за кастрюлей, которая также стояла на столе, взял её и опрокинул в рот её содержимое целиком. Затем, вытерев губы, он сказал, обращаясь прежде всего к Алисе:

- Прости, но мне больше нечего тебе сказать.

И с этими словами повернулся и быстро ушел. Через минуту уже было слышно, как он снимает с тормоза своего деревянного коня и вполголоса ругаясь взбирается на него.

Алиса, Пудинг и Нахер некоторое время еще просидели молча.

- Да уж, попили компотику – сказал наконец Нахер

- Почему он так орал! – возмутилась Алиса – почему вообще все они то орут на меня, то требуют сочувствия.

Пудинг молча подвинул Алисе кружку. Та тоже сделала приличный глоток и сказала:

- Знаете, что, мальчики. Судя по всему, настал и мой черед немного прогуляться.

- А куда ты хочешь пойти? – спросил Пудинг

- К Шалтаю-Болтаю.

- Зачем?

- Соскучилась. Давно не была

- Мы с тобой! – сказал Нахер

- Нет уж, вы оставайтесь. Вы же не взяли меня за вишней. Вот и я хочу побыть одна. А вы тут пока приберитесь, посуду там, полы, вещи убрать, ванную комнату в порядок приведите. В общем чтобы все было чисто. А я вернусь – всё проверю! Вам понятно?

- Да, королева! – дружно ответили Пудинг и Нахер.

40А

Дом был действительно очень старым. Такое ощущение что он чудом уцелел при перестройке Парижа бароном Османом, и при этом его не ремонтировали ещё как минимум несколько веков до этого. Парадный вход был каким-то огромным, обшарпанным и страшным, как в замке Синей Бороды. Хорошо хоть звонок электрический провели.

«Все-таки, что я им скажу?» – в сотый раз подумала Софи – «Явиться без приглашения само по себе не слишком вежливо, а с моими целями – тем более. Впрочем, в сложившейся ситуации надо быть выше условностей!»

Она только собралась позвонить, как дверь неожиданно открылась и Софи увидела Эвелину.

- Здравствуйте!

- Какой сюрприз! Добрый день! Вы тоже к нам?

- Ну вообще-то я без приглашения – сказала Софи, и подумала: «Боже, ну почему я всегда оправдываюсь. Разве трудно было этого не говорить?»

- Ничего страшного! Полагаю, профессор будет рад вас повидать. Они как раз с вашей подружкой что-то живо обсуждают, а меня послали с небольшим поручением. Проходите смело.

- А как их найти?

- О, это очень просто. Сейчас идите прямо, заходите в левую дверь, на второй этаж, а потом по коридору направо. Там невозможно заблудиться. Я, к сожалению, очень спешу.

«Странная она всё-таки, эта Эвелина – подумала Софи – совсем не похожа на секретаря, да и на англичанку не очень. Хотя она же, по-моему, говорила, что иностранка. Вот эта дверь, что ли? О, открывается! О-ля-ля, как же тут темно!»

Внутри было к тому же ещё и пыльно, но лестница все же нашлась довольно быстро. Не слишком удобные каменные ступени, сырость, кажется, даже плесень. Интересно, тут вообще кто-нибудь живет? Софи одолела пару пролетов и услышала голоса, один из которых точно принадлежал Мишель.

- ... с тех самых пор, профессор, моя семья постоянно ведет поиски этих реликвий. Можно сказать, что род Делагардэ посвятил себя этой миссии. Кто-то работает в архивах, кто-то неустанно путешествует и ведет полевые исследования, кто-то вступает в тайные эзотерические и гностические общества, кто-то ищет медиумов, способных связаться с умершими, или сам пытается стать таковым. Но всё в конечном счете подчинено одной цели: обрести Священный Грааль, что бы под этим термином не понималось. Именно поэтому я здесь. Я, с виду слабая женщина, тем не менее представляю тук незримую, но могущественную силу, которая в достижении своих целей не остановится ни перед чем...

При этих словах Софи не удержалась и прыснула. Стены обеспечили громкое эхо, и Мишель осеклась.

«Вот и выдала себя, совершенно по-дурацки» - подумала Софи – ну ладно была не была». Делать был нечего, и она шагнула в дверной проем уверенно и с прямой спиной. Как учил папа.

- Добрый день – сказала она – мне ужасно неловко оттого, что я подслушивала и ещё более – от того, что явилась без приглашения, но, меня вынудили к этому чрезвычайные обстоятельства.

- Я не ожидала тебя здесь увидеть ... - недовольно начала Мишель

- А я, напротив, чрезвычайно рад приветствовать в этом скромном доме мадемуазель Софи де Ла Гарде – сказал профессор

- Я чрезвычайно тронута – Софи вспыхнула и как будто бы смутилась, но вместе с тем в её голосе внезапно появились нехарактерные доселе металлические нотки – уважаемый профессор, что вы правильно произносите мою фамилию. У нашей семьи, к большому сожалению, мало что осталось кроме символического капитала, поэтому мы очень щепетильно относимся к подобного рода вещам. Кроме того, это позволяет мне сразу перейти к цели моего визита. Пока, дорогая Мишель, ты болтала глупости и выдавала себя за представителя нашей фамилии в студенческом кругу, я относилась к этому спокойно – в конце концов временами это было даже забавно.

- Я не понимаю ... – начала было Мишель

- Мишель, дорогая – металл в голосе Софи все усиливался и казалось перешел в настоящий яростный звон - ты совершила две большие ошибки. Во-первых, не в обычае семьи де Ла Гарде сообщать первому встречному о своем происхождении. А во-вторых, в последнюю нашу встречу ты забыла свой дневник.

С этими словами Софи достала из сумочки найденный в кафе журнал и положила его на стол. Мишель вскочила, и сжав кулаки бросилась к Софи, но профессор, несмотря на всю свою внешнюю неповоротливость, каким-то образом перемахнул через стол оказался между ними. Затем он, кажется, щелкнул, или просто пошевелил пальцами перед лицом Мишель (этого Софи не удалось толком рассмотреть), и та мгновенно обмякла и погрузилась то ли в сон, то ли в забытьё.

- Софи, прошу вас, вы не могли бы освободить от вещей вот то кресло – профессор едва успел поймать обмякшую Мишель – положи- те бумаги прямо на пол, ничего страшного

- Конечно.

Усадив Мишель, профессор прижал к её вискам средние пальцы и негромко сказал: «Говори»

И Мишель заговорила.

41B

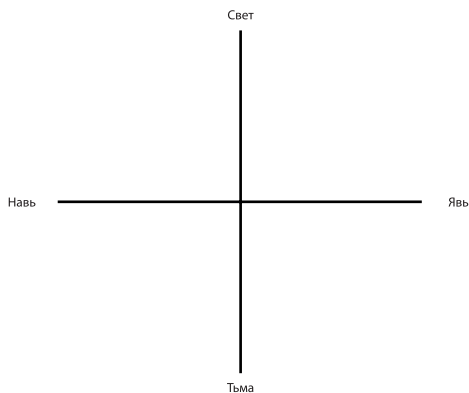
Пишу для мёртвых, то есть – для живых, ведь каждый из нас умирал многократно, и не делаю различий между словом и звуком, как не делаю его между смертью и жизнью. Написанное слово и произнесённое кем-то – суть одно: написанное, будучи прочитанным, звучит в полотнищах разума и у кого-то даже достигает души, произнесённое же – уже освободилось от разума одного, дабы заселить мыслями разум другого, но оба они едины в своём звуке-беззвучии; между ними не пропасть, а невероятность сближения двух понятий. Сближаются они лишь при сближении ума и сердца. Именно так читаются мысли и принимаются сигналы небес. Как только слово книги обретёт свой голос, мы потеряем узость суждений и перестанем питать свой мир иллюзиями, догадками; мы просто будем читать молчание – как людей, так и предметов, а беспредельность произнесённого станет ключом к истинному звуку (ложному беззвучию).

42

Сцена номер одиннадцать: Встреча в лесу

Путь оказался довольно долгим, хотя Алисе казалось, что она давно уже освоилась в лесу и прекрасно знала самую короткую дорогу. Но поляна, на которой стояла Шалтаева Стена всё никак не появлялась. Зато за очередным поворотом Алиса увидела привычную картину: Черный и Белый рыцари неслись друг на друга на своих деревянных конях.

Бац, клац – и в мгновение ока оба оказались на земле. Алиса вспомнила, как её раньше забавляла эта битва, но теперь настроение было совсем иным, и она хмуро спросила:

- Вам не надоело паясничать?

- Надоело – сказал Белый Рыцарь – но нет иного выхода. Я не мог говорить при твоих ... при твоих Пудинге и Нахере. Поэтому мне пришлось выманить тебя сюда.

Алиса открыла было рот, чтобы сказать, что она вообще-то шла по другим делам и никто её не выманивал, но посмотрев на довольное лицо Белого Рыцаря, передумала.

- Рассказывай – просто сказала она.

- Нет пусть лучше он - вдруг сказал Белый Рыцарь и показал мечом в сторону Черного - Я отвлекусь и запою какую-нибудь песнь, а он тебе скажет все точнее и короче.

Черный Рыцарь кряхтя встал с земли, достал из ножен меч и нарисовал на песке крест.

- Смотри – сказал он – Все просто. Вот это верх, это низ. Вверху Свет, внизу Тьма. По бокам же справа Явь, слева Навь.

Линии между ними – это границы. Когда ты рождаешься или умираешь ты эти границы пересекаешь. Ну почти как шахматы, собственно.

- Помнишь, когда ты сюда только попала, ты была пешкой - начал как всегда издали Белый Рыцарь

- Да помню конечно – перебила Алиса – как это забудешь. Не отвлекайтесь! Дальше что?

- Ну вот – продолжил Черный Рыцарь – а теперь представь, что клетки всего четыре и ходить наискосок нельзя. Твоя судьба в этом случае жестко определена. К примеру, ты живёшь сейчас в Светлой Яви, потом умираешь, переходишь в Светлую Навь.

- *Постойте, я ничего не понимаю!* – воскликнула Алиса – *что это такое Навь, Явь, почему они разного цвета? Объясните!*

Черный Рыцарь немного пожевал губами и ответил:

- *Наверное, Свет и Тьма, по-вашему, это добро и зло. А Явь и Навь – жизнь и смерть. Вот, например живет человек добрый хороший никому зла не делал. Это и есть Светлая Явь. Потом умирает и ...*

- *Попадает в рай?*

- *Ну пусть так. Светлая Навь это называется – Черный Рыцарь провел мечом по верхней части рисунка справа налево. Теперь он вот здесь. И остается тут какое-то время, а потом настает пора поменять дислокацию. И у него есть путь либо обратно – в мир живых, где он опять будет добрым человеком, либо сюда вниз, в Темную Навь*

- *В ад что ли?*

- *Да нет никакого рая-ада – Черный Рыцарь явно не мог сформулировать свою мысль понятнее и оттого злился – объясни ей*

- *Алиса – снова вступил Белый Рыцарь – понимаешь в чем дело. Ваши представления несколько неверны. Вы почему-то считаете, что в рай и ад, как вы их называете, попадают раз и навсегда. На самом деле в Нави идет точно такая же жизнь как у вас в Яви, в мире людей. Души совершают поступки как добрые, так и злые, и со временем это меняется. Дурные становятся хорошими, хорошие дурными – нет никакой разницы. Все то же самое, разве что тела у тебя нет, не хочется спать пить и есть и зубы на ночь чистить не нужно.*

- *Ненавижу чистить зубы – сказала Алиса.*

- *Ну ты знаешь, как это ни удивительно, многие в Нави по таким вещам скучают. Так вот, переход из Яви в Навь и из Света в Тьму происходит по строгим правилам.*

- *Наискосок нельзя – вставил Черный Рыцарь, который немного успокоился – это понятно?*

- *Понятно – сказала Алиса, хотя ей было совершенно ничего не понятно.*

- *Ну слава богу!* – сказал Черный Рыцарь с облегчением – *а если вдруг кто-то это закон нарушает и пытается перейти наискосок, то его помещают в такое место как Зазеркалье.*

- *То есть вы все здесь, потому что что-то нарушили? – немного наугад спросила Алиса*

- Не что-то, а базовый закон мироздания! – сказал Черный Рыцарь со значением – причем никто из нас толком не знает как это получилось. Мы все пошли не на соседнюю клетку, а наискосок. Вот он – Черный Рыцарь указал мечом на Белого – махнул прямо из Светлой Яви в Темную Навь. Пока он там из лосося превращался в кабана это никого не волновало. Но когда он из мира людей прямоком ломанулся в Шибальбу, в самую натуральную преисподнюю, где живут самые злые боги, которых можно только вообразить – это непорядок.

- И вы вернулись оттуда живым? – спросила Алиса

- Ну как живым – немного замявшись ответил Белый Рыцарь – скажем так частично. Мне отрубили голову, но до этого я успел покинуть свое тело и возродиться в образе кукурузы

«Этого еще не хватало!» - с ужасом подумала Алиса - «Он похоже окончательно спятил. Уж лучше бы пел свои песенки»

- А я – продолжил Черный Рыцарь – напротив переходил из Светлой Нави в Темную Явь. Угораздило же!

- И не говори! – вдруг раздался голос Бедой Королевы, которая стояла неподалеку и видимо уже давно подслушивала разговор

- А, это ты – равнодушно сказал Черный Рыцарь – как обычно появляешься, где тебя не ждут и делаешь что не просят.

- Дитя моё – Белая Королева видимо решила не вступать с Рыцарем в прения и обратилась к Алисе – если я не ошибаюсь ты куда-то шла по делам?

- Да, я хотела заглянуть к Шалтаю-Болтаю

- Позволь мне проводить тебя – сказала Белая Королева – заодно я тоже, с твоего позволения, вставляю пару слов по обсуждаемой теме.

С этими словами она взяла Алису под руку, и повела по тропинке прочь.

43В

Много ли тех, чья жизнь пролегает между экстазом и апатией? Тех, кому неизвестна «золотая середина»? Тех, кто, являясь жертвой крайних и опасных переживаний, тем не менее, остаются в центре, чтобы обозревать манящие их бездны льда и огня? Много ли тех, кто под

маской внешнего спокойствия таит внутренние вулканические порывы? Много ли тех, чьи вулканические порывы и острое желание жить сменяются пронзительным стремлением исчезнуть, немедленно положить всему конец? Пьянящий восторг ведет за собой за руку, как невесту, бездонную грусть. Одухотворяющая радость не приходит одна, за спиной ее прячется ацеция. За Дионисом крадутся его убийцы Титаны, за прикосновением Персефоны к прекрасному цветку в Ниссейской долине следует погружение в Аид, за дерзновенным взмахом икаровых крыльев – жестокая кара солнца.

44А

Что же получается – сказала Софи – отпивая кофе, любезно предложенный ей профессором – она считает себя одновременно и девицей Лефевр и Гийомом де Ла Гарде, пропавшим невесть где альбигойцем?

- Ну, обратись мы к психиатру, он именно такой диагноз бы и поставил. Раздвоение личности. И скорее всего обратил внимание, что бедняжка Мишель Лефевр прочитала про альбигойские войны и осаду Монсегюра все, что смогла найти в интернете. Видимо её так потряс сюжет, что со временем сжилась с этой информацией, и стала считать, что она и есть самая настоящая Деллагардэ.

- Хорошо, что в интернете пишут по большей части всякую ерунду – усмехнулась Софи – но причем же тогда здесь Грааль? Насколько я могу судить, она искала его вполне серьезно, постоянно говорила об этом.

- Я полагаю, Грааль должен был освободить Гийома де Ла Гардэ, дать ему собственное тело.

- Понятно – кивнула Софи – держу пари, что после этого они должны были бы немедленно пожениться.

- Не исключено – профессор порылся в ящике стола и достал оттуда какую-то бумажку – хотя по слухам чаще всего бывает строго наоборот. Я тут наткнулся на один забавный чат магов и эзотериков. Там на полном серьезе люди делятся личным опытом как они изгоняли подселённую душу, к какому магу обращались. Кроме всего прочего сообщается, что подселение души происходит чаще всего во время потери памяти, в том числе при операции под общим наркозом или курсе антидепресс-

сантов. На основании чего делается вывод, что ни в коем случае нельзя соглашаться на операции и приём лекарств.

- Боже, профессор, никогда бы не подумала, что вы станете читать подобную ерунду!

- О, иногда бывает довольно любопытно. Кроме того, разве ж это ерунда?! В научных монографиях видывали ерунду и похлеще, как говорится.

- Вы сейчас сказали это совершенно как персонаж сказок Кэрролла – засмеялась Софи – я так понимаю работа над «Подлинной историей Алисы Лидделл» оставила свой след.

- Вы её прочли? – удивился профессор

- Признаться, да. Эвелина дала мне распечатку. Правда, там не было окончания.

- А я-то гадал: куда она подевалась! – воскликнул профессор - Между нами, Эвелина в некоторых вопросах редкая бестолочь. Ну и как вы нашли мои литературные опыты?

- Должна сказать, что я скептически отношусь и к Кэрроллу, и к его произведениям, не говоря уже о продолжателях и эпигонах, тем не менее, ваше продолжение показалось мне интересным.

- Я ценю вашу деликатность, Софи.

- Нет же, я говорю совершенно серьезно.

- Честно сказать, я не дописал там кое-что и не вполне уверен в нескольких уже готовых отрывках. Но концовка у меня где-то была – профессор порылся в ящике стола и извлек оттуда порядком смятые листки. Вот, извольте. Я, кстати говоря, был бы вам признателен, если бы взяли на себя миссию все это поправить и придать благопристойную литературную форму. А я потом похлопочу чтобы это было надлежащим образом издано. Будем с вами в соавторстве.

- Право не знаю – Софи растеряно смотрела на листки – я же никогда ничего не писала

- Берите, берите – сказал профессор мягко, но вместе с тем, крайне убедительно – подумайте, в самом деле, что вам теперь делать? Честь рода де Ла Гарде защищена, мы позаботимся о Мишель и никто уже не будет вас в этом смысле беспокоить. Неужели вы хотите после университета всю жизнь ковыряться в пыльных архивах или того хуже, преподавать литературу малолетним оболтусам. Кроме того, как мне кажется, вы обладаете редким сочетанием: чувством языка и одновременно

здравомыслием. Я думаю, все у вас должно получиться в наилучшем виде.

- Профессор – засмеялась Софи – почему вы решили, что я непременно напишу по предложенной вами теме?

- Так вы отказываетесь? Я полагал, что это будет вам интересно.

- Профессор, женщина не может взять и решиться так сразу. Я даже Франсуа позавчера почти что отказала, когда он предложил мне руку и сердце, сама не знаю, кстати говоря, почему. Хотя до этого два года прикладывала серьезные усилия к тому, чтобы он мне это предложение сделал.

- Он, кстати сказать, очень переживает – сказала вошедшая Кассандра Приамониду - добрый день Софи. Извините, что вмешалась в ваш разговор. Вообще парень хороший.

- Все образуется, я надеюсь – мягко сказал профессор и обратился к Кассандре – я смотрю вы благополучно вернулись. В таком случае зовите мадам Моше, нам надо заняться нашей подопечной.

- А что вы намерены делать? - спросила Софи

- Ничего особенного – небольшое гипнотическое воздействие плюс полезный травяной отвар с высокой вероятностью приведут её в чувство, и она забудет о своих навязчивых идеях. Потом мы отвезем её к моему коллеге, декану Паварони в горы, она недельку-другую поживет на свежем воздухе и по приезду это будет уже настоящая Мишель Лефевр, а никакая не Делгардэ. Единственный нюанс – она, скорее всего, перестанет вас узнавать, так что при случае вам придется повторно познакомиться.

- Честно говоря - сказала Софи немного помедлив – у меня нет ни малейшего желания этого делать. Но, послушайте, ведь это такие расходы? Зачем вам влезать в эту историю?

- Уверяю вас, расходов почти никаких. Коллега Паварони из уважения ко мне не возьмет никакой дополнительной платы. Ему там в деревне элементарно скучно, а случай у нашей Мишель действительно необычный и с научной точки зрения весьма интересный. Кроме того, мы так и так собирались туда отправляться на днях.

Софи, честно говоря, не особо поверила во все эти объяснения, но выражать сомнения было уже неудобно. Впрочем, ей не без некоторого удивления вдруг стало ясно, что дальнейшая судьба Мишель совершенно перестала её волновать. Поэтому она сказала:

- Я, пожалуй, пойду. Спасибо за кофе, оно было восхитительным! – и уже почти дойдя до двери вдруг обернулась и спросила - Профессор, я ведь могу рассчитывать на вас?

- Разумеется! – обворожительно улыбаясь ответил профессор – мы всё сохраним в полнейшей тайне. Кстати, не забудьте бумаги.

45

Сцена номер двенадцать: Белая Королева

- Они совсем заморочили мне голову – пожаловалась Алиса – а я ничего уже не понимаю. Вы можете мне всё это объяснить по-человечески?

- Как раз по-человечески это объяснить невозможно – ответила Белая Королева – ты не забывай, что мы все теперь ни в Яви, ни в Нави, ни в Свете, ни в Тьме. В Зазеркалье.

- Опять начинается – вздохнула Алиса

- Дорогая, Черный Рыцарь сказал правду. Мы все здесь очутились потому, что вольно или невольно нарушили эти самые дурацкие законы. Суть которых в том, что уж если ты жив, то будь живым и веди себя как приличествует всему живому. А уж если умер – то будь мертвым, сиди себе в своем царстве мертвых, и не шастай, понимаешь, туда-сюда. Вот нас и поместили сюда, как каких-то бродяг в кутузку.

- А я? – спросила Алиса – я-то здесь причем? Мне десять лет, я хожу в школу и не успела никого убить, никого отравить и вообще ничего сделать. Я-то почему оказалась здесь? И что вы все от меня хотите?

- Отвечаю по пунктам – тоном школьной учительницы сказала Белая Королева – почему ты оказалась здесь я не знаю, это тебе лучше спросить у Шалтая-Болтая. А что мы от тебя хотим я знаю – мы хотим, чтобы ты решила нашу судьбу. Как тебе собственно было объявлено на церемонии Прихода Весны.

Алиса только вздохнула в ответ. Вдруг ей показалось, что недалеко от тропинки пробежал Белый Кролик. Она обрадовалась – раз это Белый Кролик, значит есть шанс снова оказаться в норе и попасть в нормальный мир! Боже, только бы это было не галлюцинацией!

- Я кажется видела кролика - начала она – надо бы проверить!

Но то, что она приняла за кролика оказалось обычным зазеркальной живностью: какая-то немыслимая помесь барсука, ежа и лисицы. Зверь высунул голову из кустов, деловито понюхал воздух и через мгновение сгинул обратно.

- Да откуда тут кролики ... - рассеяно ответила Белая Королева, которая тоже углубилась в собственные мысли и потому замолчала.

Некоторое время они шли молча. Наконец Алиса спросила:

- А как вы сами сюда попали?

- Вместе с Черным Рыцарем. У нас, видишь ли, получилось вот что...

Неоконченная история Белой Королевы и Черного Рыцаря

Лягва любит Василису. Василиса любит Лягву.

У меня было много имен. Самое известное – это Медб, королева Коннахта. Я тогда была очень красивой, не то, что сейчас. Уладский цикл повествовал обо мне. Потом его записал Святой Патрик и он стал известен далеко за пределами Ирландии. Я много раз рождалась и умирала после этого, но имя мое все же Василиса. И я расскажу почему так.

Королева Медб умерла довольно необычно. Во время купания в озере в меня бросили камень, я потеряла сознание и захлебнулась. Потом правда наврали про то, что это был кусок сыра и бросил его Фурбайде, сын моей сестры Клотре, но в этом, поверь мне, нет ни слова правды. Также, как и в том, что я убила свою сестру. На самом деле она заболела и умерла еще ребенком, это тогда часто случалось, да, думаю, и теперь не редкость.

Так или иначе я перешла из Яви в Навь. Мне не полагалось Светлой Нави, ибо душу королевы Медб, честно говоря, нельзя было назвать светлой. Таким образом, это была Темная Навь. Вечный полумрак, в котором едва можно различить другие тени.

Собственно, в этом и есть основная трудность: все зыбко, ничего не ясно. Мало по малу полумрак начинает жутко раздражать. Ты злишься, начинаешь пытаться вырваться из него. Потом ты начинаешь в бешенстве носиться по этому сумраку и натывать на таких же отчаявшихся теней, как и ты. Знаешь, что самое неприятное во всем этом?

- Что?

- То, что они пролетают сквозь тебя даже порой не видя. Вот так -Белая королева вдруг взяла и прошла сквозь Алису. Алиса от удивления вытаращила глаза и даже остановилась.

- Теперь ты понимаешь, как это шокирующе неприлично?! – воскликнула Белая Королева – я сначала реагировала точно так же. Больше того, мне хотелось всех их примерно наказать, я всё же была королева Коннахта, а не какая-то замарашка. Впрочем, это неважно. Ну что ты стоишь нам же пора идти!

Алиса послушно пошла за королевой, которая перестала быть неосязаемой и схватив её за локоть попыталась потащить вперед по тропе.

- А куда мы так спешим? – спросила Алиса

- У тебя действительно мало времени, милочка – сказала Белая Королева – как ты уже знаешь, ты должна решить нашу судьбу. С этим тянуть уже совершенно невозможно

- Минутку – Алиса остановилась как вкопанная – как я могу решить чью-то судьбу, если не понимаю, что происходит. И вообще, перестаньте суетиться и меня подгонять! Лучшие толком расскажите, что у вас там приключилось. Иначе я с этого места не сойду! – решительно закончила она.

Белая Королева отпустила Алису и сделав несколько шагов вперед и села на первый попавшийся пенёк, весьма кстати оказавшийся на её пути.

- Хорошо – сказала она – раз хочешь, так слушай. Но тогда уж это будет действительно подробно, без сокращений. И ты, будь добра, не перебивай меня!

Алиса кивнула.

- Я не знаю сколько точно времени я провела в этом чёртовом полумраке – продолжила Белая Королева - Мне кажется, тысячу лет самое меньшее. И с каждой секундой это становилось все невыносимее. Но однажды, когда я уже отчаялась найти выход и просто брела неизвестно куда. Ну а когда ты бредешь, не разбирая дороги, то рано или поздно провалишься. Так вот я провалилась и довольно долго летела по какому-то тоннелю.

- Там не было полок с банками с вареньем и географических карт? – спросила Алиса

- Нет – несколько раздраженно удивилась Белая Королева - с чего бы им там быть? Не перебивай меня, я же просила! Я приземлилась на что-то мягкое. Это было очень странно ощущать, потому что от материальности мира быстро отвыкаешь. Но самое удивительное я увидела свет! Даже сияние. Это был шатер не шатер, купол не купол – какой-то павильон, светившийся изнутри всеми цветами радуги. Я вошла внутрь и увидела его

- Кого?

- Не перебивай, говорю же! – довольно невежливо оборвала Алису Белая Королева – Итак, я увидела его, он был не то, чтобы красив, скорее «л'унтаг». Так на моем языке назывались люди, которые не были красавцами, но от которых нельзя оторвать глаз. Он как будто бы сидел на радуге, которая разлилась на полу и сверкала-переливалась разными цветами. Для меня, уже бог знает сколько времени не видевшей ничего кроме серости Темной Нави, это было самым прекрасным, что вообще могло случиться. Я шагнула на порог. Он увидел и спросил меня: «Кад ис анум дец?»

- А что это означает?

- Не смей меня перебивать! – почти закричала Белая Королева и страшно округлила глаза. Конечно в её нынешнем шахматном обличье, это было не так уж и страшно, но Алиса вдруг увидела в глубине её почерневших зрачков Настоящую Ярость Королевы Медб, которая погубила не одну сотню людей и в Ульстере и в Коннахте да и по всей Айрин. Поэтому Алиса немного испугалась и притихла. Немного успокоившись, Белая Королева продолжила рассказ.

- На моем родном языке это означало: «Как тебя зовут?» Но дело было не в вопросе как таковом. Просто краше и слаще гэлльского языка в мире нет ничего. После света радуги. Я начала было отвечать: «ис анум дом ...» но загнулась, потому что не могла сообразить какое имя мне назвать. Я ведь больше была не королева Медб. Да и в бытность королевой я носила больше двадцати имен. И я не смогла ничего ответить.

- Не знаю, как тебя там на самом деле зовут, но тебе бы очень подошло имя Василиса – сказал он и улыбнулся – приятно познакомиться. То оха сурем пуле лат!

- Огус ормиша рашэн - сказала ему я- Кад ас тет? ...

Белая королева чем дальше, тем больше переходила на гэлльский и в конце концов Алиса перестала вообще что-либо понимать. Да и по

английский это вряд ли было бы намного лучше – королева дословно пересказывала диалог, смысла, в котором было не больше, чем в какой-нибудь школьной болтовне на перемене.

Одним словом, Алиса потихоньку встала и стараясь не шуметь быстро-быстро побежала в сторону Шалтая-Болтая

46А

- Оооооооох! – протяжно застонал Франсуа

Софи промолчала, потому что ничего уже не могла сказать. Следующие пару минут они просто лежали без движения, пытаясь понять на каком оказались свете.

- Не могу поверить – сказал наконец Франсуа – что это действительно происходит с нами.

- Видишь, Фа-Фа, как на тебя подействовал поход в мэрию. От былого рационализма и материализма и следа не осталось.

- Я сейчас пойду в душ, а потом у меня к тебе будет серьезный разговор

- Нет, дорогой мой, – сказала Софи – это я сначала пойду в душ, потом мы будем пить кофе, а потом уже всякие глупые разговоры

- Ничего они не глупые – буркнул Франсуа, но Софи посчитала нужным сделать вид, что не расслышала.

- Фа-Фа, у тебя сегодня получился очень вкусный кофе!

- Спасибо. Но тебе не удастся сбить меня с толку. Ты должна объясниться. Почему ты тогда мне отказала?

- На самом деле, из-за Мишель. Я собиралась всерьез выяснить отношения и неизвестно чем бы это могло кончиться.

- Не понимаю

- Фа-фа, ты просто не представляешь, что значит для моей семьи этот проклятый титул. Вокруг него столько всегда намешано. Хорошо, что Мишель оказалась обычной сумасшедшей и, в общем, особых проблем не доставила. А если бы она оказалась мошенницей

или за ней кто-то стоял серьезный, то у меня могли бы возникнуть проблемы. В том числе и с законом.

- Ты что собиралась её убить? – удивился Франсуа

- Ну в подобных делах обычно никто никого убивать заранее не собирается, но ситуация иногда вынуждает – серьезно сказала Софи

- Я бы в случае чего была бы вынуждена просить содействия у папы, а он человек довольно резкий, там все могло пойти непредсказуемо. Одним словом, мне не хотелось тебя в это впутывать.

- Неужели ты подумала, что я испугаюсь и тебя брошу в беде?

- Нет, конечно – рассмеялась Софи – как раз в тебе я была полностью уверена. Ты бы ринулся в бой за честь дамы, как настоящий рыцарь. И это, по совести, говоря, лучший способ наломать дров в данной ситуации.

- Все равно не понимаю.

- Фа-фа, дорогой. Сообщаю тебе, что ты сегодня выразил намерение сочетаться законным браком с женщиной, которая принадлежит к не совсем обычной семье. Не могу сказать, что Де Ла Гарде полностью стоят над законами этой страны, но случись что – я бы в тюрьму скорее всего не села. А вот тебя могли бы туда упрятать. Сделать крайним как они говорят. Тем более что ты хоть и жених, но без году неделя. У нас в Лангедоке чтобы чужака более или менее приняли должно пройти лет десять минимум, а лучше пятнадцать. Именно поэтому я не хотела устраивать свадьбу до того, как наступит ясность с Мишель. Но я не могла даже примерно предположить, когда именно это произойдет. Случай подвернулся именно на той самой вечеринке, где ты сделал мне предложение: я нашла её дневник. Но ты к тому времени уже успел подарить кольца и мне пришлось тебе отказать.

- Ун салат¹⁷

- Точно. Но слава богу, все обошлось малой кровью. А о Мишель все заботы взял на себя этот профессор. Он, кстати говоря, оказался не таким простофилей, как на первый взгляд.

- Да там вообще вся компашка довольно любопытная.

¹⁷ Une salade - «салат»: фразеологизм, означающий запутанную, многоплановую интригу.

- Наверняка они какие-нибудь тайные агенты. Греческо-ирландской повстанческой армии. Ой, смотри, Фа-Фа – Софи указала куда-то за окно – какие странные птицы!

- Обычные вороны или галки. Что в них странного?

- Посмотри, как странно летит вон та, справа. Какими-то зигзагами, разве что не задом наперед. А у той, что чуть сзади летит, по-моему, на хвосте розовые перья.

- Она только что от парикмахера. Софи, ты на ходу сочиняешь какую-то ерунду: кому придет в голову красить ворону в розовый цвет?!

- Ну посмотри же сам!

Но Франсуа если и был настроен на кого-то смотреть, то это точно были не вороны. Он схватил в охапку Софи и опять потащил её в спальню.

- Ленка, не отставай! – сердито каркнула большая серая ворона.

- Баб Мош, я устала что-то – отвечала ей ворона поменьше с розовым пером в хвосте – куда мы так торопимся?

- Эх, молодежь! Хилое поколение ...

- Да мы уже на месте – вступила в разговор третья ворона, выписывавшая в воздухе при полёте замысловатые круги – вон они у окна сидят. Кстати говоря, на нас смотрят.

- Действительно! Ну ладно, вроде с виду всё нормально. Что скажут наши ясновидящие?

- Через год ребенка родят. Потом еще одного. Лет пятнадцать ближайших я проблем особых не вижу у них. Могли в общем и не летать, и так всё ясно.

- Ну Ленка вон хотела. Да и нам кости размять лишний раз.

- Ленка уже налеталась – жалобно прокаркала ворона с розовым хвостом – давайте отдохнём, или вообще обратно превратимся. А домой на такси доедем.

- Ну в таком случае если только вот под тот мост – сказала странная ворона – и тут же резко изменив траекторию камнем ухнула вниз.

- Господи, как она маневрирует!

- И не говори, Лен! Но горбатого могила исправит. Кстати, в данном случае она права – там восходящий воздушный поток, может перевер-

нута ненароком. Так что давай примерно также резко снижаемся, за мной пристраивайся и не зевай ... Аааа!

Не прошло и десяти минут, как из-под моста, соблюдая максимально возможное достоинство, показались Кассандра Приамониду, мадам Мошэ и Эвелина Бакстер.

- Ну и где мы будем ловить такси? - ворчливо спросила мадам Мошэ

- Нам еще надо в магазин зайти, сидру взять в дорогу – сказала мадам Приамониду – а то завтра улетаем и неизвестно, когда ещё сюда попадем.

- В магазине он не очень – возразила Эвелина - лучше пойдете я вас отведу. Тут буквально в пяти минутах есть чудесный бар. Такого сидра вы нигде не найдете. Да и всё прочее тоже есть.

- Отличная мысль!

47

Сцена номер тринадцать: Шалтай-Болтай

- Шалтай – позвала Алиса

Ни звука в ответ

- Шалтай-Болтай – сказала Алиса чуть тише и эхо звонко раскатилось по округе

Опять не реагирует.

- Тухлое яйцо – одними губами сказала Алиса

- Что тебе нужно? – ответил, не поворачиваясь Шалтай-Болтай – уходи, я тебя не знаю. И не смей называть меня яйцом!

- Шалтайчик, прекрати придуряться – устало сказала Алиса – как ты мог меня не узнать. Надо поговорить. Спусти лестницу!

Шалтай-Болтай, не оборачиваясь, скинул засаленную веревочную лестницу. Алиса, впрочем, к таким фокусам уже привыкла и быстро вскарабкалась по ступенькам.

Шалтай-Болтай сидел и увлеченно рассматривал окрестности в подзорную трубу. Со стены действительно открывался великолепный вид – как на ладони были все клетки и если посмотреть в подзорную трубу, то можно было увидеть, чем занимаются практически все обитатели

Зазеркалья. Вот Белый Король проводит смотр своих потешных войск. Вот белая Королева и Белый Рыцарь вынимают из оврага маленькую черную пеишку, которая закатилась туда, и сама не может выбраться. Вот Черный Рыцарь о чём-то беседует со Львом, а Единорог мирно спит на лужайке. Вот Овца пытается запереть свой магазин, но никак не может найти ключи. Да это и не мудрено – ведь в дверях нет замка. Но она упрямо ищет ключи, проклиная весь белый свет. Вот Труляля и Траляля опять что-то не поделили и пытаются догнать стремительно несущуюся куда-то Черную Королеву, чтобы пожаловаться ей друг на друга. Вот, собственно, и дом Алисы с садом из лилий. Правда, Пудинга и Нахера нигде не видно. Вероятнее всего, они где-то возьмется в подвале, или просто дрыхнут после обеда.

- Впечатляет, да? – спросил наконец Шалтай-Болтай. И не дождав-шись ответа продолжил – хотя картина в целом вроде бы не меняется, но каждый раз обнаруживаешь что-то новое.

- Вообще-то, всё очень переменялось – сказала Алиса – чем дальше, тем сильнее ощущение, что оно доживает последние дни.

- А ты никогда не задумывалась над вопросом: а зачем оно вообще существует? – с важным видом начал Шалтай-Болтай - Вернее сказать, я уверен, что ты точно об этом никогда не думала, потому что ...

- Нельзя ли хоть раз в жизни обойтись без того, чтобы наговорить гадостей?! – раздраженно сказала Алиса – вот столкну тебя со стены, будешь знать. Ни королевская конница, ни королевская рать не поможет.

И она легонько подтолкнула Шалтая-Болтая, который тем не менее не удержал равновесия и полетел было вниз. Но Алиса проворно ухватила его за ногу.

- Ну что, будешь еще вредничать? – строго спросила она

Шалтай-Болтай умоляюще задергал свободной ногой, что Алиса расценила как капитуляцию и без особого труда втащила его обратно

- С ума ты сошла! – заорал Шалтай-Болтай, как только к нему вернулся дар речи – я же мог разбиться.

- Веди себя хорошо! – строго ответила Алиса и добавила – рассказывай, по существу, и без своих штучек. Я хочу полной ясности. Потому что все эти истории очень интересные, за исключением разве что Белой Королевы, но они решительно ничего не проясняют.

- Изволь – сказал внезапно успокоившийся Шалтай-Болтай – вот что тебе следует знать. Во-первых, Зазеркалье не существовало вечно.

Оно было специально однажды создано и как всякое когда-то созданное рано или поздно будет уничтожено. И срок этого уже близок.

- Кем оно было создано? - спросила Алиса

- Не важно. Во-вторых – продолжил Шалтай-Болтай – создано оно было затем, чтобы тут могли находиться сущности, вольно или невольно нарушившие законы перерождения и движения от Яви к Нави и наоборот. Вспомни крест, который тебе рисовал Черный рыцарь. Это как шахматы – те, кто ходит по правилам, спокойно живут. А те, кто нарушает правила, попадают сюда. Они как ты уже, надеюсь, поняла, сейчас заключены в оболочку шахматных фигур. Это понятно?

- Да

- В-третьих, все остальные обитатели Зазеркалья, не имеют воплощения в материальном мире. Попросту говоря, их ни в Яви, ни в Нави никогда не существовало и не будет существовать. Это фантазии, миражи, видения, если угодно. Я в том числе. Наша задача – удерживать означенные сущности здесь до того момента, пока их судьба не будет решена.

- Как это? – не поняла Алиса

- Очень просто – ответил Шалтай-Болтай – вот, например, Белый Король. Известной воитель, или разбойник - неизвестно кто больше. Даже в обличи шахматной фигуры он может быть опасен, попади в материальный мир. Но он не может покинуть Зазеркалье потому, что его все время кто-то или что-то отвлекает. Его королевская конница и королевская рать должны быть в постоянной боеготовности, чтобы собирать Шалтая-Болтая, хотя на самом деле нет ни конницы, ни рати, ни Шалтая-Болтая. Но король об этом не знает и потому постоянно занят тем, что следит за боеготовностью своей конницы и рати. Он бы убежал отсюда, но ему просто некогда. Понимаешь, о чем я?

- Понимаю. Но они, по-моему, не особо то следят. И вообще тут все только и делают, что болтаются без дела и говорят глупости.

- Следят-следят, уж поверь мне. Я бы мог тебе привести сотни и даже тысячи примеров, но не будем отвлекаться от главного. Главное здесь – это ты, моя девочка.

Алиса поморщилась – ей не нравилось, когда её называли «девочкой», да ещё и с такой противной интонацией.

- Я никакая не девочка - буркнула она

Шалтай-Болтай посмотрел на неё с таким выражением, как будто приготовил ещё какую-то гадость, но вдруг переменял тон на серьёзный.

- Ты права. Это не детская ноша. Возможно, она тебе не по плечу.

- Да что вы талдычите все одно и то же на разные лады – взвилась Алиса – какая ещё ноша? Что вы от меня хотите все?

- Тебе нужно решить судьбу Короля, двух Королев и двух Рыцарей

- С какой стати?

- С той стати, что тебя специально сюда для этого и пригласили

- Чего ты болтаешь! Кто меня пригласил?

Шалтай-Болтай закатил глаза к небу, всем своим видом показывая, что никогда не встречал более глупой девочки.

- Ну вспомни – продолжил он после паузы – как ты здесь очутилась

- Я ... - Алиса несколько замялась, потому что поймала себя на мысли что забыла, как она попала в Зазеркалье – ну я прошла сквозь зеркало

- Правильно. А много ли ты видела людей, которые ходят сквозь зеркало? Может быть у вас в школе или в семье такое практиковалось?

- Ты опять издеваешься! – возмутилась Алиса – конечно никто больше не ходил.

- Вот именно! Потому что тебя пригласили. А до этого тебя пригласили в Страну Чудес.

- Это же был сон! Я спала, а потом проснулась.

- Ну можно сказать и так – Шалтай-Болтай замолчал и пошевелил своими маленькими пальчиками так, как будто они у него затекли. Потом вдруг он протянул Алисе свою подзорную трубу и сказал:

- Посмотри-ка вон туда. Алиса взглянула в окуляр в том направлении куда указывал Шалтай-Болтай и увидела свой дом и сад с лилиями. Увидела Пудинга и Нахера, которые сидели на садовой скамейке. В общем они ничего такого не делали, но вдруг Алиса увидела, как Нахер превратился в Белого Кролика. Того самого, который без остановки носился по Стране Чудес с часами и в жилете, но без штанов.

- Ах, как я опаздываю, герцогиня будет в ярости – отчетливо сказал Нахер или уже теперь Белый Кролик.

- Оболееен! – протяжно в ответ ему пропел Пудинг и в мгновение превратился в Синюю Гусеницу, выдав изо рта струю дыма словно паровоз.

Затем они как в калейдоскопе последовательно и очень быстро превращались в Шляпника и Зайца, Герцогиню и Чеширского кота, Короля и Бубнового Валета, Джимми и Билли и еще бог знает кого.

- Ну это уже слишком – возмущенно воскликнула Алиса. И отбросив бинокль решительно шагнула со стены вперед. Она совершенно не боялась при этом упасть. И её совершенно не беспокоило, что брошенный ей бинокль полетел напрямик в Шалтая-Болтая, который не удержался на стене и полетел вниз.

Алиса была очень зла. И ещё ей хотелось во всем разобраться.

48А

Телефон зазвонил ровно в тот момент, когда профессор досматривал утренний сон.

- Здорово профессор – громко заорала трубка по-русски

- Михалыч, чтоб тебе лопнуть! – хмуро ответил профессор на чистейшем русском языке – почему ты опять звонишь в шесть утра?

- У кого шесть, а у кого и девять! Не по тем часам живете, гражданин О’Брайен

- Чёрт бы тебя подрал! Привет! – сказал профессор – Чего хочешь?

- Да узнать, как там наша свежепойманная?

- А тебе не рассказали?

- Да будто ты их не знаешь. Они накупили шмоток, напоролись перед отъездом сидра, мучаются похмельем и ни о чем другом говорить не могут третий день

- Ясно – вздохнул профессор – я общался вчера с Луиджи, он заверил что всё что надо извлек и память пере прошил. Девушку скоро отпустит домой. Вроде бы осложнений нет.

- А что с подселенцем этим, Гийомом Делагардэ!

- В Темной Нави уже.

- Ну да, за побег-то куда ещё. Слушай, шустрый попался. Восемьсот лет ловили.

- Да, прилично. Луиджи говорит, что искал Грааль. Думал обрести

телесное воплощение и завоевать мир. Установить царство истинной веры.

- Они как с глужду съехали с этим Граалем. Говорил, не надо было тогда связываться с этим Парцифалем. Гнилой пацанчик оказался.

- Да ладно, Михалыч, ты лучше вспомни, сколько мы этих Граалей продали и сколько денег выручили.

- А сколько у тебя их ещё осталось?

- Три кажется

- Когда кажется – креститься надо. Три точно?

- Вот ты зануда! – профессор кряхтя встал с кровати, и не спеша прошёл к неприметной двери чуланчика, расположенного возле туалетной комнаты – из-за тебя я не приняв ванной и не испив кофе вынужден лезть в старый пыльный чулан.

- Будет тебе и ванная, и кофий, и какава с чаем. Я же не просто так спрашиваю

- А что там у вас стряслось?

- Да Дед помирает. Плох совсем. А Варга и Яруга сопляки – не готовы пока как следует сторожить клад наш. К тому же и туристов много стало. Надо перебазироваться будет похоже. Опять же, по Китежу кое-чего подремонтировать. Купол, защиту, да и батискаф неплохо бы поновее. Ты где там?

- Да тут я, ищу – профессор с видимым усилием вытащил из чулана джутовый мешок и, запустив внутрь руку стал что-то нащупывать – да три всего. Плюс есть четвертый ещё, который ты тогда испортил.

- Так уж и испортил!

- Ну а как ты думаешь – надпись неприличного слова кириллицей поперёк кубка добавляет достоверности артефакту?

- Вот ведь говна пирога – обиделся Михалыч – уж и похохмить нельзя. Кубок то старый все равно. Ценная вещь. Можно задорого продать.

- Ладно, проехали. Нормальных Граалей ещё три штуки, в принципе денег если что хватит. С этой стороны мы прикрыты. У нас кто ещё из нарушителей остался не отловленный?

- Да, собственно, только Санта Муэрта и осталась. Она, конечно, самая тревожная – я что-то ума не приложу как к ней подступиться. Ну и эта девочка, Алиса Лидделл.

- Она то тут причем? Чего её сюда впутывать! Мы, кроме того, её сами же подселили.

- Да я так уж – Михалыч как показалось даже несколько смутился – просто, к слову, пришлось. К ней претензий быть не может. Боевой товарищ, практически.

- И макароны вкусно готовила.

- Это точно! Но ты, конечно, с этим кроликом и картами-шахматами, начудил тогда. Как тебе только в голову такое пришло.

- Я начудил? – с некоторой обидой возразил профессор – да неужели! А скажи мне, кто из нас в хлам обкуранный на гигантском грибе сидел. И орал: Обсолееееен! Или часы в чай макал. Может быть я?!

- Не орал, а разговаривал драматическим баритоном. Просто громко. У тебя кстати не осталось травы этой?

- Я вообще-то был уверен, что это твоя.

- Вот те раз! А где же мы её взяли тогда? Но, между прочим, подключить Кэролла – это была точно твоя идея.

- А я и не отрицаю. Такой материал не имел права пропасть! Сокровище мировой литературы как выяснилось. И кстати вполне сошлось с исходным нашим замыслом. Хотя наврал он все же прилично, и от себя много добавил. Но на то и писатели, чтобы приукрасить.

- Ты говорил у него раздвоение личности было.

- В легкой форме. Плюс баловался всякими веществами, ныне запрещенными. Но там никаких подселенцев, чистая медицина.

- Точно?

- Михалыч!

- Ладно извини. У меня просто эта Санта Муэрта из головы не идет.

- Как у вас это говорится – утро вечера мудренее. Дай мне доспать, потом придумаем что делать.

- Хорошо! Спокойной ночи. Спокойного утра, вернее сказать.

49

Сцена номер четырнадцать: Пудинг и Нахер вносят ясность

Алиса, Пудинг и Нахер сидели на крыльце у дома. Снова шел дождь, но в этот раз какой-то несусразный. Мелкая взвесь кружилась совсем

уж невпопад, вода не падала ни снизу-вверх, ни сверху вниз, а болталась посередине. Казалось, что все Зазеркалье попало в огромный аквариум.

- Я хотела вас убить – сказала Алиса – вы не представляете, как я была зла. Я даже сама себе этого не представляю.

- Нас не так просто убить – сказал Нахер – но хорошо, что ты успокоилась. Теперь мы можем приступить к делу.

- Скажите ещё раз – попросила Алиса – чтобы я точно поняла. Вы меня специально заманили еще тогда на лужайке?

- Ну не то, чтобы специально тебя – сказал Пудинг – просто пустили приманку. Кто клюнут тот и наш.

- А остальные получается кролика не заметили?

- А у остальных не обязательно был кролик. По факту ведь никто никуда не бегал – сказа Нахер – твоя тетя Милли слышала голоса так любимых ей пирожных с кремом. Пастору виделась дева Мария ну и так далее.

- Боже – засмеялась Алиса – И как только тётя Милли смога устоять! И что же они, то есть вы, ей говорили?

Пудинг в ответ превратился в огромное пирожное и важно произнёс:

- Милли пойдем со мной я отведу тебя в царство волшебной выпечки, от которой можно похудеть

Алису это так рассмешило что следующие пять минут Зазеркалье сотрясалось от раскатов хохота – Алиса смеялась заливисто, но очень тихо и специфичная зазеркальная акустика усиливала её смех многократно.

- Слушайте, а нельзя никак убрать это дурацкое усиление звука? – спросила Алиса, отсмеявшись – ужасно раздражает, когда перепутано тихо и громко.

- Да можно, конечно – сказал Нахер.

Он полез в карман своего кафтана, достал оттуда какую-то продолговатую коробочку с кнопками и светящимся прямоугольником сверху, нажал несколько кнопок и, о чудо – все стало звучать совершенно нормально. Тихое тихо, громкое громко.

- И вы молчали все это время – возмутилась Алиса

- Ну ты бы сказала, мы бы поправили – ответил Нахер – я думал так забавнее

- В самом деле – подтвердил Пудинг – ты же не говорила ничего. Мы думали, что нормально и так.

Алиса посмотрела на них и обреченно вздохнула.

- Ага, лучше не придумаешь. «А кто же из вас чеширский кот?» — спросила она

- Мы по очереди – сказал Пудинг – так и не смогли поделить.

- И Лев с Единорогом тоже вы?

- Да. И Шляпник с Зайцем, и Герцогиня с ребенком, и Труляля и Траляля и вообще любой тандем, который тебе попадался в твоих приключениях.

- А зачем было ломать всю эту комедию?

- Ну а как иначе? – ответил Пудинг – представь себе, к тебе подходит в парке заяц без штанов, но с часами и говорит – ты должна решить судьбу пятерых душ, которые при жизни были весьма влиятельными особами. Что бы ты подумала?

- Да даже если и в штанах. И не заяц – добавил Нахер – тебя надо было погрузить в историю, чтобы ты стала её частью. Чтобы решение твоё было взвешенным и справедливым.

Алиса почесала подбородок

- Вы мне можете нормально объяснить какое решение я должна принять и главное – почему именно я?

- Все просто – сказал Пудинг – для этого правда тебе придется выслушать историю о нас с Нахером. Но обещаю, она будет последней.

Алиса моча кивнула.

- Итак – продолжил Пудинг с видимым удовольствием – Черный Рыцарь совершенно правильно сказал тебе, что мир разделён на четыре части. Мы их зовём секторами. Наша задача – поддерживать порядок, чтобы процесс перерождения и перехода душ из одного сектора в другой происходил согласно установленным правилам.

- Вы сторожа?

- Сторож – на складе – недовольно буркнул Нахер – Мы Хранители.

- Да, сторож звучит как-то обидно – согласился Пудинг – но не суть важно, мы когда надо и сторожим. Когда надо - исправляем огрехи, водворяем на место заблудившихся и все в таком духе.

- Вспомнила, Белый Король называл вас Канцелярия

- Нет, то, что он называл Канцелярия – на самом деле Общий Ход Вещей. Этот ход вещей ...

- Я знаю, как лучше и короче объяснить – вмешался Нахер – представь себе большие часы. Ну хотя бы тот же Биг Бэн в Вестминстере.

Часы большую часть дня идут сами по себе, но иногда их надо проверить правильно ли они показывают время, передернуть маятник, может быть смазать механизм, или устранить мелкие неполадки и все такое прочее. Мы как раз этим и заняты, применительно к Общему Ходу Вещей. Но представь себе теперь, что часы серьезно сломались и механики, которые их обслуживают не могут ничего сделать. Им нужно вызывать инженера, королевского астронома или еще бог знает кого, чтобы решить проблему. Вот потому мы и пригласили тебя помочь.

- Теперь я немного начинаю понимать – сказала Алиса – кроме одного: я же не инженер и не королевский астроном. И понятия не имею как устроен этот ваш Ход Вещей, и как ваши короли и королевы вместо Яви попали в Навь, или наоборот. Я всего лишь Алиса Лидделл, мне десять лет - тут она запнулась – вернее было десять лет, когда я сюда попала. Чем же я могу вам помочь?

- Смотри какое дело – сказал Пудинг – все они нарушили Ход Вещей и либо переродились не по правилам, либо вовсе попали в Явь без тела, или в Навь с телом. Мы их оттуда извлекли и заключили в шахматные фигуры. С этим проблем нет. Но вопрос в том, что с ними делать дальше. Нельзя чтобы они вечно оставались шахматными фигурами, это против правил. Дом в дым, дым в даму, а дама в маму – как любит говорить Черная Королева. Перерождение должно происходить. Даже если на дворе Кали-Юга.

- Пудинг, ты опять за своё – возмутилась Алиса – прошу тебя, оставь эти разговоры про Кали-Югу. Что до решения их судьбы: а вы не можете их отправить туда, откуда они сбежали? В ту же точку.

- Можем, но они тогда опять сбегут – сказал Нахер - даже при том, что они сами не знают, как и почему сбегут с установленного им пути. Ну ты же слышала все их истории.

- Не все – сказала Алиса – Белую королеву я просто не смогла дослушать.

- Да - сказал Пудинг – она интересно рассказывать не умеет. Хотя её история самая примечательная.

- А вы не можете узнать у них куда ни хотят попасть? – спросила Алиса – и направить их именно туда.

- Я думаю это мало поможет – ответил Нахер – во-первых, потому что они сами не знают, чего хотят. Во-вторых, потому что не знают всех мест, куда они в принципе могут попасть ...

- А во-третьих, потому что ответ на этот вопрос будет зависеть от спрашивающего

- Это как?

- Ну представь себе, что к тебе на улице подошел человек и спросил: «Скажи, я тебе нравлюсь?» Что ты ему ответишь?

- Зависит от того, что именно ко мне подошел.

- Вот-вот! Кому-то ты ответишь, что он тебе нравится, кому-то что нет. А кому-то вообще не найдешь что ответить.

- А бывают случаи – заметил Нахер – когда человек отвечает заведомо неправду. По разным причинам.

Алиса не нашлась что на это возразить и замолчала. Несколько минут она смотрела вдаль. Дождь кончился (а может его выключил Нахер поколдовав над своей коробочкой) и в воздухе разлился какой-то приятный запах, который обычно бывает летом после грозы.

Алиса вдруг подумала, что ей безумно жалко будет расставаться с Зазеркальем. Хотя было очевидно, что после всего произошедшего в последние дни по-прежнему быть уже не может. Да и не хочется. Алиса подумала, что она определенно будет скучать по своим друзьям. Даже очень-очень сильно. Даже, наверное, будет плакать иногда.

- Знаете, что – сказала она – я кажется придумала что делать. Зовите их всех сюда.

Пудинг издал какой-то странный звук – не то щёлкнул языком, не то свистнул и через мгновение перед Алисой выстроились Белый Король, Белая и Черная Королевы и оба Рыцаря.

- Друзья – сказала Алиса тождественно – я кажется знаю как вам помочь. Ответьте мне на вопрос: вы хотите продолжить перерождения и жить дальше, повинувшись Общему Ходу Вещей?

- Да – хором ответили все, и только Белый Рыцарь замялся и промолчал

- Вообще-то, я не очень хочу – сказал он – я уже кем только не был – и человеком и лососем, и кабаном.

- Понятно – сказала Алиса – Тогда я спрошу всех остальных: хотите ли вы оказаться в следующее своё перерождение в одном секторе?

- Нет – также хором ответили все.

- Ну вот вам и решение! – сказала Алиса, обращаясь к Пудингу с Нахером – Их четверо, каждого возвращаем в свой сектор.

- А кого в какой? – спросил Нахер

- Не знаю – Алиса ненадолго задумалась, а потом сказала – Пусть кто куда хочет, тот туда и возвращается. Или, к примеру, кинуть жребий.

- Жребий – это самое правильное – сказал Пудинг – А что делать с Белым Рыцарем?

- Вообще-то – сказал Белый Рыцарь – меня тут всё устраивало. Я бы не хотел отсюда никуда уходить.

- Но разве это возможно? – спросила Алиса

- Дай подумать – сказал Нахер. И обращаясь, по всей видимости, к Пудингу спросил: А мы можем его сделать хранителем сказки?

- Думаю да – ответил Пудинг после некоторого размышления – это было бы весьма кстати.

- Ничего не поняла – сказала Алиса – что такое хранитель сказки?

- Сказка – наставительно сказал Пудинг – это особая форма реальности. В ней все многократно повторяется. Можно сказать, что каждый раз, когда её кто-то читает, история воспроизводится заново. То есть Красная Шапочка идёт в лес и встречает волка. В сотый, тысячный или даже миллионный раз. Но каждый раз это должно быть убедительно, чтобы читатель поверил. И за сказкой тоже надо следить: чтобы ничего не разбалтывалось, развинчивалось и работало так как нужно. И сказке нужен хранитель. Не у всякой сказки он есть, но у самых известных – обязательно кого-то подбирают. Но работа это сложная, ответственная.

- Я согласен – сказал Белый Рыцарь – работы не боюсь.

- Погодите, а о какой сказке речь? – не поняла Алиса

- Ну как о какой – засмеялся Пудинг – Во-первых, приключения Алисы в Стране Чудес, а во-вторых, её продолжение про Зазеркалье. Об этом на той стороне зеркала давно уже написана книга, просто до сей поры сказка не была окончена и потому за ней присматривали мы с Нахером. А теперь сюжет сыгран, следить станет проще. С этим вполне справится Белый Рыцарь.

Белый рыцарь улыбнулся и поклонился в знак благодарности.

- Ну что – обратился Нахер к остальным – давайте бросать жребий куда кому.

- Только без жульничества! – сказала черная Королева – А то знаю я вас.

- Спокойно – ответил Пудинг – одно из наших имен – демоны Максвелла. Не такие заковыки разруливали.

Нахер тем временем достал из кармана четыре камня: белый, светло-серый, темно-серый и черный. Затем снял с себя свой нелепый картуз, положил туда камни и сказал: «Тяните!»

50А

Софи уже порядком надоело торчать в «L'écritoire», но Франсуа всё не появлялся. Занятия внезапно отменили, есть и пить больше не хотелось, а подзарядку для электронной книги она забыла дома, так что приходилось скучать и смотреть в окно.

- Простите мою назойливость – вдруг кто-то сказал у неё за спиной

Это была Мишель. Она серьезно изменилась с момента их последней встречи: прежде всего взгляд стал другим. Да и кажется похудела немного.

- Вы ведь учитесь на филфаке? И вас зовут Софи?

- Да.

- А меня зовут Мишель Лефевр. Мне очень понравился ваш последний «экспозе ораль» про Кэрролла.

- Очень приятно – Софи Де Ла Гардэ.

- О, это, наверное, какая-то знатная фамилия?

- Не без этого, но скоро я буду всего лишь Софи Пийон. Немного подпортим родословную.

- Я вам не помешаю?

- Что вы! Присаживайтесь. Пока моего жениха где-то носит, мы можем выпить по чашечке кофе.

- С удовольствием! Вы простите мне мою назойливость: я давно хотела с вами познакомиться, но мне мешала моя застенчивость. Я знаете ли, совершенно не умею налаживать коммуникации.

Софи пришлось сделать над собой титаническое усилие, чтобы ничего не ляпнуть, но тут, слава богу, подоспел официант.

- Так вот о Кэрролле – сказал Мишель после недолгой процедуры заказа – я никогда не была его большой поклонницей, но вы так вкусно об этом рассказывали, что даже захотелось перечитать.

- Надо же, а мне он всегда нравился. Хотя, разумеется, английскую специфику понять иногда непросто. Я даже как-то ездила в Лондон на заседание Кэрролловского общества.

- В самом деле?!

- Я познакомилась там со многими специалистами по Кэрроллу. В частности, с профессором О'Брайеном. Оказался очень интересным собеседником. Вы случайно с ним не знакомы?

- Никогда о нем не слышала. Если честно я далека от всего этого. Да и его творческий метод мне как-то не близок.

- Ну да, все люди делятся на тех, кто болен Кэрроллом, и тех, кто его решительно не понимает.

- Да это так – засмеялась Мишель – и я, по правде говоря, из второй группы.

- А у вас какая тема?

- Вообще-то, я изначально выбрала Кретьена де Труа и его «Легенду о Граале». Но теперь вот сомневаюсь – не поменять ли тему.

- Почему?

- Правду говоря, скучновато. Кроме того, вокруг темы Грааля всегда вертится огромное количество сумасшедших. Все эти эзотерики, мистики, розенкрейцеры и прочие. Очень тяжело продираться сквозь ахиною, которую они несут. Я подумываю переключиться на латиноамериканскую литературу. Кортасар или может Маркес – что-то в этом роде.

- Даже не знаю, что на это сказать. В любом случае это интересно. Хотя мне кажется, что наши профессора вам измену Кретьену де Труа не простят. Тем более с латиноамериканцами.

- Действительно – Мишель искренне засмеялась – ну тогда придется набраться терпения и сделать магистерский диплом про Грааль. А дальше уже пуститься во все тяжкие с темпераментными мачо.

- Эх! – в тон ей сказала Софи – знали бы вы, как я вас в этом поддерживаю. Но ... вот, кстати, идет мой жених, ни слова больше о латиноамериканцах! Дорогой, познакомься, это Мишель. Мишель – это Франсуа.

- Оч-ч-чень приятно!

- Взаимно, месье. Я, к сожалению, вынуждена вас покинуть. Спасибо за компанию.

- Так скоро?

- Честно говоря, не хочу вам мешать.

- Мишель, вы нисколько не мешаете

- И все же. Мне пора. С вашего позволения я загляну на следующей неделе мы можем еще немного поболтать. Оревуар.

- Оревуар

51

Сцена номер пятнадцать: Расставание.

Если со жребием проблем особых не возникло, то прощание несколько затянулось. Короли и королевы расчувствовались и долго давали друг другу и, конечно, Алисе различные пожелания и наставления. Даже Чёрный Рыцарь, вопреки обыкновению толкнул речь, и на прощанье обнял Алису так, что чуть не сломал ей ребро. Но наконец-то все осталось позади. Белый Рыцарь простился и ускакал на своем деревянном коне с царapiиной на боку.

Алиса, Пудинг и Нахер решили пообедать, бблаго на кухне нашлось немного макарон.

- А теперь что? – спросила Алиса.

- Нам, к сожалению, тоже пора расставаться – сказал Пудинг - Все исполнено, осталось последнее дело. Верее два.

- Каких?

- Ну, во-первых, надо поесть. А во-вторых, придумать что делать с тобой.

- В каком смысле?

- В самом что ни на есть прямом. У тебя же нет тела. Физически Алиса Лидделл умерла 16 ноября 1934 года, то есть почти 70 лет назад.

- И что же делать?

- По инструкции – вступил в разговор Нахер – мы должны тебя отправить на новое перерождение. Можем сделать так, чтобы ты не ждала в очереди и переродилась в благополучном семействе.

- Это опять идти в школу? – спросила Алиса – я ужасно не хочу.

Пудинг и Нахер удивлённо переглянулись:

- Прям вот настолько? – спросил Пудинг

- Ага! Как представляю, что опять эта грамматика, литература, география ... брр!

- Даже не знаю, что и делать – сказал Нахер – Можно, конечно, отправить тебя в Светлую Навь в конце очереди поставить. Лет сто или двести проживешь там, соскучишься ...

- Я честно сказать хочу побыть взрослой – сказала Алиса – безо всякого детства, школы, прочих неприятностей. А то получается все были взрослые, делали что хотели, а я два раза подряд слушайся мамок-нянек да пугайся всякого окрика родителей. А сто лет в этой вашей Нави пролетят не заметишь. Мы, собственно, тут тоже получается столько же компот варили. А как будто месяц прошел, или того меньше.

- Ну тела то у нас свободного нет – сказал Нахер

- А если подселить? – спросил Пудинг

- Вообще-то, не положено – начал Нахер

- Вообще-то, случай особый – возразил Пудинг

- Вообще-то я ничего не понимаю – сказала Алиса – вы о чем сейчас?

Нахер почесал затылок, слизнул с тарелки последнюю макаронину и сказал:

- Мы можем тебя подселить к кому-нибудь. Ну то есть там уже есть своя душа, но в крайнем случае можно и подселить.

- Так у тела будет две души?

- Ну да вроде того. Две сущности.

- А если мы не поладим? Это же человек с ума сойдет. И его сдадут в сумасшедший дом. Я так не хочу.

- Не обязательно. А насчет душевых болезней ... как говорится, нет здоровых, есть необследованные. Сейчас что-нибудь тебе подберем.

Нахер снова полез в карман и достал свою коробочку с кнопками. С минуту он что-то колдовал над ней, а потом сказал:

- Так ну вот что у нас есть. Ты же хочешь женщиной, правильно?

- Само собой!

- Тогда набираем: женский пол, возраст до 25 лет.

- Двадцать пять лет — это же старуха совсем!

- Сейчас всё немного по-другому. Люди живут дольше, взрослеют медленнее, считай 7 или 10 лет можно вычитать. Смотри: из более или менее подходящего есть Индия пятнадцать вариантов, Китай – семнадцать, Индонезия – восемь ...

- Нет-нет, только не Индия. А в Англии нет ничего?

- Есть одна, но там судьба несчастливая совсем. Ранняя смерть, болезни и все такое. Франция – одна девушка, но она сменит пол в 30 лет.

- Брр ...

- А тут война будет скоро, погибнут ... не годится. Идем дальше. Ну вот, есть Австралия – два варианта, но там девки какое-то страшные, откровенно говоря. Замуж не выйдут скорее всего. Мало интересного. Вот один вариант есть в России.

- Ещё не легче! Лучшие уж старые девы в Австралии.

- Ну взгляни сама – Нахер развернул коробочку к Алисе. Там оказался маленький светящийся экран, на котором появились портреты девушек – как скажешь, нам то всё равно по большому счету.

Алиса взглянула на экран, и убедилась, что Нахер был прав: русская девушка была существенно симпатичнее. Но все равно сомнения остались.

- Там же медведи по лицам ходят!

- Ага пьют водку и играют на балалайках. И еще едят парафиновые свечки на завтрак – поддакнул Пудинг – глупости всё это! Везде жизнь. Не понравится – переедете в Англию в конце концов. Сейчас это не так уж и сложно.

Алиса задумалась.

- Возьми компот – сказал Нахер – надо допить, жалко оставлять.

- А я буду помнить то, что со мной было здесь? – спросила она.

- Вообще это не положено – сказал Пудинг – но про тебя мы никому не скажем если что. Захочешь – будешь все помнить до мельчайших деталей.

- Да, это мне нужно – сказала Алиса – давайте уже тогда перемищаться пока я не разревелась.

- Пойдем к зеркалу – сказал Нахер.

Они пошли в соседнюю комнату, но Алиса не выдержала и по дороге всё-таки заплакала. Она повисла на шее у Нахера и ревела как дурочка, сама не зная почему. Нахер хоть и старался не подавать виду, но тоже нет-нет, да и шмыгал носом, а Пудинг отвернулся чтобы никто не видел: плачет он или нет. Так они стояли у зеркала довольно долго.

- Ладно – наконец сказала Алиса – пора. Вы это ... посуду помойте, а то знаю я вас.

- Помоем – сказали Пудинг и Нахер

- А что делать то?

- Как стекло мерцать начнет, шагай прямо в него – сказал Нахер

- А я вас больше никогда не увижу? – спросила Алиса

- Да нас в общем чем меньше видишь, тем спокойнее живёшь – сказал Пудинг – но мы тебе будем присылать весточки. Ну как почтовые открытки, только это будут не открытки. Туда, где ты летишь, уже открытки никто никому не посылает.

- А я узнаю, что это от вас?

- О, за это не переживай – засмеялись Пудинг и Нахер. Алиса тоже стала смеяться и слезы как-то сами собой высохли. Ну почти.

- Прощайте! – серьезно сказала она – я не буду оборачиваться только.

- Прощай! – сказал Нахер

- Мы тоже не будем оборачиваться – сказал Пудинг. А я, пока ты летишь, буду тебе читать стих. Говорят, он помогает легче переносить полёт.

- Приготовься! - скомандовал Нахер

Зеркало замерцало и Пудинг забормотал:

О боги подземных станций, как вы это терпите!

Семь ветров навстречу и лицом в бездну неба...

Алиса закрыла глаза и шагнула.

Эпилог

*О боги подземных станций, как вы это терпите!
Семь ветров навстречу и лицом в бездну неба...*

Алиса уже куда-то летела: ей даже сначала показалось, что она опять видит географические карты и банки с вареньем, но, честно говоря, она ничего не успела рассмотреть.

Мир взорвался, рассыпался осколками, больно режущими пальцы. Дети разглядывали их на протяжении многих сотен лет после взрыва, находя в поржавевших конструкциях. На осколках были кусочки синего, розового, белого, золотого, фрагменты лиц и событий, давно ушедших в небытие. Но постепенно все уцелевшие осколки приобрели одинаково коричнево-ржавый цвет запекшейся на них крови всех тех, кто брал их до этого в руки.

Нет, вообще-то, всё было немного не так. Падала она достаточно долго. Во всяком случае, Алиса продолжала слышать, как бормочет Пудинг. Правда под конец она уже не была уверена, что это был именно Пудинг:

В крошечной пустоте тьмы всегда летал пепел, и жители пустоты были грязно-серого цвета. Они умели выдувать забавные фигурки из скопившейся в легких пепельной слизи. И однажды появился тот, кто задумал выдуть купол. И дул он его всю жизнь, пока в его легких не кончилась пепельная слизь. Он смотрел на осколок, зажатый в окровавленных пальцах, и плакал. И тогда кусок чуждого мира засверкал, на мгновение, окрасив недодутый купол белым цветом. Тогда плачущий умер счастливым, ибо увидел он то, что взорвалось и рассыпалось много сотен лет назад.

О боги подземных станций...как...

И только на слове «как» Алиса действительно свалилась. Судя по всему, кому-то на голову.

- Ты кто такая, черт тебя побрал! – донеслось откуда-то снизу

- Кто здесь? – удивилась Алиса

- Слезь с меня немедленно! – продолжал возмущаться этот кто-то.

- Ой! - сказала Алиса и постаралась как можно быстрее встать и освободить сердитого кого-то. Правда, встать она не встала, но отползла куда-то в сторону, и через секунду перед ней возникло лицо в меру взлохмаченной девушки с короткой стрижкой, усыпанное веснушками. Еще Алиса заметила, что в языке у неё торчала какая-то странная железка.

- Вежливые люди – со значением сказала девушка – обычно сначала просят разрешения, а потом уже, получив его, входят. А не сваливаются невесть откуда.

- Простите великодушно – максимально кротко ответила Алиса - Я не хотела вас обижать, но дело в том, что я никак не могла вас предупредить. Я вообще не знала куда попаду и каким образом. Меня, если можно так выразиться, сюда забросили. Как ядро. А это вы читали про богов подземных станций?

- Да – собеседница немного смягчилась – это Девятый Псалом Седьмого Вагона Зброшенной Ветки. Я сама сочинила.

- Это очень похоже на то, что любил читать один мой знакомый. Его звали Пудинг. Правда вряд ли вы его знаете.

- Брр ... а тебя-то как зовут?

- Алиса. Алиса Лидделл.

Девушка при этих словах повела себя как-то странно. Она вдруг наклонила голову сжала виски и, глядя куда-то в пол, отчетливо произнесла:

- Бедный Тайлер Дерден: его так перло по жизни. Но, по правде говоря, это уже чересчур: того гляди еще Белый кролик придет до кучи, или Гусеница с кальяном

- Простите, что отвлекаю – несмотря на непривычную манеру поведения, девушка Алисе определенно понравилась – а кто такой Тайлер Дерден? И ещё - Кролик и Гусеница точно не придут. И я вам не привиделась. Я ... как бы это объяснить? Одним словом, теперь мы будем все время вместе. А, кстати говоря, откуда вы знаете про Белого Кролика?

- В книжке читала. Там всё написано довольно подробно. А почему ты сказала, что мы теперь будем всегда вместе?

- Тут такое дело – Алисе сделалось ещё более неловко – я очень долго пробыла в Зазеркалье и мое физическое тело, к большому сожалению, уже покинуло этот мир. А мне хотелось пожить по-человечески. Нет ничего хуже духов, призраков, всяких прочих недо-умерших, пересидевших, полумертвых и их историй, от которых потом голова кругом идет. Ну и Пудинг и Нахер, то есть, виновата, Хранители, предложили меня подселить к вам. Сказали, что у вас крепкие нервы и раздвоение личности вам не особенно повредит. И вот я здесь.

Насчет крепких нервов Алиса, конечно, приврала. Девушка, между тем, секунду молча смотрела на Алису, а потом глаза её совсем округлились, и она сказала тихо и безо всякого выражения:

- Я фигею, какие большие огурцы продаются в наших кооперативных магазинах.

- Что, простите? – не поняла Алиса

- Да ничего! – заорала вдруг девушка – а меня, блин, кто-нибудь спросил?!

И дальше выдала такую заковыристую нецензурную тираду, что Алиса сначала покраснела от смущения, потом возмущилась, а под конец её разобрал смех. Это было настолько заразительно, что через секунду они уже обе истерично хохотали.

- Прекрати немедленно ржать!

- Сама прекрати! Как кстати тебя зовут?

- Ну, теперь я и не знаю. А до твоего появления меня звали Мин-Мин.

- Какое странное имя.

- По-башкирски «мин» означает – я. Вообще-то меня родители звали меня по-другому, но мне это имя не нравится.

- Почему?

- Не нравится и всё. Тебе же, если я не ошибаюсь, не нравилась Мэри Энн.

- А, ну да – снова рассмеялась Алиса – я уже и забыла думать про Мэри Энн. Согласна, не очень приятно, когда тебя так зовут.

- Я одно время хотела, чтобы меня звали Ангела, но потом передумала. Расхотела. Теперь вот и не знаю, чего хочу. Так что пока просто Мин-Мин.

- А почему по-башкирски?
- Потому что это Башкирия
- А это вообще где?

- Это вообще в России. Но есть нюансы. Потом расскажу. Короче, мы в Башкирии, детка! Сейчас мы выйдем из маршрутки, сходим в магазин и потом ты мне всё подробно расскажешь про свои пудинги-шмудинги. Смотри вот это – я. То есть теперь это мы.

Мин-Мин развернула Алису вполоборота, и Алиса увидела Мин-Мин, то есть теперь уже себя, стоящую посередине улицы и смотрящую в зеркальце с целью поправить прическу. Это было странно – Алиса не могла еще свыкнуться с мыслью, что у нее общее с Мин-Мин тело, но после всего, что с ней произошло, в конце концов, это было и не так уж и необычно. Тем более что Алиса отвлеклась на стрижку:

- Какая ужасная прическа?
- Самая актуальная! Понимала б чего! Вчера только постриглась сходила. Мне лично очень нравится. Вот!
- У нас такого не было.
- Ну, у вас много чего не было. Ничего, привыкнешь постепенно.

Пошли в магазин.

- Пошли.
- Пока я буду выбирать еду, ты давай рассказывай.
- А что рассказывать?
- Да все. С самого начала. Я же должна знать, кого мне занесло в соседях. Излагай обстоятельно и ничего не пропуская.

- Хорошо. По правде сказать, тут с чего не начни, получается не очень, но, пожалуй, действительно важным представляется момент, когда Черная Королева познакомила меня с Пудингом.

- «Пудинг – это Алиса, Алиса – это Пудинг?»
- Именно! Так вот, с этого всё и началось ...

Содержание

Долгая песнь Уробороса.....3

Петины сказки.....105

Подлинная история Алисы Лидделл
рассказанная под большим секретом
узкому кругу доверенных лиц.....173

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36
Подписано в печать 19.04.2019. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,75. Тираж 100 экз. Заказ 280.
Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»